

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2/2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным
наукам РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 2/2025

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),

5.2.4. Финансы (экономические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения

могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 07.05.2025

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 250 экз.

Печать офсетная. Заказ № 2195-25

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2025

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

95-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Вступительное слово директора Института экономики РАН М.Ю. Головнина	7
Ахапкин Н.Ю. Разработка стратегий экономического развития: опыт и подходы Института экономики Российской академии наук	9
Гловели Г.Д. Первые промышленные революции и российские школы экономической мысли	25

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Мальцев А.А., Чичилимов С.В. Регионально-отраслевая реструктуризация инвестиционных потоков как фактор укрепления устойчивости экономики Урала	52
Тимофеева О.И. О понятии бюджетной открытости (прозрачности)	71

ФИНАНСЫ

Полбин А.В., Кропачева М.А. Влияние асимметричной жесткости номинальных заработных плат на фискальную и денежно-кредитную политику в России	93
Плачинда К.Д. Влияние изменения овернайтных процентных ставок на отраслевые индексы МосБиржи	120

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Абрамов В.Л., Васильченко А.Д. Региональные цепочки стоимости как механизм укрепления торговой интеграции в ЕАЭС	144
Саламатов В.Ю., Тангаева А.В., Жаркова А.А. Мегарегиональные соглашения в условиях фрагментации мировой экономики: стратегии ЕС и Китая	167
Пылин А.Г. Контурсы торгового взаимодействия России и Беларуси в новой геоэкономической реальности	185

CONTENTS

95TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**Introductory Remarks by Director of the Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences M.Yu. Golovnin** 7

Akhapkin N.Yu.

Development of Economic Strategies: Experience and Approaches
of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences 9

Gloveli G.J.

The First Industrial Revolutions and Russian Schools
of Economic Thought 25

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Maltsev A.A., Chichilimov S.V.

Regional and Industrial Restructuring of Investment Flows
as a Factor of Strengthening the Sustainability of the Ural's Economy .. 52

Timofeeva O.I.

On the Concept of Budget Openness (Transparency) 71

FINANCE

Polbin A.V., Kropocheva M.A.

The Impact of Downward Nominal Wage Rigidity on Fiscal
and Monetary Policy in Russia 93

Plachinda K.D.

The Impact of Changes in Overnight Interest Rates on the Moscow
Exchange Industry Indices 120

WORLD ECONOMY

Abramov V.L., Vasilchenko A.D.

Regional Value Chains as a Driver of Trade Integration in the Eurasian
Economic Union 144

Salamatov V. Yu., Tangaeva A.V., Zharkova A.A.

Mega-Regional Agreements in the Context of World Economic
Fragmentation: EU and China Strategies..... 167

Pylin A.G.

Contours of Trade Interaction between Russia and Belarus
in the New Geoeconomic Reality 185

95-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Дорогие коллеги и друзья!

В 2025 г. исполняется 95 лет со дня основания Института экономики Российской академии наук – старейшего академического учреждения экономической специализации в России. За этот долгий период работавшие в нем ученые занимались исследованием большого круга проблем, среди которых в качестве двух основных направлений я бы выделил экономическую теорию и вопросы экономической политики в широком смысле этого слова. Речь идет о теоретических разработках, важных для понимания функционирования российской экономики, и практических предложениях по совершенствованию ее функционирования. Периодически важной проблематикой в работе Института становились вопросы мировой экономики, что было связано с различными процессами реорганизаций научных учреждений. Исследования в данном направлении стали особенно актуальными после объединения с Институтом международных экономических и политических исследований РАН в 2005 г. Сейчас они сосредоточены на изучении влияния на российскую экономику процессов, происходящих как на глобальном уровне, так и в экономиках ее стран-соседей.

В разные периоды своей длительной истории Институт сталкивался с различными ограничениями в своей деятельности: идеологическими, финансовыми, кадровыми, формально-бюрократическими и др. Различной была степень востребованности научных результатов органами государственной власти. Тем не менее многие яркие ученые, работавшие в Институте, осуществляли свои исследования на высоком уровне. За прошедшие годы в Институте накоплен богатый опыт исследований по широкому кругу различных направлений и были получены важные научные результаты. И сейчас работы, ведущиеся в Институте, отражают актуальные проблемы российской экономики с учетом тех вызовов, с которыми она сталкивается.

Во время празднования предыдущего юбилея Института в журнале «Вестник Института экономики Российской академии наук»

была запущена рубрика «К 90-летию Института экономики РАН». В ее рамках было опубликовано девять статей, посвященных различным направлениям исследований в истории деятельности Института¹. К их числу относились политэкономические, финансовые, аграрные исследования, изучение экономических проблем федерализма, социально-трудовой сферы, вопросов экономической безопасности, проблематики научно-технического прогресса и развития, экономической интеграции.

Однако все перечисленные выше и, безусловно, важные направления не покрывали всю проблематику исследований Института, осуществлявшихся в прошлом и продолжающихся в настоящее время. В связи с этим через пять лет, в рамках очередного юбилея Института, мы решили возобновить такую практику и продолжить публикацию на страницах нашего журнала статей по тем направлениям исследований, которые не были затронуты в рамках предыдущего цикла. Хотя, разумеется, и этот перечень также не будет исчерпывающим. В текущем номере журнала новый цикл открывают статьи Н.Ю. Ахапкина «Разработка стратегий экономического развития: опыт и подходы Института экономики Российской академии наук» и Г.Д. Гловели «Первые промышленные революции и российские школы экономической мысли».

Надеемся, что знакомство с историей отечественной экономической науки и ее ответами на современные вызовы будет интересным для читателей нашего журнала.

*Директор Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук
М.Ю. Головнин*

¹ Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1–3, 6. 2020 г.

Н.Ю. АХАПКИН

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ И ПОДХОДЫ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В Институте экономики РАН за годы его существования сложилась традиция системного, фундированного подхода к анализу экономических процессов и их динамики, факторов развития и оценке перспектив. При этом среди широкого круга проблем, разработкой которых занимался Институт, особое место всегда отводилось исследованиям, касающимся выбора как стратегического пути развития страны в целом, так и приоритетов и способов социально-экономической политики на разных этапах развития России. В ходе проведения таких исследований во внимание принималось множество обстоятельств – и глобальные тенденции мировой экономики, и технологические трансформации, и направленность институциональных перемен, и, конечно, своеобразие экономической системы России. В Институте накоплен большой опыт по разработке концептуальных проблем проведения стратегически важных преобразований. Ознакомление с ним и использование в процессе стратегического управления, как представляется, может существенно помочь в решении актуальных задач современного этапа экономического развития страны.

Ключевые слова: *системный кризис, стратегирование, стратегическое планирование, структурная политика, реформы, экономическая стратегия, экономическое развитие.*

УДК: 338.22.021.1, 338.22.021.2, 338.27

EDN: AJRUAW

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_9_24

В советский период российской истории центральным направлением исследований Института экономики РАН, созданного в 1930 г., считалось теоретическое обоснование развития социалистической экономики. Эти исследования определялись как политико-экономические, и во главу угла ставились вопросы идеологии. Естественно, что все научные работы Института, особенно в 30–50-е годы прошлого века, как отмечает М.И. Воейков, не могли не содержать «элементов апологетики» [1, с. 13]. Однако все к апологетике и выполнению исключительно идеологических задач не сводилось. Уже тогда обозначилась нацеленность исследований на объективное осмысление экономического развития страны. Наряду с теоретическими разработками

и изучением истории экономической мысли начали формироваться, ставшие впоследствии ключевыми, направления исследований, касающиеся различных аспектов воспроизводства, структурных изменений в народном хозяйстве, научно-технического прогресса, производительности труда, управления народно-хозяйственным комплексом [2, с. 12–13].

В Институте экономики работало немало выдающихся ученых. Круг их научных интересов и направлений исследований был чрезвычайно широк. Но, обобщая, можно, выделить три характеристики, в большей или меньшей мере свойственные научным разработкам сотрудников Института, к какой бы предметной области они ни относились. Во-первых, — это системность, когда экономика рассматривалась как целостность, в единстве всех ее отраслей и сфер и во взаимосвязи с процессами развития общества. Во-вторых, уход от догматизма: исследования опирались не на застывшие экономико-идеологические конструкты, а были направлены на выявление реальных тенденций развития экономики, его закономерностей, хотя и в русле только марксистских подходов. Например, концепцию товарного производства, разработанную Я.А. Кронродом, можно рассматривать как один из первых шагов в теоретическом обосновании необходимости трансформации экономической системы социализма и развития рыночных отношений [2, с. 181; 3, с. 17]. В-третьих, ориентация на обоснование подходов к решению наиболее острых проблем социально-экономического развития – «совершенствования реальности». Не случайным, конечно, было непосредственное участие ученых Института в научном обосновании хозяйственной реформы 1965 г. (косыгинской реформы), которую, используя современную терминологию, можно определить как попытку стратегического поворота в экономической политике [4].

Именно эти характеристики проводимых в Институте научных исследований сформировали предпосылки для разработки вопросов, касающихся долгосрочных перспектив развития экономической системы, выявления его движущих сил и факторов, формирования институциональной среды и механизмов достижения целей развития. Совокупность этих вопросов, рассматриваемая в контексте современных представлений об экономике и управлении, и является базой для разработки стратегий.

После слома советской административно-командной системы и отказа от ранее широко применяемых методов планового, в том числе долгосрочного, управления понимание необходимости разработки стратегий как комплексных инструментов воздействия на экономическое развитие на уровне отраслей, регионов и на национальном уровне проявилось уже в конце 90-х годов. Стало очевидно, что быстро выйти из трансформационного спада, рассчитывая только на механизмы

рыночного саморегулирования, вряд ли удастся. Со стороны государства нужны целенаправленные действия по поддержке экономического роста и регулированию уже ставшей по своей природе рыночной системы экономических отношений. Отмечу, что многие ведущие российские экономисты говорили и писали о необходимости разработки продуманной, научно обоснованной и учитывающей особенности России стратегии экономических реформ фактически с самого начала их проведения [5; 6].

В работах ученых Института экономики начала и середины 90-х годов не только оценивались первые результаты рыночных преобразований [7], но и ставились вопросы смены приоритетов, логики и последовательности реформирования российской экономики, формирования механизмов стимулирования экономического роста и разработки новой социальной политики. Эти наработки стали основой для иницизированной академиком РАН Л.И. Абалкиным (1930–2011), возглавлявшим в те годы Институт, концепции долгосрочной социально-экономической стратегии. Ее основные положения были представлены в монографии «Россия-2015: оптимистический сценарий», изданной в 1999 г.

Сотрудники Института экономики РАН, уделяя основное внимание фундаментальным исследованиям, тем не менее всегда выполняли большое количество работ прикладного характера. Среди них, начиная с 90-х годов, были и разработки многих конкретных стратегических документов: это и региональные стратегии социально-экономического развития, и отраслевые стратегии, и программы развития крупнейших российских корпораций. Но при всей их важности и практической значимости, в центре проводимых исследований, касающихся социально-экономической политики, были поиски, как это впоследствии определил Д.Е. Сорокин (1946–2021), стратегических ответов на вызовы, с которыми сталкивается страна – ее экономическая система в целом и российский социум [8]. В конце XX века таким вызовом был поразивший Россию системный кризис, «вызвавший к жизни реальную угрозу ее существованию в исторически сложившейся форме» [8, с. 12]. Концепция долгосрочного социально-экономического развития - «Россия-2015: оптимистический сценарий», стала таким ответом.

Эта концепция основывалась, во-первых, на уже сложившихся подходах к анализу социально-экономического развития как «целостности общественного воспроизводства, его структуры и технологий, изменении роли информационных процессов» [9, с. 3], и, во-вторых, учитывала природу, направленность и проявившиеся эффекты происходящих в стране трансформационных процессов. Отсюда вытекало понимание смысла необходимых перемен, который Л.И. Абалкин определил как глубокую и четко ориентированную стратегию инсти-

туциональных преобразований, охватывающих все составляющие экономической системы [9, с. 8].

Раскрытые в концепции подходы к разработке национальной стратегии социально-экономического развития, ее целей, условий и механизмов их достижения в главном сохраняют свою актуальность, и во многом связано это с тем, что они определены с учетом глобальных тенденций движения мировой экономики и особенностей России – ее положения в мире, структуры производительных сил, научно-технологического и человеческого потенциалов. Среди этих подходов следующие три можно выделить как базовые.

Первый касается цели стратегии. Она определена в контексте происходящих в мире технологических сдвигов и последовательного движения к экономике, основной «на знании в самом широком ее понимании» [9, с. 5]. Такая экономика выделась как информационно-индустриальная, многосекторная, социально ориентированная, но рыночная по своей основе, и делающая возможным переход к стандартам качества жизни и среды обитания россиян, обеспечивающим социальное единство (внутреннюю устойчивость) российского общества [9, с. 47]. В качестве задач, которые необходимо решить для достижения этой стратегической цели, в частности, рассматривались: расширение внутреннего рынка, обеспечиваемое стимулированием спроса и наращивания объемов выпуска промышленной продукции, «постепенная перестройка структуры экономики с преимущественного производства сырья, энергии, промежуточных продуктов на преимущественное производство конечных продуктов, создание информационно-индустриальных технологий на отечественной промышленной основе и их внедрение в отрасли реального сектора» [9, с. 47], «повышение продуктивности и рыночной оценки имеющегося основного капитала, селективное (в связи с ограниченными ресурсами) инвестирование экономики [9, с. 107], формирование системы профессионального обучения, включающую переподготовку и повышение квалификации кадров, быстро реагирующую на запросы рынка труда.

Отмечу, что проблема стратегического целеполагания в современной и уже достаточно развитой практике стратегического планирования является не до конца решенной, что убедительно показано в работе С.А. Братченко, где представлена типология несогласованности целей государственного управления [10]. По мнению Е.М. Бухвальда, это во многом связано с «отсутствием методологической гибкости в процессе целеполагания, т. е. механизмов адаптации целей под различные варианты (сценарии) социально-экономического развития» [11, с. 18]. Концепция «Россия-2015: оптимистический сценарий» – один из возможных вариантов сопряжения стратегической цели социально-

экономических преобразований и механизмов их проведения, как раз и обеспечивающий необходимую методологическую гибкость.

Второй подход предполагает необходимость усиления и координации научно-технической, промышленной и структурной политик. Приоритетами, которые спустя уже четверть века сохраняют свою значимость, являются: преодоление сложившихся деформаций в отраслевой, внутриотраслевой и производственной структуре, выражающихся в техническом и технологическом отставании отечественного производства; насыщение внутреннего рынка отечественной промышленной продукцией в соответствии с объемом структурного спроса; развитие и использование сравнительных конкурентных преимуществ российской промышленности и последовательное преодоление ее слабостей; создание собственных ниш на мировом рынке для экспорта различных видов промышленной продукции, в первую очередь выпускаемой на обрабатывающих производствах, и продукции сельского хозяйства.

На сегодняшний день востребованными, но не полностью реализованными, являются предложения, касающиеся более широкого использования государством регуляторных механизмов, которые должны оказывать воздействие на секторальную структуру в целом и на соотношение макропоказателей. При этом мезо- и микропропорции должны регулироваться выборочно, а «стабильность, предсказуемость и создание стимулов к росту производства получают преимущества перед попытками сделать бюджет бездефицитным» [9, с. 117].

Третий подход имеет отношение к внешнему контуру экономической политики. Он учитывает высокую мобильность факторов производства, сохраняющуюся до сих пор, и которая, несмотря на все текущие проблемы в мировой торговле, в средне- и долгосрочной перспективе вряд ли уменьшится. Но это не должно вести к снижению суверенитета государства над своей территорией и не снимает задачи централизованного регулирования. Во внешнеэкономической сфере важно найти баланс между стратегией экспортоориентированных производств и стратегией импортозамещения. Что касается задачи расширения российского экспорта продукции обрабатывающих отраслей, особенно наукоемкой и высокотехнологичной, что, нельзя не заметить, давно уже стало дежурной фразой, то сегодня, когда возможно усиление реструктуризации мировых рынков, появляются некоторые шансы на ее успешное решение.

Особое внимание в концепции «Россия-2015: оптимистический сценарий» было уделено вопросам пространственного развития, размещения производительных сил и развитию федеративных отношений. Л.И. Абалкин считал критически важным учитывать пространственные и географические особенности страны при формировании

региональной структуры отраслей и производств, регулировании цен, решении социальных проблем, а относительно федеративных отношений его позиция была категоричной: «будущее России – это будущее федеративного государства» [9, с. 6].

Впоследствии, уже в начале 2000-х годов, стратегические вопросы пространственного развития нашли отражение в работах Л.В. Никифорова (1934-2018) и Т.Е. Кузнецовой (1936-2022) [12; 13]. Отправной точкой в их исследованиях было понятие «пространственный потенциал», в котором «по существу синтезируются все составляющее совокупного потенциала страны» [12, с. 12]. Так, Л.В. Никифоров считал, что применительно к решению задач стратегического развития «все естественные и общественные составляющие пространственного потенциала необходимо рассматривать как взаимосвязанные и взаимозависимые, и это обстоятельство должно быть отражено в формах и механизмах его освоения, организации и использования» [12, с. 13]. Изменения должны носить исключительно комплексный характер. Выборочные, так называемые проектные решения могут порождать диспропорции в структуре составляющих пространственного потенциала.

Как важнейшую стратегическую задачу Л.В. Никифоров выделял упрочение социальной целостности страны, рассматривая необходимым условием ее решения совершенствование организации пространственного потенциала в первую очередь за счет формирования региональных и муниципальных образований как субъектов общественных отношений. Это позволит, как он полагал, «во-первых, лучше и полнее использовать особенности регионального и местного потенциала, в соответствии с ними формировать производственную и социально-экономическую структуру, эффективнее вести хозяйство; во-вторых, учитывать эти особенности при выборе форм обеспечения жизнедеятельности и жизнеустройства населения; в-третьих, обеспечивать хозяйственную и социальную инициативу населения, создавать условия для его самоорганизации и самостоятельности; в-четвертых, развивать локальные, внутри- и межрегиональные рыночные связи, увеличивать спрос и предложение на внутреннем рынке страны» [12, с. 15].

В настоящее время проблемы стратегирования пространственного развития российской экономики активно разрабатываются Е.М. Бухвальдом и сотрудниками возглавляемого им Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН. Такое стратегирование рассматривается в работах Центра как составляющая процесса стратегического планирования [14]. В качестве ключевых задач современного этапа развития подходов к пространственному стратегированию выделяются: развитие его институциональных основ, достижение большей четкости целеполагания, необходимость

добиться согласования стратегий социально-экономического развития с документами по национальной и экономической безопасности; усиление взаимосвязи с практикой территориального управления в субъектах Российской Федерации и в системе местного самоуправления, совершенствование экономико-правовых основ российского местного самоуправления [15, с. 4].

Весомый вклад в разработку и концептуальных основ стратегирования, и практических решений формирования стратегии развития России как одного из мировых социально-экономических центров внес Д.Е. Сорокин. Его монография «Россия перед вызовом: Политическая экономия ответа», опубликованная в 2003 г. и идею которой, как говорил сам Дмитрий Евгеньевич, ему подарил Л.И. Абалкин, прямо касается этого круга вопросов.

Д.Е. Сорокин считал критически важной задачей перейти от фрагментарного, проектного стимулирования и регулирования экономики к долгосрочному, системному и сориентированному прежде всего на развитие внутренних рынков и использование внутренних ресурсов. Он полагал, что «В конечном счете в России должна быть разработана и осуществлена своя национальная «положительная антициклическая программа» [16, с. 4]. При этом, что особенно важно выделить применительно к текущей ситуации в России, отказ от долгосрочного целеполагания даже в условиях кризиса, по мнению Д.Е. Сорокина, принципиально ошибочен. Он исходил из того, что это «... противоречит всему накопленному (как нашему собственному, так и мировому) опыту выхода из кризисов. Главное в этом опыте заключается не в наборе тех или иных конкретных мер, а в сфере методологии их формирования. Выход из острейших (зачастую именно системных) кризисов на траекторию устойчивого экономического роста начинался с определения долгосрочных целей (рубежей) социально-экономического развития и путей их достижения» [8, с. 41].

Как ключевую стратегическую задачу Д.Е. Сорокин рассматривал структурную модернизацию экономики. Он считал, что нужно иметь ясное представление о характеристиках этой новой структуры, которая «должна включать в себя лишь те виды производств, которые абсолютно необходимы для решения задачи повышения эффективности экономики и перехода на новую модель ее роста» [8, с. 207]. Ориентиром структурных изменений, по его мнению, следует выбрать повышение сбалансированности пропорций и эффективности структуры промышленного комплекса национального хозяйства. Под сбалансированностью при этом понималось соответствие сложившегося уровня отраслевой диверсификации промышленного комплекса потенциалу внутреннего рынка. Такая сбалансированность характеризуется уровнем развития сопряженных отраслей промышленности и секторов

национального хозяйства. Под структурной эффективностью подразумевалась эффективность сложившейся международной специализации с учетом использования имеющегося ресурсного потенциала для развития конкретных отраслей и секторов национального хозяйства.

Д.Е. Сорокин исходил из необходимости усиления воздействия на экономическое развитие «... институтами государства и гражданского общества, которые обеспечивают поддержание экономического равновесия, оптимального с точки зрения прежде всего национально-государственных целей ...» [8, с. 165]. Но он определенно выступал против попыток навести порядок в экономике «железной рукой» [17, с. 11], полагая, что это приведет нас к той организации «... общественного производства, по сравнению с которой классический капитализм выглядит высшей ступенью общественного прогресса» [8, с. 150]. Что касается проведения политики государственного патернализма через так называемый мобилизационный механизм, то это, «... хотя и позволяет решать какие-то частные задачи, но в принципе неспособно перевести экономику в режим сбалансированного устойчивого развития ... и ведет к избыточному присутствию государства в тех сферах экономики, где оно должно быть сведено к минимуму» [16, с. 25].

При разработке и реализации любых стратегий очень важным является использование принципов обратной связи. Изменения условий функционирования экономики и усиление дисбалансов в ее развитии требуют уточнения мер социально-экономической политики или, если это диктуется необходимостью, существенной ее корректировки. Так, после кризиса 2008–2009 гг. и относительно недолгого восстановительного периода темпы роста российской экономики замедлились. В 2013 г. экономика была близка к переходу в режим стагнации. Необходимость изменения проводимой социально-экономической политики, перехода на новую модель экономического роста становилась все более очевидной. И это, естественно, нашло отражение в разработках Института экономики.

Здесь прежде всего выделим работы Л.В. Никифорова, который поставил вопрос о стратегическом повороте в социально-экономическом развитии России. Такой стратегический поворот он рассматривал как процесс комплексный, который должен изменить многие стороны социально-экономической политики, институты и механизмы ее реализации [18]. Позиция Л.В. Никифорова заключалась в том, что частными корректировками не обойдешься. Концентрируя усилия на отдельных проектах, даже в рамках реализации крупных национальных программ, системного улучшения ситуации не добьешься. По сути дела, Л.В. Никифоров выступал за разработку новой комплексной долгосрочной стратегии страны, которая, заметим, на государственном уровне до сих не принята.

Л.В. Никифоров всегда подходил к анализу российской экономики как к сложно устроенной, многослойной системе, состоящей из множества экономических и социальных укладов [19]. Развитие многоукладности (формирование экономики и общества смешанного типа) он видел как одну из ключевых стратегических задач, решение которой – залог наращивания структурного многообразия экономики и диверсификации ее промышленного комплекса с учетом особенностей регионов страны. Такой подход по отдельным направлениям пересекается с разработанной Р.С. Гринбергом и А.Я. Рубинштейном концепцией экономической социодинамики [20; 21]. Ее суть в «возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений» [22, с. 25] – комплементарности индивидуальной и социальной полезности. Эта концепция, являясь теоретическим построением, в то же время имеет ряд важных практических следствий. Если принимать их во внимание при разработке стратегий социально-экономического развития, то это позволит, не сужая сферу действия рыночных механизмов, обосновать возможности не спорадического, а систематического и долгосрочного «финансирования культуры, науки, здравоохранения, образования» [22, с. 26].

В государственном управлении за последние годы заметно расширилось использование практик стратегического планирования. В то же время пока нет оснований считать, что уже создана эффективная система, которая обеспечила бы достижение стратегических национальных целей через разработку и реализацию всей совокупности документов стратегического планирования – от прогноза до отраслевых и региональных стратегий, государственных программ и национальных проектов, имеющих необходимые виды ресурсов и поддерживаемых специальным набором мер экономической политики. В работах Е.Б. Ленчук и В.И. Филатова раскрыты причины такого положения дел [23; 24]. Среди них, в частности, недостаточная обоснованность методологии разработки плановых документов, отсутствие в ряде случаев согласованности целей и соподчиненности целей и задач, сохраняющееся совмещение программно-целевого планирования и бюджетирования по результатам. Вряд ли эти причины могут быть устранены без создания специальной управленческой структуры, занимающейся координацией процессов разработки документов стратегического планирования разного уровня и контроля за их реализацией [23, с. 228].

В 2024 г., после выборов Президента Российской Федерации, были определены новые национальные цели развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹, появились новые нацио-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 14.03.2025).

нальные проекты. Это ставит задачу корректировки государственной экономической политики. Причем такая корректировка проводится в условиях, когда страна находится под санкциями и усиливается необходимость перераспределения ресурсов на нужды обеспечения национальной безопасности. Очевидным фактом стало также ускорение изменений в российской экономике – в темпах ее роста и ее структуре, проявившееся еще на пике пандемии в 2020 г. и продолжившееся в 2022 г. после начала специальной военной операции. Все это требует от сообщества экономистов максимально оперативного анализа складывающейся экономической ситуации. Востребованность со стороны органов государственной власти результатов такого анализа и подготовленных на его основе предложений и рекомендаций, в том числе по корректировке стратегии развития, в этом нельзя не согласиться А.А. Шиловым [25, с. 35], сегодня только возрастает.

Оценки экономической ситуации пяти последних лет и предложения по формированию новой экономической политики, учитывающей необходимость достижения технологического суверенитета, приведены в целом ряде уже опубликованных научных работ Института, включая монографии и научные доклады [26-29]. Особую актуальность сейчас, конечно, имеет аналитика, касающаяся экономической и структурной динамики периода развития в условиях санкционных ограничений и проведения СВО.

Обобщая, можно выделить следующие основные характеристики движения российской экономики в 2022-2024 гг.:

- санкционное давление на Россию, которое шло и идет по нарастающей, запустило механизмы активизации факторов развития, сориентированного на внутренний рынок и перестройку хозяйственных связей. Уже к середине 2023 г. экономика вышла на докризисный уровень. Пройдя этап первичной адаптации к изменившимся внешним и внутренним условиям функционирования, она вышла на этап роста, который продолжился и в 2024 г.;
- экономический рост был обеспечен прежде всего расширением внутреннего спроса. Ключевую роль здесь сыграл потребительский спрос, который в 2023-2024 гг. стал, как и спрос инвестиционный, показывать положительную динамику;
- повышательная тенденция в российской экономике к настоящему времени не прервана, однако открытым остается вопрос, насколько она устойчива. Наряду с новыми возможностями развития, ограничения, риски и угрозы сохраняются, а по ряду направлений они усиливаются. Это подтверждается некоторыми статистическими данными: с лета 2024 г. отмечается определенное замедление темпов роста по нескольким ключевым макропоказателям;

- отметим волатильность роста в промышленности и в отраслях инвестиционного спроса. Показательным является резкое снижение промышленного производства в январе 2025 г. Его индекс опустился сразу на 3,2 процентных пункта. Отчасти это можно рассматривать как коррекцию после ускорения роста в декабре 2024 г. Но тем не менее январский индекс промышленного производства, по данным Росстата, с исключением сезонного и календарного факторов², оказался на 3,4 процентных пункта ниже среднегодового значения того же периода 2023-2024 гг.;
- в 2022-2024 гг. наблюдался ускоренный рост обрабатывающих производств и наращивание здесь инвестиционной активности. Но существенная составляющая этого роста – реализуемая государством или стимулируемая им переориентация ресурсов, как это определяет Минфин России, на «новые приоритеты»³, в числе которых отрасли с высокой долей производств, относящихся к оборонно-промышленному комплексу или выпускающие продукцию для его нужд. Другие отрасли обрабатывающей промышленности по темпам роста им уступали;
- происходящие структурные изменения (структурная перестройка), если оценивать их в целом, вписаны в краткосрочный экономический цикл, который можно определить как цикл периода развития в условиях внешних ограничений и перераспределения ресурсов в пользу национальной безопасности. Такое перераспределение можно видеть не только по росту объемов и доли соответствующих бюджетных расходов, но и косвенно, по увеличению доли в ВВП таких его элементов, как расходы на конечное потребление государственного управления и государственное управление, обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение.

Что касается посылок, которые, как мы считаем, следует учитывать, проводя и совершенствуя экономическую политику и формируя стратегию развития, то, несмотря на сохранение жестких внешних ограничений, в качестве базовых выделим:

- российская экономика должна продолжать функционировать как открытая система. Автаркия, попытка ориентации только на внутренний рынок, что не снимает задачи его расширения, в среднесрочной и тем более в долгосрочной перспективе будет для нее губительна;

² Сайт Росстата. Промышленное производство. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 10.03.2025).

³ Сайт Минфина России. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. <https://minfin.gov.ru/ru> (дата обращения: 10.04.2025).

- нужна интенсификация структурной модернизации с упором на развитие отраслей инвестиционного спроса обрабатывающей промышленности и строительства. Необходимо добиваться устойчивого повышения нормы накопления как основы создания конкурентоспособного ядра национальной экономики и преодоления дисбаланса между совокупным спросом (без его резкого замедления) и объемами выпуска [27, с. 58];
- императивом является проведение комплексной долгосрочной социальной политики, лишенной характерной для нынешней ее модели фрагментарности. Ключевая задача – сбережение населения. Сохранение темпов депопуляции – прямая угроза национальным интересам страны.

Завершая, процитирую Л.И. Абалкина. Это его слова из Заключения к книге «Россия-2015: оптимистический сценарий»: «Разработка стратегии – это задача № 1 и для власти, и для науки, и для интеллигенции в ее настоящем, действительном смысле. Откладывать решение подобных вопросов – значит проявлять неспособность мыслить о долговременных процессах, думать о завтрашнем дне» [9, с. 403].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войсков М.И.* Политэкономические исследования в Институте экономики за 90 лет // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 11–33.
2. Институт экономики Российской академии наук в лицах: сборник / отв. редактор М.И. Воейков. СПб.: Алетей, 2020.
3. *Клюкин П.* Воспроизводственная концепция Я.А. Кронрода в контексте развития российской экономической мысли // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 5. С. 16–23.
4. *Войсков М.И.* Роль Института экономики АН СССР в осуществлении хозяйственной реформы 1965 года // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. С. 158–171. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_158_171 EDN: KBVALD.
5. *Абалкин Л.И.* Экономическая стратегия для России: проблема выбора. М.: ИЭ РАН, 1997.
6. *Мильнер Б.З.* Реформы управления и управление реформами. М.: ИЭ РАН, 1994.
7. Экономические реформы в России: Итоги первых лет, 1991–1996 / Отв. ред. В.П. Логинов и др.; Рос. акад. наук, Ин-т экономики, Междунар. ун-т «Туро». Москва: Наука, 1997.
8. *Сорокин Д.Е.* Россия перед вызовом: Политическая экономия ответа. М.: Наука, 2023.
9. Россия-2015: оптимистический сценарий / под ред. Л.И. Абалкина. М.: ММВБ, 1999.
10. *Братченко С.А.* Несогласованность целей в государственном управлении // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 78–108. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_78_108 EDN: KDHKXU
11. *Бухвальд Е.М.* Целеполагание как стержень стратегического планирования // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 1. С. 7–23. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_7_23

12. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России / Л.В. Никифоров, Н.Ю. Ахапкин, А.В. Бобровских [и др.]. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2011. EDN UEWQTE.
13. Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 51-64. EDN QCHEUF.
14. Бухвальд Е.М. «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования»: нерешенные проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 32-49. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_32_49
15. Институциональные основы новой стратегии пространственного развития российской экономики / Е.М. Бухвальд, А.В. Виленский, И.Н. Домнина [и др.]. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2023. EDN MSSUZH.
16. Сорокин Д.Е., Ахапкин Н.Ю. Концептуальные аспекты формирования новой модели экономического роста / Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста: монография; рук. авт. колл. Д.Е. Сорокин. М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2017. (Научная мысль). EDN XYCLIL.
17. Экономическая и технологическая модернизация России: уроки истории и современные вызовы: Памяти Д.Е. Сорокина / Сборник статей. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2022. EDN LSNXFP.
18. Стратегический поворот социально-экономического развития России / Сборник статей. / Отв. ред. Л.В. Никифоров. М.: ИЭ РАН, 2012.
19. Смешанное общество: российский вариант / Л.В. Никифоров, С.А. Хавина, И.А. Бродская, Э.Я. Сванидзе, Г.Г. Шишкова и др. Институт экономики Российской академии наук. М: Наука, 1999.
20. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008.
21. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2013.
22. Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 1. С. 10-29. EDN TJOTRB.
23. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование: новые вызовы в контексте внешних ограничений // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 4(61). С. 224-229. DOI: 10.31737/22212264_2023_4_224-230. EDN NYUOLM.
24. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование как инструмент снижения неопределенности в условиях глобальной экономической трансформации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 4. С. 7-24. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_7_24. EDN BGPATE.
25. Широ А.А. Роль экспертного сообщества в обосновании экономической стратегии государства // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 250. № 6. С. 32-48. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-32-48
26. Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы / Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкин, В.И. Филатов [и др.]. СПб.: Алетейя, 2022. EDN АКJPDT.
27. Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета / Е.Б. Ленчук, И.А. Николаев, Л.Н. Лыкова [и др.]. СПб.: Алетейя, 2024. EDN WZXARF.

28. Предложения по мероприятиям в сфере экономической и социальной жизни страны после завершения активной фазы борьбы с коронавирусом: Доклад Института экономики РАН / Е.Б. Ленчук, Р.С. Гринберг, М.Ю. Головнин [и др.]. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2020. EDN NHYTNX.
29. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / М.Ю. Головнин, Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкин [и др.]. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2023. EDN NDFMXU.

REFERENCES

1. *Voiekov M.I.* Political economy research at the Institute of Economics over 90 years // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 1. Pp. 11–33. (In Russ.).
2. Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences in Persons: collection / editor-in-chief M.I. Voiekov. St. Petersburg: Aleteya. 2020. (In Russ.).
3. *Klyukin P.* Reproductive concept of Ya.A. Kronrod in the context of the development of Russian economic thought // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2013. № 5. Pp. 16–23. (In Russ.).
4. *Voiekov M.I.* The role of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences in the implementation of the economic reform of 1965 // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. № 2. Pp. 158–171. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_158_171 EDN: KBVALD. (In Russ.).
5. *Abalkin L.I.* Economic Strategy for Russia: The Problem of Choice. Moscow: Institute of Economics RAS. 1997. (In Russ.).
6. *Milner B.Z.* Management Reforms and Reform Management. Moscow: Institute of Economics RAS. 1994. (In Russ.).
7. Economic reforms in Russia: Results of the first years, 1991–1996 / Ed. V.P. Loginov et al.; Russian Academy of Sciences, Institute of Economics, International University “Turo”. – Moscow: Nauka, 1997. (In Russ.).
8. *Sorokin D.E.* Russia Facing the Challenge: Political Economy of the Response. Moscow: Nauka, 2023. (In Russ.).
9. Russia-2015: Optimistic Scenario / Ed. L.I. Abalkina. M.: MICEX, 1999. (In Russ.).
10. *Bratchenko S.A.* Inconsistency of goals in state governance // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 6. Pp. 78–108. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_78_108 EDN: KDHKXU. (In Russ.).
11. *Buchwald E.M.* Goal setting as the core of strategic planning // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. № 1. Pp. 7–23. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_7_23 EDN: ABLCPB. (In Russ.).
12. Spatial potential in the strategy of socio-economic development of Russia / L.V. Nikiforov, N.Yu. Akhapkin, A.V. Bobrovskikh [and others]. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2011. EDN UEWQTE. (In Russ.).
13. *Kuznetsova T E.* Nikiforov L.V. On the strategy of using the spatial potential of Russia // Public Administration Issues. 2013. № 2. Pp. 51–64. EDN QCHEUF. (In Russ.).
14. *Buchwald E.M.* Inresolved issues of “public policy framework for strategic planning” // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 1. Pp. 32–49. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_32_49. EDN LGXQOW. (In Russ.).

15. Institutional Foundations of the New Strategy for Spatial Development of the Russian Economy / E.M. Buchwald, A.V. Vilensky, I.N. Domnina [et al.]. M.: Institute of Economics RAS, 2023. EDN MSSUZH. (In Russ.).
16. *Sorokin D.E., Akhapiin N.Yu.* Conceptual aspects of the formation of a new model of economic growth / Socio-economic conditions for the transition to a new model of economic growth: monograph; head. auth. collective. D.E. Sorokin. M.: Publishing House "Infra-M", 2017. (Scientific thought). EDN XYCLIL. (In Russ.).
17. Economic and Technological Modernization of Russia: Lessons of History and Modern Challenges: In Memory of D.E. Sorokin / Collection of Articles. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2022. EDN LSNXFP. (In Russ.).
18. Strategic Turn in Socioeconomic Development of Russia / Collection of Articles. Ed. L.V. Nikiforov. M.: IE RAS. 2012. (In Russ.).
19. Mixed Society: Russian Version / L.V. Nikiforov, S.A. Khavina, I.A. Brodskaya, E.Ya. Svanidze, G.G. Shishkova, et al. Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. M: Nauka, 1999. (In Russ.).
20. *Grinberg R.S., Rubinstein A.Ya.* Foundations of the mixed economy. Economic Sociodynamics. M.: IE RAS, 2008. (In Russ.).
21. *Grinberg R.S., Rubinstein A.Ya.* Individual & State: Economic Dilemma. M.: Ves' Mir, 2013. (In Russ.).
22. *Grinberg R.S.* Economy of modern Russia: state, problems, prospects // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 1. Pp. 10–29. EDN TJOTRB. (In Russ.).
23. *Lenchuk E.B.* Strategic planning: New challenges in the context of external constraints // Journal of the New Economic Association. 2023. No. 4 (61). Pp. 224–229. DOI: 10.31737/22212264_2023_4_224-230 EDN NYUOLM. (In Russ.).
24. *Lenchuk E.B., Filatov V.I.* Strategic planning as a tool for reducing uncertainty in the context of global economic transformation // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 4. Pp. 7–24. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_7_24. EDN BGPATE. (In Russ.).
25. *Shirov A.A.* The role of the expert community in substantiating the economic strategy of the state // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2024. Vol. 250. № 6. Pp. 32-48. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-32-48. (In Russ.).
26. Structural modernization of the Russian economy: conditions, directions, mechanisms / E.B. Lenchuk, N.Yu. Akhapiin, V.I. Filatov [et al.]. SPb.: Aletheia, 2022. EDN AKJPDT. (In Russ.).
27. Transformation of the Russian Economy in the Context of the Formation of Technological Sovereignty / E.B. Lenchuk, I.A. Nikolaev, L.N. Lykova [et al.]. SPb.: Aletheia, 2024. EDN WZXARF. (In Russ.).
28. Proposals for measures in the sphere of economic and social life of the country after the completion of the active phase of the fight against coronavirus: Report of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / E.B. Lenchuk, R.S. Grinberg, M.Yu. Golovnin [et al.]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. EDN NHYTNX. (In Russ.).
29. The Russian Economy in the Context of New Challenges: From Adaptation to Development: Report / M.Yu. Golovnin, E.B. Lenchuk, N.Yu. Akhapiin [et al.]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023. EDN NDFMXU. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 01.04.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахапкин Николай Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6571-1618

nga.letter@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Nikolay Yu. Akharkin – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6571-1618

nga.letter@gmail.com

DEVELOPMENT OF ECONOMIC STRATEGIES: EXPERIENCE AND APPROACHES OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Over the years of its existence, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences has developed a tradition of a systematic, well-founded approach to the analysis of economic processes and their dynamics, development factors and assessment of prospects. At the same time, among the wide range of problems that the Institute has been developing, a special place has always been given to research related to the choice of both a strategic path for the development of the country as a whole and priorities and methods of socio-economic policy at different stages of Russia's development. In the course of such research, many circumstances were taken into account – global trends in the world economy, technological transformations, the direction of institutional changes, and, of course, the unique characteristics of the Russian economic system. The Institute has accumulated extensive experience in developing conceptual issues of implementing strategically important transformations. Familiarization with it and use in the process of strategic management, as it seems, can significantly help in solving urgent problems of the current stage of the country's economic development.

Keywords: *systemic crisis, strategizing, strategic planning, structural policy, reforms, economic strategy, economic development.*

JEL: O11, O21, O25.

Г.Д. ГЛОВЕЛИ

доктор экономических наук,
руководитель Центра ФГБУН Институт экономики РАН,
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ПЕРВЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКИЕ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена оценке концепции особой российской школы экономической мысли, выдвинутой в конце XX в. выдающимися учеными Института экономики РАН Л.И. Абалкиным и Ю.Я. Ольсевичем. Обоснована позиция, согласно которой, при справедливо отмеченных в этой концепции особенностях движения российской экономической мысли в целом, правильнее говорить не о единой школе, а о различных школах российской экономической мысли, вносящих вклад в осмысление национального экономического своеобразия. Краткая характеристика этих школ дается в контексте концепции промышленных революций, выдвинутой основателем Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А.И. Анчишкиным.

Ключевые слова: *промышленные революции, концепция российской школы экономической мысли, национальные производительные силы, фритредерство, «воспитательный протекционизм», железнодорожное строительство в Российской империи, историческое направление в политэкономии, базисные и улучшающие инновации, Союз сибирских маслодельных артелей, организационно-производственная школа.*

УДК: 338.012, 338(091), 330.82

EDN: GUPTRK

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_25_51

Историографическое введение

На рубеже XX и XXI в. – в 2000 году – директор Института экономики РАН Л.И. Абалкин (1930–2011) вынес на суд научной общественности концепцию особой российской школы экономической мысли. По его мнению, такая школа существовала с конца XIX в. до начала 1930-х годов и отличалась следующими особенностями: 1. Внимание к нравственным и социальным ценностям. 2. Требование государственного вмешательства в организацию экономической жизни, в частности, для предотвращения разрушительных последствий кризисов. 3. Осознание всемирности хозяйственных связей, охвативших многие народы и

цивилизации, в первую очередь громадного материка Евразия. 4. Теоретическое обоснование многоукладности экономики и устойчивый интерес к развитию кооперации [1, с. 33-34].

Стоит сказать, что Л.И. Абалкин возглавил Институт экономики АН СССР в 1985 г., будучи признанным специалистом по проблемам хозяйственного механизма и формационной политэкономии [2]. При этом, спустя всего несколько лет, Леонид Иванович разворачивает в Институте большую работу по переизданию классических трудов русских экономистов, считавшихся в советское время «ревизионистами», «буржуазными» и «мелкобуржуазными» идеологами, а то и «вредителями» (как это произошло с осужденными в 1930 г. по процессу «Трудовой крестьянской партии» и реабилитированными только в 1987 г. Н.Д. Кондратьевым, А.В. Чаяновым, Н.П. Огановским, Л.Н. Юровским и др.). В 1989 г. в серии «Экономическое наследие» (в издательстве «Экономика») под редакцией Л.И. Абалкина вышли «Тектология. Всеобщая организационная наука» А.А. Богданова, «Проблемы экономической динамики» Н.Д. Кондратьева, «Крестьянское хозяйство. Избранные труды» А.В. Чаянова, в 1990 г. – «Социальные основы кооперации» М.И. Туган-Барановского. В 1992 г. Л.И. Абалкин стал президентом-основателем Международного Фонда Н.Д. Кондратьева (МФК), созданного на масштабной Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Кондратьева, и аккредитованного Отделением общественных наук РАН. В 1993 г. МФК издал двухтомник трудов Н.Д. Кондратьева «Особое мнение», а Международные Кондратьевские конференции стали регулярными. В 1997–1998 гг. уже в новой серии «Памятники экономической мысли» под редакцией Л.И. Абалкина были изданы труды М.И. Туган-Барановского «Избранное. Периодические промышленные кризисы» и «Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем».

Углубленный интерес к наследию Н.Д. Кондратьева и его учителя М.И. Туган-Барановского способствовал появлению концепции академика РАЕН Ю.В. Яковца о «школе русского циклизма» и ее продолжении в современных российских исследованиях на основе цивилизационного подхода [3]. Причем наряду с центральным, «длинноволновым» политэкономическим направлением «школы русского циклизма» Ю.В. Яковец выделил историсофско-социологическое направление (Н. Данилевский, П. Сорокин), а также направление, которое можно охарактеризовать, как тектологическое (А.А. Богданов, В.А. Базаров). Одновременно главный научный сотрудник Института экономики РАН Ю.Я. Ольсевич (1929–2018), критически переосмысливая марксистский формационный (классовый) подход, поставил вопрос о национальной российской школе экономической мысли [4]. Л.И. Абалкин также противопоставил свою концепцию российской школы экономической

мысли жесткому классовому подходу, с позиций которого была написана многотомная (но незавершенная и тенденциозная) «История русской экономической мысли» (1955–1966), подготовленная коллективом сотрудников Института экономики АН СССР под руководством член-корреспондента АН СССР А.И. Пашкова (1900–1988).

На конференции 2000 г. о российской школе экономической мысли, организованной Институтом экономики РАН и Вольным экономическим обществом, именно Ю.Я. Ольсевич наиболее решительно выступил в поддержку позиции Л.И. Абалкина, хотя национальную специфику экономической мысли в России трактовал несколько иначе. Истоки российской школы экономической мысли Ю.Я. Ольсевич возводил к первому российскому академику-политэконому А.К. Шторху (1769–1835) и президенту ВЭО Н.С. Мордвинову (1754–1845), обосновавших в «полемике со смитианством» три исходных посыла теоретического анализа: 1) о хозяйстве как национальной системе; 2) о включении производительных сил в эту систему; 3) об интегрированности материального и нематериального производства в эту систему [5, с. 38]. Ведущее место в российском продолжении «спектра несмитианских течений» Ю.Я. Ольсевич отводил А.И. Чупрову и М.И. Туган-Барановскому, исходивших из взаимодополнения эгоистического и кооперативного начал в хозяйственной деятельности. В особую заслугу Чупрову Ольсевич ставил фундаментальные труды по экономике железнодорожного транспорта, показавшие, что «именно железные дороги, строящиеся при непосредственном участии государства, образуют становой хребет национального рынка, формируют этот рынок и включают его в мировое хозяйство» [5, с. 43].

Раздались, однако, и другие голоса. Так, например, профессор СПбГУ Л.Д. Широкоград настаивал, что перечисленных Л.И. Абалкиным российских экономистов последней трети XIX в. – начала XX в. отнести к единой школе «никак нельзя», хотя, несомненно, самой выдающейся фигурой из них был М.И. Туган-Барановский [6, с. 54, 57]. Автор этих строк, соглашаясь с Ю.Я. Ольсевичем в том, что особенностью российской политэкономии было включение в понятие «хозяйственная система» системы национальных производительных сил с ее структурными и технологическими характеристиками, считал невозможным относить к единой школе Н.С. Мордвинова и А.К. Шторха, «критическое смитианство» которых было слишком разным. Добавлю, что позднее большим подарком Л.И. Абалкина всем историкам российской экономической мысли стали инициатива и издание полного русского перевода знаменитого «Курса политической экономии» А.К. Шторха, опубликованного в 1815 г. на французском языке и снискавшего широкую известность в Европе [7]. Благодаря этому стало возможным и новое, более глубокое прочтение Шторха [8].

Критическое отношение к концепции Л.И. Абалкина, а также скепсис в оценках научного вклада «эkleктика» А.И. Чупрова и кооперативного энтузиазма М.И. Туган-Барановского выразил германский историк экономической мысли в России Й. Цвайнерт [9, с. 358–359, 238–240]. К числу наиболее интересных сюжетов его книги относится критика старых версий германских политэкономов В. Рошера и Х.-Й. Серафима о якобы существовавшей на раннем этапе российской политэкономии «русско-немецкой школе». Впрочем, как было отмечено в моей рецензии на книгу Цвайнерта, он, при всей германской педантичности, не избежал тенденциозности и существенных пробелов [10].

В XXI в. наиболее увлеченно концепцию российской школы экономической мысли развивала профессор РАГС при Президенте РФ Г.Н. Сорвина (1936–2007), приложившая много сил для популяризации научного наследия М.И. Туган-Барановского и В.К. Дмитриева. Именно Туган-Барановскому и Дмитриеву Сорвина уделила главное внимание в своей версии российской школы политической экономии, достигшей в начале XX в. стадии «высокой теории» [11, с. 13].

Представитель нового поколения российских историков экономической мысли П.Н. Ключкин¹, опираясь на шумпетерианское методологическое различие экономической мысли и экономического анализа, реконструировал российскую традицию экономического анализа на основе применения математических методов, зародившуюся в 1890-е и оборвавшуюся в 1930-е годы. Внутри этой традиции Ключкин выделил «линию Туган-Барановского» и «линию Дмитриева»; по-новому высветил вклад Л.Н. Юровского и Н.Д. Кондратьева; а центральное место отвел Е.Е. Слуцкому. В противоположность Цвайнерту, Ключкин подверг критике высказанное вышеупомянутым Серафимом и рядом российских авторов мнение об особой «киевской школе» в российской политэкономии. Вместе с тем Ключкин подчеркнула нецелесообразность сведения к реконструированной им традиции (при всей ее значимости) всего многообразия российской экономической мысли указанного периода (примерно совпадающего с хронологическими рамками российской школы экономической мысли в исходной трактовке Л.И. Абалкина) [12].

С этим трудно не согласиться, как и с постановкой отдельного вопроса об интеграции в традицию наследия теоретиков мощного русского аграрно-эволюционного направления (Н.П. Огановский, А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов). Но возникает вопрос и о реконструк-

¹ Защитил в Институте экономики РАН докторскую диссертацию «Становление теории хозяйственного кругооборота в российской традиции экономического анализа конца XIX – первой трети XX века» (2012).

ции других школ российской экономической мысли – за рамками указанного драматического периода 1890–1935 гг., при всей его необычайной плодотворности. Тем более если речь идет о своеобразии российской системы производительных сил, с ее структурными и технологическими характеристиками, и специфике формирования национального рынка и его включения в мировое хозяйство. Все это осмысливалось российскими экономистами как «вековые темы», но с разных позиций [13]. Поэтому представляется интересным проследить движение российской экономической мысли как взаимодействие, а часто и как столкновение разных школ и направлений, испытывавших большее или меньшее европейское влияние, по исторически значимым, хотя не всегда эксплицированным проблемам.

К числу таких проблем относится и проблема промышленных революций, их влияния на хозяйственную структуру, на внешнеторговую и промышленную политику России. По понятным причинам долгое время в истории и историографии российской экономической мысли центральное место занимал аграрный вопрос (и не приходится умалять его значение). Проблемы же промышленного роста страны на протяжении большей части XX в. рассматривались в жестких рамках формационного партийно-классового подхода (марксистское учение о стадиях капитализма, «ленинская теория империализма», «социалистическая индустриализация и реконструкция», создание «материально-технической базы коммунизма» и роль в этом «научно-технической революции» (НТР) и т. д.). При этом сама формационная политэкономия костенела и профанировалась, а иные подходы отвергались как «буржуазные», «ревизионистские» и т. п.

Старейшие сотрудники Института экономики АН СССР, ветераны социал-демократического движения, академик С.Г. Струмилин (1877–1974) и член-корреспондент АН СССР К.А. Пажитнов (1879–1964) первыми поставили в ретроспективе проблему промышленного переворота ([14;15]) или промышленной революции в России, исходя из формационного критерия, заданного марксизмом. Промышленная революция была определена как коренной перелом в истории развития производительных сил и производственных отношений, связанный с переходом от мануфактурной стадии капитализма к фабричной стадии и формированием антагонистических классов буржуазии и пролетариата. Этим же критерием руководствовались и включившиеся в дискуссию о промышленной революции в России советские академические и вузовские историки [16]. Но надо отметить, что в дебатах об особенностях и хронологических рубежах промышленной революции в России почти не присутствовало наследие российской экономической мысли (за исключением В.И. Ульянова-Ленина).

Одновременно советские политэкономы размышляли о коренном переломе в производительных силах другой, современной им эпохи – о научно-технической революции. Провозглашалось, что она приближает «перерастание социалистического труда в коммунистический» [17]. Но за многочисленными разговорами о научно-технической революции в СССР обнаружился недостаток свидетельств того, что она воплощается в жизнь.

Решению проблемы, обозначенной как «соединение НТР с преимуществами социализма», не помог и масштабный проект «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР до 1990 г.». Однако в ходе академической разработки этой программы окрепло новое научное направление – научно-техническое прогнозирование, выраженное в экономических показателях. Оно способствовало рождению нового академического института – Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса, который возглавил А.И. Анчишкин (1933–1987), сын политэконома-фронтовика, много лет проработавшего в Институте экономики АН СССР, И.А. Анчишкина (1903–1973) [18]. Итоговая монография академика А.И. Анчишкина «Наука. Техника. Экономика» (1986, 2-е изд. – 1989) впервые в отечественной научной литературе излагала стройную концепцию трех промышленных революций как переломных этапов роста мировых производительных сил, преобразующего и системы производственных отношений [19, с. 178–180].

К сожалению, если основанный А.И. Анчишкиным институт, пусть и с несколько измененным названием, сохранил значение центра оригинального научного направления, то вышеназванная монография ученого была, по существу, забыта и выпала из поля зрения различных авторов, писавших уже в новом веке о «второй», «третьей» и «четвертой» промышленных революциях [20]. Между тем она сохраняет свое методологическое значение, в том числе для ретроспективной эвристики – выявления новых значимых аспектов в истории хозяйства и экономической мысли.

Поскольку в современной научной литературе распространился термин Индустрия 4.0. как синоним «четвертой» промышленной революции, то мы считаем позволительным использовать понятия Индустрия 1.0., Индустрия 2.0. и Индустрия 3.0. (она же НТР) для обозначения трех предыдущих промышленных революций. И в настоящей статье впервые будет рассмотрено, как первые две из них «преломились» в наследии различных школ российской экономической мысли.

Западники-фритредеры, славянофилы-протекционисты и социалисты

Включение политической экономии в дисциплинарную структуру наук происходило в контексте первой промышленной революции (Индустрии 1.0.). Этот процесс сопровождался подъемом идеологии экономического либерализма, или, говоря словами первого русского обозревателя экономических доктрин В.П. Андросова (1803–1841), «проповеди свободного движения всех родов промышленности, как вернейшего средства дать капиталам возможно лучшее направление» [21, с. 431]. Не случайно, что и сам термин «промышленная революция» впервые появился в «Истории политической экономии в Европе» француза Ж.-А. Бланки (1798–1854), не скупившегося на дифирамбы основателю «школы свободной конкуренции» Адаму Смиту, учение которого возбудило по всей Англии чрезвычайное развитие крупной индустрии, основанной на внедрении «колоссов»-машин [22, с. 49]. Но, как отметил В. Андросов, хотя учение «индустриальной школы А. Смита» и проникло повсюду, только в Англии оно обрело «зрелую ясность», перешедшую в «догматическую важность» в экономической политике [21, с. 24]. Бланки, хотя и был протееж ведущего европейского смитианца Ж.-Б. Сэя, главы французской школы «либерального оптимизма», не умолчал о новых направлениях в политической экономии, с иных позиций оценивавших – и весьма критически – промышленную революцию с ее печальной стороной: «несметные богатства рядом с невыразимой нищетой», «пагубное уклонение от истинной социальной дороги» [22, с. 49]. Этими новыми направлениями были: учение Ж.Ш. Л. С. де Сисмонди о «недопотреблении» как причине кризисов промышленного производства; не вышедшие за пределы Франции и быстро забытые опыты «христианской политэкономии», а также оказавшиеся гораздо более влиятельными доктрины социалистов-утопистов.

Критическое отношение к социальным последствиям промышленной революции было отчетливо выражено в работах двух германских авторов, первыми обобщивших ее основные технические и экономические черты, – революционера-социалиста Ф. Энгельса и химика-реформиста К. Марло. Оба они, как и более ранние французские и английские социалисты, выступали с позиций защиты интересов формировавшегося индустриального рабочего класса [23, с. 604]. В другом разрезе – защиты интересов наций, вынужденных догонять «фабрику мира» Англию в индустриальном развитии, – выступили германский политэконом Ф. Лист, идеолог тарифного «воспитательного протекционизма», и французские банкиры-прожекторы братья Перейра, организаторы обществ удешевленного массового кредита.

В России, где дисциплинарное оформление политической экономии происходило в условиях затянувшегося крепостного права и осоз-

нения растущего промышленного отставания от Западной Европы, в своеобразных формах проявили себя сторонники всех отмеченных направлений. Академик Шторх, покритиковавший А. Смита в своем учении о «внутренних благах», в остальном следовал духу и букве экономического либерализма, принципу невмешательства в «естественный порядок» промышленности. Шторх предвосхитил современную интерпретацию наилучшего распределения ресурсов при свободном ценообразовании, отождествляемого с действием «невидимой руки» рынка [8, с. 40], и упредил Д. Рикардо в формулировке принципа сравнительных затрат в международной торговле [9, с. 72]. Но Рикардо, «тений из Лондонского Сити», обосновывая взаимовыгодность свободного обмена между нациями, держал в уме «фабрику мира» – Англию, с развитым машиностроением и передовым норфолкским севооборотом лендлордов и фермеров. А Шторх – отсталую аграрную Россию с архаичным трехпольем крепостных крестьян. И «преимущества» от свободы торговли» для России, отставшей в земледелии, Шторх сводил к международной специализации именно на земледелии, поскольку-де в мануфактурной промышленности Россия отстала еще больше. Из фритредерской посылки следовала и рекомендация не только отказаться от производства в России «тканей и утвари, которые мы получаем из Англии», но и «уступить права» западным предпринимателям на переработку российского сырья – льна, древесины, железа. Более того, хорошо знакомый с такой особенностью русского хозяйства, как сельские подсобные промыслы, Шторх объяснял сочетание крестьянами хлебопашества с домашней промышленностью «искаженным понятием о выгодах» у невежественных мужиков, не понимающих «великого принципа разделения труда» [8, с. 42].

Император Николай I, хотя и возвысил Шторха до вице-президента Академии наук, в экономической политике предпочел положиться на консервативного камералиста-протекциониста Е.Ф. Канкрин, не признававшего ни «естественной свободы» промышленности, ни взаимных выгод наций в торговле. Как министр финансов (в 1823–1844), покровительственными тарифами Канкрин поспособствовал замещению английских тканей продукцией отечественного производства и появлению в России свеклосахарной промышленности (в крепостнической оболочке вельможного предпринимательства). Однако отсутствие каменноугольной промышленности в стране и, напротив, переход передовых стран Запада на минеральное топливо лишили Россию былого лидерства в производстве и экспорте железа [24, с. 106]. Торможение роста черной металлургии и машиностроения наглядно демонстрировало отставание крепостнической империи от передовых стран, где распространение железнодорожного транспорта увенчало

промышленную революцию на ее родине – в Англии — и «разогнало» в континентальной Европе.

В наступившую эпоху парового транспорта в европейской политике столкнулись британский смитиански–рикардианский экономический либерализм, или манчестерство («космополитическая экономия», по словам ее запальчивого критика Ф. Листа), и германский «воспитательный протекционизм» догоняющей нации. Россия не осталась в стороне от этой дилеммы [25, с. 143]. К середине XIX в. в русской экономической мысли и русской экономической политике оформилось противостояние фритредеров и протекционистов.

Идеологами фритредерства еще при крепостном праве выступили А. Бутовский (1814–1890) и И. Вернадский (1821–1884), позднее в эпоху раскрепощения занявшие видное место в реформаторских Политико-экономических комитетах петербургских либералов-западников [26, с. 142]. Бутовский сочетал элементы либеральной западной политэкономии с отражением в приукрашенном виде российского крепостничества, которое он, в противоположность Шторху, отнюдь не приравнивал к рабству. Следуя Сэю, Бутовский впервые в русской экономической литературе широко пользовался категорией «предприниматели», предлагая своеобразную версию сословного деления [27]. Он вообще не выделял в особое сословие землевладельцев, первенствующего класса самодержавной России. Но подчеркивал различие между сословиями ученых, открывающих «законы природы и человечества», и предпринимателей, применяющих эти законы к образованию предприятий, производящих полезности. Низшее же – «исполнительное трудовое» сословие – предлагает свои рабочие силы для преобразования в полезности истин, указанных первыми, под руководством вторых [27, т. 1, с. 134]. Причем преимуществом русских крепостных сравнительно с простой исполнительностью западных рабочих Бутовский считал (отсылая к примерам деловых успехов оброчных крестьян-кустарей) возможность возвыситься «на степень предпринимателя» [27, т. 1, с. 178].

Однако Бутовский не мог отрицать промышленного отставания России вследствие переворота, совершенного благодетельным «влиянием минерального топлива на развитие промышленности, и успехи богатства народного Англии, Франции, Бельгии» (где основная часть фабрик и заводов учреждается поблизости каменноугольных и железных копей) [27, т. 1, с. 90, 288]. Социально-экономический негатив этого переворота – рост производительности труда благодаря разделению занятий, обрекающих массу исполнительного сословия с ранней юности на утомляющие и отупляющие однообразные работы, – Бутовского не смущал. Резко высказываясь против «несбыточных мечтаний» социалистов о всеобщем довольстве, чиновник российского Министерства

финансов по-мальтузиански объяснял остроту «рабочего вопроса» на Западе чрезмерным размножением народных низов [27, т. 3, с. 367]. Ответственность же за кризисы промышленного перепроизводства («загромождение рынков») и усугубляемый ими пауперизм Бутовский возлагал на протекционизм, вовлекающий народное производство в «искусственные пути» [27, т. 2, с. 63, 656].

Убежденным противником социализма и протекционизма был и заведующий кафедрой политэкономии в Императорском Московском университете (1851–1856) И. Вернадский. Он подчеркивал, что Великобритания сняла возникшую в ходе промышленной революции классовую напряженность и избежала, в отличие от континентальной Европы, революционных потрясений в 1848–1849 гг. именно благодаря победе парламентского манчестерства, добившегося в 1846–1849 гг. отмены в Англии протекционистских Хлебных законов и Навигационного акта. Почитатель фритредеров Шторха, Рикардо и Сэя, Вернадский с начала 1850-х годов проникся идеей масштабного банковского кредита для промышленного роста, переведенной на практическую почву французскими дельцами братьями Перейра. Западники-фритредеры рассматривали либерализацию русской внешней торговли и насаждение коммерческого кредита и акционерного банковского предпринимательства как часть приложения к русской жизни идей, выработанных европейской наукой [26, с. 129–135].

Наряду с протекционизмом и рутинерством Канкрин (1828, с. 203)), фритредеры подвергли критике русское общинное землевладение, которое московские славянофилы считали конститутивным признаком русской самобытности, а революционные демократы (А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, Н.Г. Чернышевский) стали оценивать как базис для прогрессивного преобразования русского хозяйственного строя в соответствии с идеалами западного социализма. Младшее же поколение славянофилов во главе с И.С. Аксаковым (1823–1886) стало уделять гораздо большее внимание вопросам развития национальной промышленности и торговли, выражать интересы купечества и фабрикантов великорусского центра.

Но и либералы-фритредеры, и почвенники-славянофилы, и прогрессисты-социалисты были едины в ожидании грандиозных перемен в России от главного «экономического чуда» XIX в. – железных дорог [29]. В год отмены крепостного права (1861 г.) был дозволен беспшлинный импорт железа, чугуна и металлических принадлежностей в количестве, необходимом владельцам российских машиностроительных заводов. В 1862 г. пост министра финансов надолго (до 1878 г.) занял граф М.Х. Рейтерн, единственный из всех министров финансов Российской империи убежденный западник-фритредер. Он инспирировал частнопредпринимательскую «железнодорожную лихорадку»

(«концессионную горячку»), в процессе которой Россия стала растущим рынком сбыта для западной продукции отраслей Индустрии 1.0.

Экономические интересы и идеологические пристрастия столкнулись в спорах о приоритетных направлениях российского железнодорожного строительства. Благодаря Рейтерну возобладал либеральный курс на поощрение грюндерства и агроэкспортную ориентацию сооружаемых по высокоприбыльным концессиям железнодорожных линий. Тогда как славянофильство стало добиваться превращения Москвы в железнодорожный узел для подвоза к ней и окрестным губерниям окраинных ресурсов для промышленной переработки [30]. «Железнодорожный вопрос» занял исключительное место в российской политэкономии, которая ни одной отрасли, рожденной промышленной революцией, не уделяла столько внимания, сколько рельсовому транспорту [31].

Российская историческая школа в политэкономии

Западники-фритредеры исходили из вечности истин, установленных европейскими политэкономами-либералами. Однако эпоха раскрепощения в России совпала с утверждением историзма в западной политэкономии, притом в разных версиях – университетской (германская историческая школа) и социалистически-революционной (марксизм).

Профессор Казанского, а затем Московского университета И.К. Бабст (1824–1881) выступил российским «глашатаем» исторического метода в политэкономии, определяя ее предмет как «народное хозяйство, во всем обширном значении этого слова, как продукт истории, который подчиняется «законам органического развития» наравне с остальными сторонами народного быта». Критикуя индивидуалистическую и дедуктивную односторонность «школы Адама Смита», Бабст впервые в русской литературе изложил формационную схему Маркса [32, с. 13–14] и одновременно заявил себя сторонником не революционной, но «умеренной» оппозиции экономическому либерализму [33].

Ученики Бабста А.К. Корсак (1832–1874) и А.И. Чупров (1842–1908) связали этот поиск с изучением цивилизационных особенностей России, укорененных в ее географии и истории. Корсак, первый русский экономист-компаративист, ввел в российскую политэкономия понятие «промышленная (индустриальная) революция» [34, с. 90], заимствовав его у К. Марло, а Чупров, основатель российской экономики транспорта и школы земских статистиков, – термин «научно-технический прогресс» [35, с. 113].

Корсак, прослеживая своеобразие эволюции институциональных форм ремесла и промышленности России в сравнении с их эволю-

цией в Западной Европе, первым четко охарактеризовал стадийное различие между мануфактурой и фабрикой и роль прикладного естествознания для роста последней [34, с. 5]. Чупров систематизировал влияние не только железнодорожного, но и водного парового транспорта, а также электрических средств связи на мировое снижение транспортных издержек и тем самым – цен на массовую продукцию, новое территориальное размещение промышленности, а также на «разнузданную» кредитную и биржевую спекуляцию, повлекшую первую «великую депрессию» мирового хозяйства.

Корсак подчеркнул влияние на главные отрасли промышленной революции – текстильные, металлические и химические производства, паровую энергетику, в разнообразных приложениях, – технологического применения естественных наук, открытия в которых стали происходить с начала XIX в. почти непрерывно. Примечательно, что перечень технических нововведений Корсак завершил новым способом производства стали – посредством бессемеровского конвертера [34, с. 91]. В данном случае политэконом проявил незаурядную интуицию – в его время конвертерное получение стали только начинало применяться, но быстро завоевало себе прочное место в технике и дало начало «новой эпохе не только в металлургии железа, но и вообще в строительном деле» [36, с. 763]. Современные историки-экономисты оценивают внедрение конвертерной выплавки стали как стартовую инновацию Второй промышленной революции (Индустрии 2.0.) ([19, с. 172; 20, с. 95]).

Удешевленная сталь как массовый конструкционный материал придала мощный импульс прогрессу парового транспорта, связавшему Первую (Индустрия 1.0.) и Вторую (Индустрия 2.0) промышленные революции, а общеевропейское торжество идеологии фритредерства (примерно совпавшее с эпохой «великих реформ» в России!) дополнило, по словам ведущего российского патентоведа В.И. Вешнякова, «всеобъемлющий переворот» в международных отношениях «вследствие широкого развития морского пароходства, железных дорог и применения начал свободной торговли» [37, с. 300].

Однако в России результаты «применения начал свободной торговли» оказались разочаровывающими. При растворенных Рейтерном «таможенных воротах» явно усугубилось отставание России «от передового Запада» по объему производства в ведущих промышленных отраслях – металлургии и машиностроении. Каменноугольная промышленность и вовсе отсутствовала, а вопиющие злоупотребления железнодорожных концессионеров стали притчей во языцех [38, с. 287].

Снискавший известность в качестве основателя экономики железнодорожного транспорта А.И. Чупров в экспертно-публицистиче-

ском противостоянии этим «акулам» добивался менее обременительных для страны условий выкупа частных российских железных дорог в казну [39, стб. 20]. В теории же Чупров, апеллируя к урокам промышленной эволюции Англии и ее экономической мысли, стал предлагать передать под контроль государства не только железные дороги, но также коммунальное обслуживание (снабжение газом и водой) и даже обеспечение рабочих жилищами [40, с. XVII]. А близкий к нему по возрасту и взглядам И.И. Иванюков (1844–1912), отстаивая историко-реалистическое направление, развенчивал экономический либерализм, который вместо общественного благосостояния создал крайнюю шаткость, необеспеченность общественных отношений [41, с. 52].

Чупров и Иванюков продолжили заложенную академиком Шторхом российскую традицию «эkleктической политической экономии» [22, с. 152], сочетая уже не элементы смитианства и его критики, а классической школы, формационного подхода Маркса и «катедер-социализма» исторической школы с ее «средним положением» в «учении об организации хозяйства» [42, с. 213, 217]. Их коллега и друг академик И.И. Янжул (1846–1914), более строгий последователь исторической школы, подчеркивал, что свободная конкуренция, соответствуя интересам имущих классов, породила «рабочий вопрос», а либеральный космополитизм не привел к братскому единению народов [43, с. 155].

Новую форму «ликвидации старых понятий о свободной конкуренции» Янжул видел в охвате промышленности мировых стран-лидеров отраслевыми монополиями. Откомандированный Министерством финансов в США для изучения таких монополий, чтобы выработать рекомендации к аналогичным формам, начинавшим возникать и в российской крупной промышленности, Янжул сфокусировал внимание на первом и крупнейшем американском тресте, возникшем в новой динамичной отрасли Индустрии 2.0 – нефтяной. Он не только описал эффект вертикальной интеграции и дополнение железнодорожных перевозок новым видом транспорта – трубопроводным (pipelines), но и указал на щедрое финансирование научных экспериментов по дополнению основной нефтепереработки производством разнообразных побочных продуктов и тщательное патентование нововведений [44, с. 200–203, 217–218].

Таким образом, было положено начало систематическому изучению российскими политэкономистами структурных и институциональных сдвигов, порожденных Второй промышленной революцией. Эту работу продолжил более молодой представитель исторической школы И.М. Кулишер (1878–1933) на примере опыта другой страны – лидера Индустрии 2.0. – Германии, особенно преуспевшей в промышленности органического синтеза, в электроэнергетике и электротехнике. Кулишер обрисовал применительно к химическим производствам

картину германского эффективного соединения научно-лабораторных исследований и фабрично-заводской промышленности и одновременно подчеркнул возросшую роль учреждений, отстаивавших интересы наемного труда (фабричное законодательство, профсоюзы и т. д.). Отсюда следовал вывод, что в последней трети XIX в. уменьшилась доля капиталистической прибыли, извлекаемой эксплуатацией исполнительного физического труда рабочего, но возросла доля капиталистической прибыли за счет присвоения результатов творческого труда изобретателя, воплощенного в технических усовершенствованиях. Ключевым для нового этапа крупной промышленности стало положение предпринимателя, как «передаточной инстанции» между изобретателем и потребителем, позволяющее удерживать в свою пользу часть продукта творческого труда, прежде чем этот продукт переходит к потребителю [45, с. 270].

Хотя И. Кулишеру не удалось создать убедительной эволюционной теории прибыли, сделанные им на основе анализа инноваций Второй промышленной революции обобщения можно считать предвосхищением как появившейся вскоре знаменитой шумпетеровской концепции предпринимательской прибыли от временной инновационной монополии, так и более поздней классификации инноваций на базисные и улучшающие Г. Менша. Ведь Кулишер выделял в качестве характерной черты современного предпринимательства высокие прибыли, получаемые за счет применения новых крупных изобретений в течение более или менее продолжительных периодов монопольного положения новаторов, приносящего дополнительный доход до тех пор, пока употребление нового изобретения не станет всеобщим. При этом параллельно в каждой отрасли индустрии непрерывно появляются новые мелкие усовершенствования, и если нововведения первого типа являются плодом творчества гениальных изобретателей, то гораздо более многочисленные нововведения второго типа связаны с наемными техниками, механиками, химиками и т. д. Но именно весь этот персонал оставался зависимым от предпринимателей, которые могли просто присваивать себе изобретения служащих своего предприятия [45, с. 251–253].

В то же время Кулишер, опираясь на маршаллианскую категорию потребительского излишка, отметил, что технический прогресс новых промышленных отраслей, паровых и электрифицированных средств сообщения и форм биржевой торговли обусловил снижение цен на рынках, что обернулось выигрышем для массового потребителя, в том числе для рабочих [45, с. 7]. Распространение же предпринимательских, рабочих и кооперативных объединений свидетельствовало о том, что «невмешательство» не есть «естественное состояние» экономики [46, с. 56].

Таким образом, к концу XIX в. российские представители исторической школы отвергли идеал «организации народного хозяйства, основанной на свободной конкуренции индивидуальных интересов», в качестве «заключительного момента экономического развития человечества» [41, с. 43]. Тогда же и возникли острые разногласия по поводу того, что считать «заключительным» или по крайней мере следующим моментом мирового экономического развития.

Эпоха Второй промышленной революции и новые школы российской экономической мысли

Как известно, поворот в экономической теории, называемый ныне (последние полвека) «маржиналистской революцией», сопровождался резонансным «спором о методах» (Methodenstreit) между возникшей австрийской школой и германской исторической школой. В единственной русской монографии, специально посвященной «спору о методах», «современная политическая экономия» характеризовалась уже не как продолжение «незыблемых оснований», данных А. Смитом, а как «параллельное господство» трех групп школ – английской классической, исторической и социалистической [47; 1]. Причем после констатации недоразумений, отождествлявших «классическую школу политической экономии с манчестерской школой экономической политики» [48; 60], российских политэкономов не привлекло теоретическое «брожение», породившее новые абстрактно-индивидуалистические концепции «психологического» и «математического» направлений (т. е. австрийской, лозаннской и англо-американских школ) [49]. Что касается практики, то после того как Российская империя присоединилась к повороту крупнейших государств континентальной Европы к обновленному протекционизму, ее затронула волна возродившегося интереса к учению предшественника исторической школы Ф. Листа о национальных производительных силах и покровительственной таможенной системе.

Главными пропагандистами и практиками «национальной экономии» и «воспитательного протекционизма» в духе Листа стали в России министр финансов С.Ю. Витте и универсальный промышленный эксперт (как правительства, так и частных российских предпринимателей), профессор химии Д.И. Менделеев. Именно в их работах национально-государственные интересы России были наиболее масштабно осмыслены в евразийском контексте «интересов мирового транзита» [50] с учетом срединного положения России на крупнейшем материке «между молотом Европы и наковальней Азии» [51, с. 3]. Витте, возглавившему правительство с багажом успешного инженера-путейца, была, как никому другому, близка идея Листа о национальной системе

путей сообщения (подразумевающей прежде всего развитую железнодорожную сеть) в качестве основы национальной ассоциации производительных сил. В лекциях Витте о государственном и народном хозяйстве, которые он читал наследнику престола в 1900 – 1902 гг., фритредерство оценивалось как экономическая политика, надолго обеспечившая торговое и промышленное преобладание Англии, а странам с более слабым народным хозяйством – невыгодная [52, с. 198]. Там же излагалось обоснование субсидируемого государством роста железнодорожной сети России, как важнейшего средства усиления ее промышленности и преодоления главных геоэкономических невыгод России: ее огромной континентальной протяженности в отдалении от теплых океанских вод и рассредоточенности главных месторождений угля и железа (в противоположность западным государствам – лидерам Индустрии 1.0.) [52, с. 74].

Инспирированный Витте усовершенствованный «воспитательный протекционизм» сопровождался новым всплеском железнодорожного строительства, на этот раз казенного² и имевшего заметный мультиплицирующий эффект не только для «подтягивания» отраслей Индустрии 1.0. (добыча угля, паровые двигатели, черная металлургия), но и для единственной отрасли уже Индустрии 2.0., где Российская империя на какое-то (пусть весьма непродолжительное) время вышла в мировые лидеры, – нефтяной. Доходы, поступающие в казну из этой отрасли, не только стали постоянным ресурсом для пополнения бюджета, но и употреблялись на улучшение структуры промышленности – стимулирование машиностроения [53, с. 142].

Мощный прирост российской железнодорожной сети в последнем десятилетии XIX в. (23,6 тыс. км), продолжившийся и в начале XX в. (29,7 тыс. км), включая самую протяженную в мире (около 7 тыс. км) Транссибирскую магистраль (Великий Сибирский железнодорожный путь, Транссиб), втянул Россию тутими нитями в сеть мирового капиталистического хозяйства, в зигзаги мировой конъюнктуры с периодическими промышленными кризисами производства и выдвинул на повестку дня вопрос о стадийных закономерностях экономического развития страны.

Воздействие новых стадийных схем германской исторической школы в политэкономии и связанного с ней катедер-социализма стало переплетаться в русской экономической мысли с новым осмыслением судеб традиционных институтов сельской общины и кустарничества и с проникновением марксизма.

² Около 40% российской промышленности в конце XIX в. работало прямо или косвенно на железнодорожное строительство и железнодорожный транспорт.

Приверженцы катедер-социализма И.И. Иванюков и А.И. Чупров, противопоставляя вслед за А. Корсаком и К. Марксом мануфактурную и фабричную стадии крупного промышленного производства, считали необходимым учитывать живучесть в России семейных, общинных и артельных форм производства, которые помогут спасти мелких производителей [54, с. 411]. Витте, вполне вероятно, под влиянием помогавшего ему Иванюкова, считал возможным совершить в России «догоняющий» скачок промышленного роста – воспользовавшись «знаниями и опытами» (и капиталами!) Западной Европы, «миновать» мануфактурный период, или «средние ступени хозяйственного развития», и прямо перейти к крупному «машинному производству» [52, с. 41]. Легальные же народники конца XIX в. Н.К. Михайловский, В.П. Воронцов (псевдоним В.В.), Н.Ф. Даниельсон (псевдоним Николай_он) шли дальше, понимая под «средними стадиями» не только мануфактурный период, но и рожденную промышленной революцией городскую фабрику с массовым пролетариатом. Они призывали искать пути «обхода» этих стадий (т. е. капитализма³), опираясь на общину и кустарные промыслы, как «самобытные» русские институты (при содействии правительства и «идейно-рабочей силы» интеллигенции). А дерзкое поколение молодых российских марксистов стало в середине 1890-х годов яростно настаивать на формационном тождестве русского экономического развития с европейским, доказывая, что кустарные промыслы – всего лишь особая («рассеянная») форма капиталистической мануфактуры, которая и в России неизбежно уступит место фабричной крупной промышленности, в чем выразится прогресс национальных производительных сил [55, с. 64–66].

Впоследствии крайние из первых русских формационистов (П. Струве «справа» и В. Ульянов-Ленин (Вл. Ильин) «слева») так и остались упертыми антинародниками, тогда как более мягкие С. Булгаков и М. Туган-Барановский пересмотрели свою жесткую позицию 1890-х годов, во многом признав правоту оппонентов-народников.

М.И. Туган-Барановский был первым в России, кто включил в свою книгу специальную главу «Промышленная революция» [56, с. 46], и он же закрепил в российской экономической литературе противопоставление «основного» капитала оборотному⁴ (под влиянием «Капитала» Маркса), тогда как прежде, под воздействием переводов А. Смита, русские политэкономы противопоставляли оборотному капиталу «постоянный» (или «стоячий» – fixed capital). Хотя М.И. Туган-Барановский не акцентировал внимания на том, что промышленная революция

³ Само слово «капитализм» было введено в русский обиход в 1880 г. В.П. Воронцовым (1847–1918).

⁴ Хотя первым такое противопоставление провел И.И. Иванюков [54, с. 89].

была прежде всего расширением состава и разнообразия элементов основного капитала (это позднее сделал Дж. Р. Хикс [57, с. 182]), категория основного капитала сыграла исключительную роль в разработке Туган-Барановским теории периодических промышленных кризисов, расширенной им затем до теории экономической конъюнктуры.

Выявив историко-статистическую синхронность совпадения изменения цен на железо с фазами капиталистического цикла, Туган-Барановский объяснил это тем, что железо является конструкционным материалом для главных элементов основного капитала – железных дорог, зданий и прочих сооружений, машин и оборудования [58, с. 289–290]. Впоследствии ученик Туган-Барановского Кондратьев особо выделил в структуре основного капитала категорию основных капитальных благ, обновление которых является, по гипотезе Кондратьева, материальной основой больших циклов конъюнктуры (длинных волн) [59, с. 389–391]. Заметим, что хронологические рамки описанных Кондратьевым 2-го большого цикла и повышательной фазы 3-го большого цикла примерно совпадают с рамками Второй промышленной революции, хотя сам ученый этого термина не употреблял.

Общероссийские дебаты легальных народников и марксистов повлияли не только на возникновение экономической школы русского циклизма. Они получили интересное продолжение в Сибири, о чем несколько лет назад напомнили иркутские историки-экономисты [60]. Любопытно, что ни одна из сторон в полемике о последствиях для экономики Зауральской России Великого Сибирского железнодорожного пути не смогла предугадать главного хозяйственного эффекта от сооружения грандиозной магистрали – расцвета сибирского экспортного маслоделия. Не предвидело этого эффекта и царское правительство, возлагавшее на Транссиб немалые ожидания [61].

Появление в российском хозяйстве новой экспортоспособной отрасли, превзошедшей к началу второго десятилетия XX в. по доле в русском экспорте все прочие промышленные отрасли (включая свеклосахарную и нефтяную), замечательно многими особенностями. 1. «Масляные поезда» из сибирских городов в Европу стали непреднамеренным благотворным последствием государственного почина – сооружения Транссиба (хотя маслоделие поначалу в расчет не бралось), а также и результатом намеренной организационной поддержки со стороны министра финансов Витте и первого российского министра земледелия, почетного академика А.С. Ермолова (1847–1917). 2. Прогресс сибирского маслоделия был основан на внедрении технологий Индустрии 2.0. – скандинавских молочных сепараторов. 3. Сибирское маслоделие развивалось в особой институциональной форме – артельной.

О сибирском «масляном» промышленном чуде можно говорить долго (еще Столыпин констатировал, что «вывоз масла дает больше

золота, чем все сибирские золотые прииски вместе взятые» [62, с. 108]). Но для нашей темы важно отметить, что именно успех Союза сибирских маслодельных артелей [63, с. 435–436] стимулировал разработку концепции агроиндустриальной вертикальной концентрации, выдвинутой А.В. Чаиновым (1888–1937), лидером нового направления русской экономической мысли – организационно-производственной школы, вышедшей из «горнила агрономической и кооперативной практики» [63, с. 199] и пестовавшей этически окрашенную программу кооперативного преобразования крестьянского семейно-трудового хозяйства. Эта школа, привнесшая в русскую постановку аграрного вопроса новую этику «любования здоровым хозяйством» [64] и новую утонченную технику анализа, наряду с трудами Н.П. Огановского [55, с. 108–135] стала вершиной русской аграрно-эволюционной мысли.

Заметим также, что сибирское маслоделие прогрессировало непрерывно, в отличие от той же нефтяной отрасли и от русской промышленности начала XX в. в целом. Особенно заметным было отставание в химической промышленности – как в производстве соды, революционизированном в ходе Индустрии 2.0., так и в подотраслях, порожденных уже собственно Второй промышленной революцией, – анилино-красочной и других. И это при высоком уровне химической науки в России. Похожая ситуация сложилась в электротехнике и энергетике, еще более значимых новых отраслях Индустрии 2.0. Электрическая отрасль чрезмерно зависела от германского капитала и импорта продуктов из Германии, несмотря на сильную школу русских электротехников (величайшие из которых, однако, вынуждены были эмигрировать). Уязвимой отраслью было и машиностроение, особенно транспортное (машины занимали самое значимое место в российском импорте начала XX в.) [65, с. 7]. Наконец, низким был уровень обеспеченности российской промышленности минеральными ресурсами, необходимыми для Индустрии 2.0., и осведомленности о них.

Мировая война заставила русских ученых и инженеров забить тревогу по поводу открывшейся недопустимой экономической зависимости Российской империи от Германии, одной из причин чего была чрезвычайная недостаточность знаний о естественных производительных силах России [66, с. 680–681]. Созданная по инициативе академика Вернадского Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) развернула экспедиционную деятельность по изысканию в российских недрах всех химических элементов в концентрациях, необходимых для перевода в промышленную энергию. Одновременно последний директор Императорского Московского технического училища В.И. Гриневецкий (1861–1919) разработал первый цельный план национальной «модернизации промышленности» [65, с. 81] на основе анализа структурных проблем российской экономики и в видах нового

территориального размещения предприятий с существенным сдвигом производительных сил на восток страны. На первое место Гриневецкий ставил электрификацию промышленности путем снабжения ее энергией от районных станций, работающих на местном топливе [65, с. 47–48].

Разведка запасов различных химических элементов на территории страны, направляемая КЕПС, получила новый масштабный импульс уже после революции и образования СССР, когда потребовалось геохимическое обеспечение реализации планов «социалистической индустриализации» преимущественно на основе технологии Индустрии 2.0. В то же время предсмертная книга противника большевиков, «махрового реакционера Гриневецкого» (Л. Троцкий) сыграла парадоксальную роль, как источник при планировании «крупнейших технико-экономических проблем, решаемых пролетариатом СССР» [67, с. 260]. Это произошло после того, как «инженер революции» и топ-менеджер русского филиала электрического концерна «Сименс» Л.Б. Красин рекомендовал ее Председателю Совета народных комиссаров В. Ульянову-Ленину, а тот распорядился сделать ее настольной для всех руководителей и сотрудников советских наркоматов.

Много позднее один из основателей экономико-геополитической школы евразийства, историк Г.В. Вернадский (1887–1973), сын кадета В.И. Вернадского, основателя КЕПС и новой науки геохимии, и внук либерального политэконома И.В. Вернадского, подчеркнул, что русские естествоиспытатели и инженеры опередили русских экономистов в постановке вопроса об экономических ресурсах России во всем евразийском масштабе государства [68, с. 286–287]. И особо значимую роль в такой постановке Вернадский отводил трем деятелям: Д.И. Менделееву, своему отцу и инженеру В.И. Гриневецкому, которых можно считать зачинателями особого пространственно-промышленного направления русской экономической мысли. Оно получило своеобразное продолжение в различных школах уже советского периода. Но это тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абалкин Л.И.* Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М.: Институт экономики РАН, 2000.
2. *Абалкин Л.И.* Политическая экономия // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979.
3. *Яковец Ю.В.* Школа русского циклизма: истоки, этапы развития, перспективы. М.: МФК, 1998.
4. *Ольсевич Ю.Я.* К теории экономических трансформаций. Сб. статей. М.: Институт экономики РАН, 1997.
5. *Ольсевич Ю.Я.* О специфике национальной школы экономической мысли в России // Очерки истории российской экономической мысли. М.: Наука, 2003.

6. *Широкорад Л.Д.* Существует ли российская школа экономической мысли // Очерки истории российской экономической мысли. М.: Наука, 2003.
7. *Шторх А.К.* Курс политической экономии, или Изложение начал обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода. М.: Экономическая газета, 2008.
8. *Гловели Г.Д., Минаева Е.А.* Критическое и некритическое смитианство Генриха Шторха, или Десница и шуйца «системы естественной свободы» // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45.
9. *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России, 1805-1905. Пер. с нем. Л. И. Цедилина; под ред. В.С. Автономова. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007.
10. *Гловели Г.Д.* Одна из возможных версий истории экономической мысли в России // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 140-155.
11. *Сорвина Г.Н., Яковец Ю.В.* Российская школа экономической мысли. М.: Изд-во РАГС, 2011.
12. *Клюкин П.Н.* Российская традиция экономического анализа (1890–1935). М.: Институт экономики РАН, 2014.
13. *Гловели Г.Д.* Производительные силы как парадигмальная категория российской школы экономической мысли // Вестник Международного института А. Богданова. 2001. № 1 (5). С. 5-48.
14. *Струмилин С.Г.* Промышленный переворот в России. ОГИЗ Госполитиздат, 1944.
15. *Пажитнов К.А.* К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 68-76.
16. *Нечаев М.Г.* В поисках истоков промышленной революции в России, или «Фабричная лихорадка» первой половины XIX века // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 4. С. 5-38.
17. *Иванова Р. К.* Перерастание социалистического труда в коммунистический. М.: Наука, 1983.
18. *Гусева М.Б.* Иван Александрович Анчишкин // Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина. М.: ИНФРА-М, 2013.
19. *Анчишкин А.И.* Наука. Техника. Экономика. М.: Экономика, 1989.
20. *Гловели Г.Д., Зайцева М.С., Минаева Е.А.* Концепция промышленных революций: вклад Н. Винера и А.И. Анчишкина // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 2. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102
21. *Андросов В. П.* О предметах и настоящем состоянии Экономики политической // Телескоп. 1833. № 13. С. 4-41; № 16. С. 421-466.
22. *Бланки Ж.-А.* История политической экономии в Европе. Том 2. Пер. П.А. Библикова. СПб.: Тип. И.П. Глазунова, 1869.
23. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа. СПб.: «Экономическая школа»; СПбГУЭиФ, ВШЭ, 2001. Т. 1–3.
24. *Савицкий П.Н.* Месторазвитие русской промышленности. Берлин: Издание евразийцев, 1932.
25. *Веселовский К.С.* Учение о свободной торговле в Англии // Журнал министерства государственных имуществ. 1845. Ч. XVII. Отд. II. С. 143-162.
26. *Левин И.И.* Акционерные коммерческие банки в России. Под науч. ред. А.А. Белых. М.: Дело, 2010.

27. *Бутовский А.И.* Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1847. Т. 1–3.
28. *Вернадский И.В.* Очерк истории политической экономии. СПб.: Ред. «Экономического указателя», 1858.
29. *Дудзинская Е.А.* Строительство железных дорог в России в экономической программе славянофилов // Социально-экономическое развитие России. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М.: Наука, 1986.
30. *Рибер Дж.* Групповые интересы в борьбе вокруг великих реформ // Великие реформы в России, 1856–1874. М.: изд-во МГУ, 1992.
31. *Головачёв А. А.* История железнодорожного дела в России. Под науч. ред. А.А. Белых. М.: Дело, 2020.
32. *Бабст И.К.* Публичные лекции политической экономии. М.: Тип. Бахметева, 1860.
33. *Бабст И.К.* Исторический метод в политической экономии // Русский вестник. 1856. Т. 3. № 5-6. С. 84-142.
34. *Корсак А.К.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М.: Тип. Грачева и Ко, 1861.
35. *Чупров А.И.* О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе. Речь на торжественном собрании Московского Университета 12 января 1889 г. // А.И. Чупров. Речи и статьи. Т. 1. Политическая экономия. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1909.
36. *Ржешотарский А., Менделеев Д.* Литая сталь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/т. 34. СПб., 1896.
37. *Вешняков В.И.* Привилегии на изобретения // Сборник государственных знаний. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1874. С. 291-308.
38. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
39. *Гранат И.Н.* Чупров Александр Иванович // Энциклопедический словарь «Гранат». М.: 1926. Т. 49.
40. *Чупров А.И.* Предисловие // Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в 18-ом столетии. М.: Тип. А.Г. Кольчугина, 1898.
41. *Иванюков И.И.* Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. М.: Типо-лит. Тов. И.Н. Кушнерёва и Ко, 1880.
42. *Чупров А.И.* История политической экономии. 8-е изд. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918.
43. *Янжул И.И.* Английская свободная торговля: Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Вып. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1876.
44. *Янжул И.И.* Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединённых Штатах Северной Америки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895.
45. *Кулишер И.М.* Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли. Т. 2. СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена, 1908.
46. *Кулишер И.М.* Экономическая история, как наука, и периоды в хозяйственном развитии народов // Русская мысль. 1908. № 7. С. 53-79.
47. *Левитский В.Ф.* Задачи и методы науки о народном хозяйстве. Ярославль: Типо-лит. Г.В. Фальк, 1890.

48. Гольцев В.А. Движение русской экономической науки // Русская мысль. 1885. № 3. Научный обзор. С. 60-77.
49. Железнов В.Я. Очерки политической экономии. 8 изд. М.: Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1918.
50. Витте С.Ю. Пути сообщения и экономическое развитие России // Витте С.Ю. Собр. соч. и документальных материалов в 5-ти т. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2002.
51. Менделеев Д.И. К познанию России. 6-е изд. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907.
52. Витте С.Ю. Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. СПб.: Тип. АО Брокгауз и Ефрон, 1912.
53. Степанов В.Л. Нефтяная политика Витте в Закавказье (1892-1903) // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 136-145.
54. Иванюков И.И. Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений. 3-е изд. М.: Кн. маг. Н.И. Мамонтова, 1891.
55. Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. СПб: Алетейя, 2009.
56. Тулан-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб.: Мир Божий, 1903.
57. Хикс Дж. Р. Теория экономической истории. М.: НП «Журнал «Вопросы экономики», 2003.
58. Тулан-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. 3-е изд. СПб.: Изд. т-ва О.Н. Поповой, 1914.
59. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды. М.: Экономика, 2002.
60. Судьбы капитализма в Сибири // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 507-637.
61. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб.: Мин-во финансов. Департамент торговли и мануфактур, 1893.
62. Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Поездка в Сибирь и Поволжье: записка. СПб.: [Тип. А. С. Суворина], 1911.
63. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
64. Макаров Н.П. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918.
65. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. 2-изд. М.: ВЦСПО, 1922.
66. Вернадский В.И. Об изучении естественных производительных сил России // Известия Императорской Академии наук. Сер. 6. 1915. Т. 9. № 8. С. 679-700.
67. Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. М.: Современник, 1991.
68. Вернадский Г.В. П.Н. Милюков и месторазвитие русского народа // Новый журнал. 1964. № 77. С. 254-289.

REFERENCES

1. Abalkin L.I. The Russian School of Economic Thought: the Search for Self-determination. Moscow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2000. (In Russ).
2. Abalkin L.I. Political Economy // The Economic Encyclopedia. Political economy. Vol. 3. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1979. (In Russ).

3. *Yakovets Yu.V.* The school of Russian cyclism: origins, stages of development, prospects. Moscow: IFC, 1998. (In Russ).
4. *Olsevich Yu.Ya.* Towards the theory of economic transformations. Collection of articles. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 1997. (In Russ).
5. *Olsevich Yu.Ya.* On the specifics of the national school of economic thought in Russia // Essays on the History of Russian Economic Thought. Moscow: Nauka, 2003. (In Russ).
6. *Shirokorad L.D.* Is there a Russian school of economic thought? // Essays on the History of Russian Economic Thought. Moscow: Nauka, 2003. (In Russ).
7. *Storkh A.K.* A Course of Political Economy, or an Exposition of the Principles that Determine the Well-Being of the People. Moscow: PH Economic newspaper, 2008. (In Russ).
8. *Gloveli G.D., Minaeva E.A.* The Critical and Non-Critical Smithianism of Heinrich Storch, or The Right and Left Hands of the «System of Natural Freedom» // Issues of Economic Theory. 2023. No.1. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45. (In Russ).
9. *Zweinert J.* The History of Economic Thought in Russia, 1805-1905. Translated from German by L. I. Tsedilin; edited by V. S. Avtonomov. Moscow: HSE Publishing House, 2007. (In Russ).
10. *Gloveli G.D.* One of the possible versions of the history of economic thought in Russia // Voprosy ekonomiki. 2008. No. 9. Pp. 140-155. (In Russ).
11. *Sorvina G.N., Yakovets Yu.V.* The Russian School of Economic Thought. Moscow: RAGS Publishing House, 2011. (In Russ).
12. *Klyukin P.N.* The Russian tradition of Economic Analysis (1890–1935). Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2014. (In Russ).
13. *Gloveli G.D.* Productive forces as a paradigmatic category of the Russian school of Economic Thought // Bulletin of the A. Bogdanov International Institute. 2001. No.1 (5). Pp. 5-48. (In Russ).
14. *Strumilin S.G.* Industrial revolution in Russia. OGIZ Gospolitizdat, 1944. (In Russ).
15. *Pazhitnov K.A.* On the question of the industrial revolution in Russia // Questions of History. 1952. No. 5. Pp. 78-86. (In Russ).
16. *Nechaev M.G.* In search of the origins of the industrial revolution in Russia, or the “Factory fever” of the first half of the 19th century // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Right. 2016. No. 4. Pp. 5-38. (In Russ).
17. *Ivanova R. K.* The transformation of socialist labor into communist labor. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ).
18. *Guseva M.B.* Ivan Aleksandrovich Anchishkin // Essays on the life and scientific activity of academician A.I. Anchishkin. Moscow: INFRA-M., 2013. (In Russ).
19. *Anchishkin A.I.* Science. Technology. Economy. Moscow: Ekonomika, 1989. (In Russ).
20. *Gloveli G.D., Zaitseva M.S., Minaeva E.A.* The Concept of Industrial Revolutions: the Contribution of N. Wiener and A.I. Anchishkin // Issues of Economic Theory. 2024. No. 2. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102. (In Russ).
21. *Androsov V.I.* On the Subjects and the Current State of Political Economy // Teleskop. 1833. No.13. Pp. 4-41; No. 16. Pp. 421-466. (In Russ).
22. *Blanqui J.-A.* The History of Political Economy in Europe. Vol. 2. Transl. by P.A. Bibikov. St. Petersburg: I.P. Glazunov, 1869. (In Russ).
23. *Schumpeter J.A.* History of economic analysis. Vol. 1-3. St. Petersburg: 2001. Economic school. St. Petersburg State University of Economics, Higher School of Economics. (In Russ).

24. *Savitsky P.N.* The location of Russian industry. Berlin: ed. Eurasians, 1932. (In Russ).
25. *Veselovsky K.S.* The doctrine of free trade in England // Journal of the Ministry of Public Protection. 1845. Vol. XVII. Dep. II. Pp. 143-162. (In Russ).
26. *Levin I.I.* Joint-stock commercial banks in Russia. Under the scientific editorship of A.A. Belykh. Moscow: Delo, 2010. (In Russ).
27. *Butovsky A.I.* The experience of national wealth, or the principles of political economy. St. Petersburg : type. H.I.M. Chancery, 1847. Vol. 1-3. (In Russ).
28. *Vernadsky I.V.* An essay on the history of political economy. St. Petersburg: Ed. of the Economic Index, 1858. (In Russ).
29. *Dudzinskaya E.A.* The construction of railways in Russia in the economic program of the Slavophiles // Socio-economic development of Russia. Collection of articles on the N.M. Druzhinin's 100th jubilee. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ).
30. *Riber J.* Group interests in the struggle around the great reforms // Great reforms in Russia, 1856-1874. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1992. (In Russ).
31. *Golovachev A. A.* History of the railway business in Russia. Under the scientific editorship of A.A. Belykh. Moscow: Delo, 2020. (In Russ).
32. *Babst I.K.* Public lectures on political economy. Moscow: Bakhmetev Printing house, 1860.
33. *Babst I.K.* Historical method in political economy // Russian Bulletin. 1856. Vol. 3. No. 5-6. Pp. 84-142. (In Russ).
34. *Korsak A.K.* About the forms of industry in general and about the importance of home production (handicraft and household industry) in Western Europe and in Russia. Moscow: Grachev and Co., 1861. (In Russ).
35. *Chuprov A.I.* On the nature and causes of the modern industrial crisis in Western Europe. Speech at the solemn meeting of Moscow University on January 12, 1889 // A.I. Chuprov. Speeches and articles. Vol. 1. Political economy. Moscow: M. and S.Sabashnikov, 1909. (In Russ).
36. *Rzheshotarsky A., Mendeleev D.* Cast steel// Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. Semivol. 34. St. Petersburg, 1896. (In Russ).
37. *Veshnyakov V.I.* Privileges for inventions // Collection of state knowledge. St. Petersburg.: D.E.Kozhanchikov, 1874. Pp. 291-308. (In Russ).
38. *Kornilov A.A.* Course of history of Russia of the XIX century. Moscow: Higher School. 1993. (In Russ).
39. *Granat I.N.* Chuprov, Alexander Ivanovich// The Granat Encyclopedic Dictionary. Vol. 49. Moscow: 1926. Stb. 20. (In Russ).
40. *Chuprov A.I.* Preface // Toynbee A. The industrial revolution in England in the 18th century. Moscow: A.G. Kolchugin's type, 1898. (In Russ).
41. *Ivanyukov I.I.* The main provisions of the theory of economic policy from Adam Smith to the present. Moscow: I.N. Kushnerev's type and Co., 1880. (In Russ).
42. *Chuprov A.I.* History of political economy. 8th ed. Moscow: Publishing house of M. and S. Sabashnikov, 1918. (In Russ).
43. *Yanzhul I.I.* English free trade: A historical sketch of the development of ideas of free competition and the beginnings of government intervention. Iss. 1. Moscow: A.I. Mamontov and Co., 1876. (In Russ).
44. *Yanzhul I.I.* Commercial syndicates or business unions to regulate production mainly in the United States of North America. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House, 1895. (In Russ).

45. *Kulisher I.M.* The evolution of capital gains in connection with the development of industry and trade. Vol. 2. St. Petersburg: A.G. Rosen's typolit, 1908. (In Russ).
46. *Kulisher I.M.* Economic history as a science and periods in the economic development of nations // Russian thought. 1908. No. 7. Pp. 53-79. (In Russ).
47. *Levitsky V.F.* Tasks and methods of the science of national economy. Russian Academy of Sciences. Yaroslavl: G.V.Falk's typolit., 1890. (In Russ).
48. *Goltsev V.A.* The Movement of Russian Economic Science // Russian thought. 1885. No. 3. Scientific review. Pp. 60-77. (In Russ).
49. *Zheleznov V.Ya.* Essays on political economy. 8th ed. M.: I.D. Sytin's type., 1918. (In Russ).
50. *Witte S.Y.* Ways of communication and economic development of Russia // Witte S.Y. Collection of soch. and documentary materials in 5 volumes. Vol. 1. Book 2. Part 1. Moscow, 2002. (In Russ).
51. *Mendeleev D.I.* Towards the Knowledge of Russia. 6th ed. St. Petersburg. Type. by A. S. Suvorin, 1907. (In Russ)
52. *Witte S.Y.* Lecture notes on the state and national economy. St. Petersburg, type. JSC Brockhaus and Efron, 1912. (In Russ).
53. *Stepanov V.L.* Witte's oil policy in Transcaucasia (1892-1903) // Issues of Economic Theory. 2018. No. 2. Pp. 136-145. (In Russ).
54. *Ivanyukov I.I.* Political economy as a doctrine of the process of development of economic phenomena. 3rd ed. Moscow: A.I. Mamontov, 1891. (In Russ).
55. *Gloveli G.D.* Geopolitical economy in Russia: from discussions about identity to global models. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2009. (In Russ).
56. *Tugan-Baranovsky M.I.* Essays from the modern history of political economy and socialism. St. Petersburg: God's World, 1903. (In Russ).
57. *Hicks J. R.* Theory of economic history. Moscow: NP "Voprosy ekonomiki", 2003.
58. *Tugan-Baranovsky M.I.* Periodic industrial crises. 3rd ed. St. Petersburg: publishing house of O.N. Popova, 1914. (In Russ).
59. *Kondratiev N.D.* Large cycles of conjuncture and the theory of foresight: Selected works. Moscow: Ekonomika, 2002. (In Russ).
60. The fate of capitalism in Siberia // Historical-economic studies. 2016. Vol.17. No. 3. Pp. 507-637. (In Russ).
61. Siberia and the Great Siberian Railway. St. Petersburg: Ministry of Finance. Department of Trade and Manufactures, 1893. (In Russ).
62. *Stolypin P. A., Krivoshein A.V.* A trip to Siberia and the Volga region: a note. St. Petersburg: [Type. by A. S. Suvorin], 1911. (In Russ).
63. *Chayanov A.V.* Peasant farming. Selected works. Moscow: Ekonomika, 1989. (In Russ).
64. *Makarov N.P.* Socio-ethical roots in the Russian formulation of the agrarian question. Kharkov: Kharkov Agricultural Society, 1918. (In Russ).
65. *Grinevetsky V.I.* Post-war prospects of Russian industry. 2nd ed. Moscow: VTsSPO, 1922. (In Russ).
66. *Vernadsky V.I.* On the study of the natural productive forces of Russia // Proceedings of the Imperial Academy of Sciences. Ser. 6. 1915. Vol. 9. No. 8. Pp. 679-700. (In Russ).
67. *Valentinov N.* New economic policy and the crisis of the Party after Lenin's death: The years of work in the Supreme Economic Council during the NEP. Moscow: Sovremennik, 1991. (In Russ).
68. *Vernadsky G.V. P.N.* Milyukov and the Territorial development of the Russian people // The New Review. N.Y. 1964. No. 77. Pp. 254-289. (In Russ).

Дата поступления рукописи: 02.04.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гловели Георгий Джемалович – доктор экономических наук, руководитель Центра ФГБУН Институт экономики РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7871-6533

glovelig@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Georgy J. Gloveli – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Professor at the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7871-6533

glovelig@mail.ru

THE FIRST INDUSTRIAL REVOLUTIONS AND RUSSIAN SCHOOLS OF ECONOMIC THOUGHT

The article is devoted to the evaluation of the concept of a special Russian school of economic thought, put forward at the end of the 20th century by L.I. Abalkin and Yu.Ya. Olsevich, prominent scientists of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The position is substantiated that, although in this concept the peculiarities of the movement of the Russian school of economic thought were generally rightly noted, it is more correct to speak not about a single school, but about various schools of Russian economic thought that contributed to the understanding of the national economic identity. A brief description of these schools is given in the context of the concept of industrial revolutions put forward by A.I. Anchishkin, the founder of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: *industrial revolutions, the concept of the Russian school of economic thought, national productive forces, free trade, "educational protectionism", railway construction in the Russian Empire, historical trend in political economy, basic and improving innovations, Union of Siberian Dairy artels, organizational and production school.*

JEL: B12, B14, B15, B19, N01, N13, N7, O10, O14, O25, O30, O33.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А.А. МАЛЬЦЕВ

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН

С.В. ЧИЧИЛИМОВ

кандидат экономических наук,
младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН

РЕГИОНАЛЬНО-ОТРАСЛЕВАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОТОКОВ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИКИ УРАЛА

В статье рассмотрено состояние экономики и инвестиционного комплекса Урала. Выявлено сохранение недоинвестированности экономики макрорегиона, обуславливающее превышающий среднероссийский уровень износ основных фондов. Представлена авторская методика анализа инвестиционной активности уральского бизнеса, опирающаяся на «полевое» исследование изменения динамики реализации инвестиционных проектов в промышленности и сельском хозяйстве. Сравнительный анализ регионально-отраслевой реструктуризации инвестиционных потоков позволил выявить главные особенности восстановления и наращивания инвестиционной активности на Урале. Получила фактическое подтверждение гипотеза о начале инвестиционного цикла, основанного на накоплении индустриального капитала.

Ключевые слова: государственная поддержка, инвестиционный проект, инвестор, промышленность, сельское хозяйство, экономика Урала.

УДК: 330.322, 332.12

EDN: HBD0FE

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_52_70

Нынешняя фаза экономического развития России характеризуется опережающим динамичным ростом ВВП и инвестиций. Результаты 2022–2023 гг. дали возможность специалистам говорить об «ускорении инвестиционного подъема» [1, с. 29] и даже о зарождении «сильного циклического роста, основанного на накоплении нового, прежде всего, индустриального капитала»¹. Отметим, что в условиях, когда произошло резкое усиление санкционного давления на страну, инвестиционная активность многими экспертами, как и представителями госструктур, первоначально рассматривалась как временный всплеск, который не способен «стать драйвером быстрого экономического роста» [2, с. 68]. Прогноз Минэкономразвития России на 2022 г. в принципе предполагал сокращение инвестиций на 2%². Однако с III квартала 2022 г., когда стала подниматься волна экономического роста, по I кварталу 2024 г. инвестиции в реальном выражении, по расчетам ЦМАКП, увеличились на 20,3%, а добавленная стоимость, созданная в экономике, – всего на 6,3%³.

В складывающихся условиях закрепление государством в национальных целях развития страны стратегической задачи увеличения к 2030 г. инвестиций в основной капитал не менее чем на 60% по сравнению с 2020 г.⁴ представляется важнейшим условием выхода на траекторию динамичного устойчивого развития. В период 2025–2035 гг. ключевым фактором роста, по оценке А.А. Широ́ва, выступит инвестиционный спрос. Вместе с потребительским спросом его вклад в формирование экономической динамики, как предполагается, составит более 2% [4, с. 15].

Динамику инвестиционного процесса, его структуру, а также обоснованность гипотезы о зарождении в стране инвестиционного цикла, основанного на накоплении индустриального капитала, мы рассмотрим на примере реального сектора (промышленности и сельского хозяйства) важнейшего экономического центра страны – Урала (в составе семи субъектов Российской Федерации). Предваряя анализ, охарактеризуем сложившуюся здесь к настоящему времени общеэкономическую ситуацию.

¹ Широ́ва Т. Как вести мировую экономическую войну // Монокл. 2024. № 17–18. С. 11–17. <https://monocle.ru/monocle/2024/18/> (дата обращения: 03.01.2025).

² Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025 (дата обращения: 15.02.2025).

³ Индикаторы. Деловая конъюнктура // Монокл. 2024. № 28. С. 47. <https://monocle.ru/monocle/2024/28/> (дата обращения: 15.02.2025).

⁴ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 / Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

Место Урала в экономике Российской Федерации, состояние его промышленности и сельского хозяйства

В 2019–2022 гг. из семи регионов Урала не нашлось ни одного, где бы индекс роста годового валового регионального продукта (ВРП) стабильно опережал среднероссийский (см. табл. 1). Более того, если в 2019 г. в трех регионах динамика была выше среднероссийской, то в 2020 г. – в двух, в 2021 г. – ни в одном, в 2022 г. – снова в трех. При этом за 2019–2022 гг. только Челябинской области удалось сохранить неизменным показатель вклада региона в ВРП страны. Как видим, это был не ситуативный, а долгосрочный тренд, обусловивший ступенчатое сокращение вклада уральских регионов

Таблица 1

Индексы физического объема ВРП (И) Российской Федерации и регионов Урала (% к предыдущему году) и их удельный вес в ВРП Российской Федерации в 2019–2022 гг. (%)

Регион*	2019		2020		2021		2022	
	И, г/г	Уд. вес в РФ	И, г/г	Уд. вес в РФ	И, г/г	Уд. вес в РФ	И, г/г	Уд. вес в РФ
РФ, всего	101,6	100,0	97,8	100,0	107,3	100,0	100,3	100,0
Республика Башкортостан	101,9	1,91 (44*)	94,2	1,79 (46)	102,8	1,65 (49)	101,0	1,59 (51)
Удмуртская Республика	100,4	0,76 (38)	96,0	0,72 (45)	102,6	0,69 (43)	101,4	0,69 (60)
Пермский край	100,6	1,58 (24)	97,3	1,47 (27)	103,6	1,44 (29)	98,7	1,42 (29)
Курганская область	101,7	0,25 (73)	97,4	0,25 (72)	101,1	0,22 (72)	107,7	0,24 (75)
Оренбургская область	102,2	1,17 (25)	99,0	1,11 (28)	102,0	1,15 (24)	101,3	1,12 (65)
Свердловская область	100,3	2,67 (22)	97,2	2,66 (21)	104,7	2,51 (25)	99,6	2,47 (19)
Челябинская область	99,3	1,63 (45)	101,0	1,70 (42)	106,3	1,69 (39)	100,3	1,63 (55)

* В скобках указано место региона по показателю «валовой региональный продукт на душу населения» среди всех субъектов Российской Федерации.

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 32–35; Регионы России. Социально-экономические показатели 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 32–35; Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. Стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 32–35, 464–465; Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 34, 470–471.

в общероссийский ВРП с 14,54% в 1995 г. до 9,97% в 2019 г., 9,35% в 2021 г. и 9,16% в 2022 г.⁵

Одной из главных причин затухания экономического роста на Урале стало состояние его промышленного комплекса. До 2023 г. ситуация здесь развивалась однонаправленно. Если в 1990 г. на долю Урала приходилось 14,5% промышленного производства страны (второе место среди экономических районов страны), в 1995 г. – 16,2% (первое место), то в 2020 г. – 12,6%, в 2022 г. – 12,3%.

В 2023 г. понижительный тренд прервался. По итогам года удельный вес регионов Урала в суммарном российском промышленном производстве увеличился до 12,8%. Принципиально важно, что это обеспечил не только сектор добывающих производств, вклад которого в общероссийский по данному виду экономической деятельности составил 9,43% – рост на 0,43% к 2022 г., но и отрасли обрабатывающей промышленности. Правда, в разрезе обрабатывающих производств удельный вес макрорегиона, в 2023 г. увеличившийся до 13,93% (с ростом также на 0,43% к 2022 г.), пока почти на $\frac{1}{3}$ уступает показателю 2005 г. – 19,3%⁶. Однако обнадеживает, что в 2023 г., впервые за весь наблюдаемый период, сектор обработки во всех без исключения уральских регионах рос быстрее, чем в целом по Российской Федерации (см. табл. 2). При этом по отдельным видам экономической деятельности в сфере обработки, по данным региональной статистики Урала, производство росло рекордными темпами. Так, производство компьютеров, электронных и оптических изделий за год в Пермском крае увеличилось на 58,9%, в Челябинской области – на 52,8%, готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования,⁷ в Курганской области – на 62,1%, в Челябинской области – на 50,4%,

⁵ Рассчитано по: Регионы России 1999. Стат. сб. в 2-х т. / Госкомстат. М., 1999. Т. 2. С. 279–280; Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. С. 460–461; Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 465–467.

⁶ Рассчитано по: Регионы России 2001. Стат. сб. в 2-х т. / Госкомстат. М., 2001. Т. 2. С. 372–373; Регионы России. Социально-экономические показатели 2016. Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 636–639; Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 574–581. В расчет итогов за 2020–2023 гг. принималась сумма объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами работ и услуг по четырем видам экономической деятельности: «добыча полезных ископаемых»; «обрабатывающие производства»; «обеспечение электроэнергией, газом и паром; кондиционирование воздуха»; «водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений».

⁷ По этой позиции в ОКВЭД-2 фиксируется, в том числе производство оружия и боеприпасов. См.: Ивантер А. Замечен из-за станка // Монокль. 2023. № 1. С. 12–15. С. 14. <https://monocle.ru/monocle/2023/1/> (дата обращения: 15.02.2025).

Таблица 2

**Индексы промышленного производства в Российской Федерации
и регионах Урала в 2020–2023 гг. (% к предыдущему году)**

Регион	Виды экономической деятельности	2020	2021	2022	2023
РФ	Всего	97,9	106,3	100,7	104,1
	ДПИ*	93,5	104,2	101,5	98,7
	ОБР**	101,3	107,4	100,3	108,6
Республика Башкортостан	Всего	99,1	104,4	103,6	108,0
	ДПИ	83,8	100,8	115,6	99,0
	ОБР	102,3	104,7	102,2	110,5
Удмуртская Республика	Всего	95,2	108,9	103,7	113,6
	ДПИ	91,0	104,5	103,0	96,4
	ОБР	99,9	115,0	106,3	133,9
Пермский край	Всего	97,5	104,3	98,4	105,9
	ДПИ	95,4	100,6	105,6	101,5
	ОБР	99,6	107,1	93,2	109,7
Курганская область	Всего	97,7	104,8	105,4	117,1
	ДПИ	108,3	90,6	103,0	114,9
	ОБР	101,3	100,5	107,8	123,6
Оренбургская область	Всего	98,4	99,6	97,2	103,7
	ДПИ	97,4	98,6	96,0	100,9
	ОБР	100,2	98,8	101,2	111,5
Свердловская область	Всего	102,0	101,5	99,8	111,8
	ДПИ	103,2	108,0	100,3	100,4
	ОБР	102,2	100,1	99,6	114,7
Челябинская область	Всего	99,2	106,0	98,5	110,9
	ДПИ	132,0	119,4	101,3	100,1
	ОБР	97,7	104,8	98,5	113,1

* – добыча полезных ископаемых; ** – обрабатывающая промышленность.

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 582–587.

электрического оборудования в Пермском крае – на 56,4%, в Удмуртии – в 1,3 раза⁸.

Решение задач форсированного развития промышленности Урала требует ускорения модернизации материально-технической базы. При этом нужно учитывать, что с 2000 г. на Урале шло сжатие основного капитала. За 2000–2023 гг. доля макрорегиона в основных фондах страны сократилась с 13,7% (пик – 14,7% – был пройден в 1999 г.) до 9,4%, что объясняется снижением инвестиций, направляемых на пополнение основного капитала – с 11,1 до 8,2% суммарного российского итога за тот же период⁹. В 2023 г., заметим, уровень прироста инвестиций в основной капитал в среднем по России (109,8% к 2022 г.) на Урале превзойти не удалось. В итоге во всех уральских регионах на конец 2023 г. степень износа основных фондов была выше, чем в среднем по стране. Более того, за 2005–2023 гг. ни одному региону Урала не удалось снизить износ основных фондов (см. табл. 3).

Наряду с промышленностью жизненно важным сектором реальной экономики Урала является сельское хозяйство. Предваряя анализ инвестиционных процессов в этом секторе, приведем следующие отправные положения.

Во-первых, отметим, что еще в 1999 г. старопромышленный Урал, включающий три относящихся к Нечерноземью региона – Пермский край, Удмуртскую Республику и Свердловскую область – занимал второе место среди 11 экономических районов страны по объему валового сельскохозяйственного производства (ВСХП) с показателем 14,9%. Однако с 2000 г. доля ВСХП Урала в общероссийском итоге стала неуклонно снижаться и в 2023 г. остановилась на отметке 10,0%. Но при этом сектор остается значимым для экономики макрорегиона, внося весомый вклад в формирование ВРП. Например, в 2022 г. на долю сельского хозяйства приходилось 13,1% ВРП в Курганской области и 8,5% в Удмуртской Республике (при 4,2% в среднем по России)¹⁰. Причем снижение производства в сельском хозяйстве на этапе реформ шло

⁸ По данным территориальных органов Росстата. <https://74.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Промышленность%202023%20г.pdf>; <https://56.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/D0%91%D0%A0%D0%AC%202023.pdf>; <https://oblast45.ru/publication/62519>; <https://perm.bezformata.com/listnews/proizvodstva-industrialnih-predpriyatij/127402101>; <https://susanin.news/udmurtia/other/20240211-311013>; <https://www.mozhga-rayon.ru/about/info/messages/33462/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁹ Рассчитано по: Регионы России 1999. Т. 2. С. 298–299; Регионы России 2001. Т. 2. С. 304–305; Российский статистический ежегодник 2002. Стат. сб. / Госкомстат. М., 2002. С. 301–302; Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 483–485, 501–504.

¹⁰ Рассчитано по: Регионы России. 2001. Стат. сб. в 2-х т. / Госкомстат. М., 2001. Т. 2. С. 458–459; Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 472–474, 632–633.

**Индексы физического объема инвестиций в основной капитал
и износ основных фондов в Российской Федерации и регионах Урала
в 2020–2023 гг. (%)**

Регион	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (год к году, в сопоставимых ценах)				Степень износа основных фондов на конец отчетного года			
	2020	2021	2022	2023	2005	2010	2020	2023
РФ, всего	99,9	108,6	106,7	109,8	44,1	45,7	52,1	48,0
Республика Башкортостан	105,0	105,9	107,4	107,6	46,2	48,7	57,9	55,2
Удмуртская Республика	106,9	98,8	101,7	106,0	52,9	58,4	68,1	62,0
Пермский край	92,7	103,5	107,2	115,8	51,4	58,1	64,3	58,2
Курганская область	100,1	103,6	103,2	115,0	50,5	60,5	60,4	55,6
Оренбургская область	92,2	97,7	107,7	110,9	59,2	57,7	63,1	61,4
Свердловская область	98,6	95,2	117,2	116,1	51,7	54,6	61,3	57,4
Челябинская область	100,1	96,6	95,3	107,8	46,4	44,3	51,9	50,1

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 488-489, 511-512.

относительно плавно, а восстановительный рост опередил динамику промышленности (см. табл. 4).

Во-вторых, обратим внимание на произошедшее за последние десятилетия резкое сжатие материально-технического каркаса сельского хозяйства. Если в 2000 г. на Урал приходилось 13,6% всех основных фондов сельского хозяйства страны, то по итогам 2023 г. почти вдвое меньше – 8,0% (еще в 2020 г. – 8,8%)¹¹. Одновременно росла степень износа основных фондов. В 2010-2023 гг. только в Пермском крае и Курганской области удалось несколько улучшить положение дел, снизив износ основных фондов с 40,9 до 39,0% и с 42,6 до 40,5% соответственно (см. табл. 5).

¹¹ Рассчитано по: Регионы России. 2001. Стат. сб. в 2-х т. / Госкомстат. М., 2001. Т. 2. С. 305; Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 497-498; Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 632-633.

Таблица 4

Сравнительная динамика добычи полезных ископаемых, производства готовых изделий и продукции сельского хозяйства в Российской Федерации и регионах Урала (% , 1991 г. – 100%)

Показатели	РФ	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика	Пермский край	Курганская область	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область
Добыча полезных ископаемых								
Минимум (год)	67,18 (1998)	52,32 (2005)	76,08 (2000)	77,92 (1999)	80,56 (1996)	83,87 (1998)	60,91 (1996)	36,20 (2009)
Превзойден базис (год)	101,83 (2006)	—	100,44 (2005)	101,22 (2009)	207,35 (1997)	100,38 (2001)	137,69 (2010)	115,22 (2020)
2023/1991	124,22	82,76	99,77	131,99	966,77	172,35	170,80	140,06
Обрабатывающие производства								
Минимум (год)	40,73 (1998)	51,20 (1998)	28,70 (2009)	43,74 (2009)	29,20 (2000)	20,58 (1998)	29,26 (1998)	31,44 (1998)
Превзойден базис (год)	100,21 (2018)	105,19 (2006)	—	—	—	—	—	—
2023/1991	121,90	220,55	85,06	73,58	66,93	42,45	88,28	74,14
Продукция сельского хозяйства								
Минимум (год)	58,63 (1998)	83,13 (2010)	80,98 (1998)	55,21 (2010)	38,48 (1998)	46,84 (1998)	69,76 (2007)	76,23 (1998)
Превзойден базис (год)	102,34 (2014)	118,79 (2011)	108,77 (2014)	—	—	136,93 (2022)	—	118,15 (2005)
2023/1991	130,85	132,26	113,31	59,61	40,38	127,07	84,83	154,79

Источник: рассчитано авторами по: Росстат. Российский статистический ежегодник. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>; Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.02.2025).

В-третьих, в сельском хозяйстве, как и в промышленности, наблюдалась недоинвестированность. За 2000–2023 гг. удельный вес капитальных вложений в сельское хозяйство Урала сократился с 4,5 до 2,5% в их суммарном объеме. Одновременно доля макрорегиона в инвестициях в аграрный сектор в целом по стране снизилась с 14,0 до 7,0%¹².

¹² Рассчитано по: Регионы России 2001. Стат. сб. в 2-х т. / Госкомстат. М., 2001. Т. 2. С. 758–759, 774, 778, 780; Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 496–498.

Таблица 5

Сравнительная динамика степени износа основных фондов по видам экономической деятельности: «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства» и «производство продукции сельского хозяйства» в Российской Федерации и регионах Урала (%)

Регион	Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства		Производство продукции сельского хозяйства	
	2010	2023	2010	2023	2010	2023
РФ	46,8	51,6	42,2	47,4	33,5	42,9
Республика Башкортостан	51,6	65,0	41,2	46,2	29,2	41,9
Удмуртская Республика	64,8	60,9	44,3	49,9	34,3	44,5
Пермский край	46,6	51,1	46,7	50,6	40,9	39,0
Курганская область	28,8	54,6	48,1	51,5	42,6	40,5
Оренбургская область	67,0	58,9	37,3	47,3	36,8	44,3
Свердловская область	55,7	50,2	36,1	51,2	34,5	41,0
Челябинская область	41,4	39,5	39,1	47,5	28,5	40,4

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2011. Стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 389–392; Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 513–514.

Методика анализа инвестиционных процессов в реальном секторе экономики Урала и их характеристика

В условиях ограниченности исходной статистической базы¹³, закрытия своих данных многими предприятиями ОПК¹⁴, скудости и несводимости справочно-аналитических материалов, размещаемых

¹³ Правительство России постановлением № 1102 от 4 июля 2023 г. «Об особенностях раскрытия и (или) предоставления информации, подлежащей раскрытию и (или) предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «О рынке ценных бумаг» разрешило предприятиям в оговоренных случаях не публиковать свою отчетность. См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 28. Ст. 5221.

¹⁴ Клепча К., Огородников Е., Ремизов М. Упал, отжался, рванул // Монокль. 2023. № 2. С. 14–19. С. 15. <https://monocle.ru/monocle/2023/2/> (дата обращения: 25.01.2025).

на сайтах региональных министерств экономического развития, возникает необходимость использования для проведения анализа имеющейся в открытом доступе информации об инвестиционной активности уральского бизнеса в промышленности и сельском хозяйстве. Методические подходы, используемые нами для такого анализа, базируются на следующем.

Во-первых, за точку отсчета мы взяли данные об инвестиционных проектах в промышленности и сельском хозяйстве в 2021–2024 гг., которые освещались в информационном поле, в том числе в сети интернет. Все проекты сведены в два блока. В первый блок вошли проекты, исполненные в 2021–2023 гг. Во второй – заявленные, завершённые и находящиеся в процессе реализации по состоянию на 1 сентября 2024 г. Временной диапазон выбран по причине начавшейся на Урале именно с 2021 г. интенсификации инвестиционного процесса.

Во-вторых, материалы отбирались с «входным порогом» от 100 млн руб. капитальных вложений. При отсутствии в открытых источниках сведений об объемах инвестиций даже значимые по косвенным признакам инвестпроекты в сводные реестры не включались. Пришлось также делать поправку на усеченность доступной информации. Например, в 2021 г. Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) после реконструкции запустил двухклетевой реверсивный стан-1700, в начале 2000-х годов ставший первым в постсоветскую эпоху агрегатом холодной прокатки¹⁵. Однако из-за отсутствия точных данных по ММК за 2021 г. в сводный результат удалось включить только реализацию экологических проектов комбината на 17 млрд руб.¹⁶

В-третьих, по объему капитальных вложений инвестпроекты условно разделены на три группы: оперативно-тактические (до 1 млрд руб.), стратегические (от 1 до 10 млрд руб.) и мегапроекты (от 10 млрд руб.). Первые позволяют прежде всего решать задачи текущей модернизации производства – поддержания его динамики и расширения. Вторые – проводить технологическое обновление важнейших звеньев воспроизводственной системы с одновременным укреплением базиса экспортрасширения и импортозамещения. Третьи – закладывают фундамент для комплексного решения прорывных ESG-задач, когда, в нашем определении, на базе продвинутой высокотехнологичной инженерии (Engineering) становится возможным стабильное социально-экономическое (Socio-economic) развитие региона местопребывания предприятия и укрепление его геостратегических (Geostategy)

¹⁵ Миллиарды Магнитки / Эксперт-Урал. 2021. № 30–34. С. 4. <https://expert-ural.com/archive/nomer-30-31-849/> (дата обращения: 03.01.2025).

¹⁶ ММК зеленеет / Эксперт-Урал. 2022. № 8–9. С. 5. <https://expert-ural.com/archive/nomer-8-9-861/> (дата обращения: 03.01.2025).

позиций на мировых рынках. Такая градация позволила уйти от дробления массива инвестпроектов и сконцентрироваться на ключевых изменениях в реструктуризации инвестпотоков.

Мы отдаем себе отчет в том, что наша выборка охватывает только часть инвестиционного потока. Например, в Удмуртской Республике в 2023 г. запущено около 90 инвестпроектов на сумму свыше 33 млрд руб.¹⁷ Нам неизвестно, сколько из них имели планируемый объем инвестиций свыше 100 млн руб. Однако в нашу выборку реализуемых в 2024 г. в республике инвестпроектов попали 10 (1/9 общего числа) с заявленным объемом финансирования 21,2 млрд руб. (2/3 итога). Это подтверждает репрезентативность собранной для анализа совокупности данных. В общей сложности в выборку попали 177 завершенных в 2021–2023 гг. на Урале инвестпроектов. На 1 сентября 2024 г. удалось зафиксировать 256 проектов, выполнение которых продолжалось.

Среди исполненных в 2021–2023 гг. инвестпроектов 98 из 177 относятся к категории оперативно-тактического назначения (см. табл. 6). С их помощью решались такие задачи, как например: замена изношенного оборудования (Уральский турбинный завод), расширение уже действовавшего производства («Пиастрелла», «РИФ-Микрорамор», Суксунский оптико-механический завод), импортозамещение («ВторКом», Кушвинский завод прокатных валков, Сарапульский электрогенераторный завод). На треть меньше – 67 – оказалось стратегических проектов, а мегапроектов – лишь 12. При этом от целого ряда крупнейших предприятий («Башнефть», «Газпром Нефтехим Салават», «Пермские моторы», «Уральская сталь», др.) в силу упоминавшихся выше причин в реестр вошли только отдельные проекты, составлявшие лишь часть годового инвестиционного потока в этот период. Самым большим из зафиксированных оказался завершенный в 2023 г. в Губахе проект «Метафракс-Кемикалс» (85 млрд руб.)¹⁸ В отраслевом разрезе реализованные на Урале инвестпроекты этапа 2021–2023 гг. сведены в табл. 7.

Анализ, проведенный на основе данных табл. 6–7, позволяет сделать три главных вывода.

Во-первых, усилилась роль государства в активизации инвестиционной деятельности. Так, из зафиксированных нами 177 инвестпроектов в 2021–2023 гг. 72, или 40,7%, исполнены с привлечением льготных займов Фонда развития промышленности (ФРП) и других институтов развития федерального или регионального уровней. Лидерами оказались Республика Башкортостан – 19, или 26,4%, инвестпроектов Урала,

¹⁷ Кобер П. Республика перспективных проектов // Эксперт-Урал. 2024. № 4. С. 35–39. С. 35. <https://expert-ural.com/archive/nomer-4-888/> (дата обращения: 03.01.2025).

¹⁸ Главные бизнес-события Пермского края в 2023 году / Новости. 2023. 29 декабря. <https://news.mail.ru/economics/59203064/> (дата обращения: 03.01.2025).

Таблица 6

Распределение по регионам Урала инвестиционных проектов 2021–2024 гг., сгруппированных по объему выделенных на их реализацию средств (ед.)

Проекты	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика	Пермский край	Курганская область	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область	Всего
Всего								
2021–2023	31	10	23	13	17	48	35	177
2024	87	10	30	13	17	54	45	256
ОТИП ^А								
2021–2023	17	9	12	10	11	24	15	98
2024	43	4	16	3	10	17	16	109
СИП ^Б								
2021–2023	13	1	6	3	6	21	17	67
2024	34	6	10	10	5	24	21	110
МИП ^В								
2021–2023	1	—	5	—	—	3	3	12
2024	10	—	4	—	2	13	8	37

Примечания: ^А ОТИП – оперативно-тактические, ^Б СИП – стратегические, ^В МИП – мегаинвестпроекты.

Источник: рассчитано авторами по материалам публикаций в журналах «Моноколь» (<https://monocle.ru/expert/>), «Эксперт» (<https://expert.com/archive/>), «Эксперт-Урал» (<https://expert-ural.com/archive/>), сайта «Сделано у нас» (<https://sdelanounas.ru/blogs/>), сайтов газет «Коммерсантъ» (<https://www.kommersant.ru/>), «Областная газета» (<https://oblgazeta.ru/>), «Российская газета» (<https://www.rg.ru/gazeta/rg/>), сайта MASHNEWS (<https://www.mashnews.ru/>), сайтов Главы Республики Башкортостан (https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/), губернаторов и правительств Пермского края (<https://www.permkrai.ru/news/>) и Оренбургской области (<https://orenburg-gov.ru/news/>), агентства «Башинформ» (<https://bashinform.ru/news/economy/>), «Новости Кургана и Курганской области – Без Формата» (<https://kurgan.bezformata.com/listnews/>), Инвестиционного портала Свердловской области (<https://invest-in-ural.ru/news/>), новостного портала Челябинской области (<https://74.ru/text/business/>), сайта «Известия Удмуртской Республики» (<https://izvestiaur.ru/rubrics/ekonomika/>) за 2021–2025 гг.

реализованных с госучастием, Свердловская область – 16 (22,2%) и Пермский край – 15 (28,8%). Еще одна структурная трансформация связана с усилением государственного внимания к сельскому хозяйству. Так, за 2021–2023 гг. нам удалось зафиксировать пять инвестпро-

Таблица 7
Изменение инвестиционной активности на Урале в регионально-отраслевом разрезе в 2021–2023 гг.
(количество инвестиционных проектов, ед.)

Отрасль*	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика	Пермский край	Курганская область	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область	Всего
Горнодобывающая	-	-	-	-	-	- ^А /4 ^В /2 ^Б	-	6 (-/4/2) *
Деревообрабатывающая	-	-	-	-	-	2/-/-	-	2 (2/-/-)
Легкая промышленность	3/-/-	-	-	-	-	1/-/-	1/-/-	5 (5/-/-)
Машиностроение	5/3/-	6/1/-	5/2/-	2/-/-	4/1/-	9/2/-	5/4/-	49 (36/13/-)
Мебельная	1/-/-	1/-/-	-	-	-	-	-	2 (2/-/-)
Медицинская	-1/-/-	-	1/-/-	-	-	1/-/-	-	3 (2/1/-)
Промышленность металлоконструкций	-	-	-	1/-/-	-	1/-/-	-	2 (2/-/-)
Пищевая	2/2/-	-	-	1/2/-	-1/-	1/1/-	-2/-	12 (4/8/-)
Промышленность строительных материалов	3/2/-	-	-	-	1/1/-	2/3/-	2/2/-	16 (8/8/-)
Стекольная и фарфоро-фаянсовая	-1/-	1/-/-	-	-	-	-	-1/-	3 (1/2/-)
Химическая и нефтехимическая	-1/1	-	5/3/3	2/1/-	4/-/-	1/1/-	1/-/-	23 (13/6/4)
Целлюлозно-бумажная промышленность	-	-	1/-/2	-	-	-1/-	1/-/-	5 (2/1/2)
Цветная металлургия	-	-	-	-	-1/-	1/5/-	-2/1	10 (1/8/1)
Черная металлургия	-1/-	-	-	-	2/2/-	4/2/1	1/4/2	19 (7/9/3)
Сельское хозяйство	3/2/-	1/-/-	-1/-	4/-/-	-	1/2/-	4/2/-	20 (13/7/-)
Всего	31	10	23	13	17	48	35	177 (98/67/12)

* В ячейках таблицы косой чертой разделены инвестиционные проекты, относящиеся по объему капитальных вложений к операционно-тактическим – А, стратегическим – Б, мегаинвестпроектам – В.

Источник: см. источник табл. 6

ектов в аграрном секторе Урала, реализованных при поддержке государства. На 1 сентября 2024 г. их число возросло до 17, при этом мегаинвестпроектов – с 4 до 7.

Во-вторых, оформились три главных особенности восстановления инвестиционной активности: стало постепенно расти число greenfield-проектов, ускорилось возрождение и модернизация ранее обанкроченных и простаивавших предприятий, все активнее накопленный торговый капитал стал встраиваться в реальную экономику, открывая собственное производство.

В-третьих, большинство объектов инвестирования, вошедших в нашу выборку, объединяла состыковка в своих программах нацеленности на экологизацию и автоматизацию производства, то есть работу на перспективу, горизонт которой сдвигается за границы окупаемости проектов. Это подтверждают примеры предприятий фактически всех отраслей – от тяжелой промышленности (черной, цветной металлургии, машиностроения и др.) до сельского хозяйства.

По состоянию на середину 2024 г. удалось зафиксировать 256 реализуемых на Урале инвестиционных проектов. Их систематизация (табл. 6 и 8) позволила выявить несколько новых моментов в инвестиционной политике государства и бизнеса, появление которых вызвано новыми экономическими реалиями развития страны, и показала назревавшую потребность как корректировки отдельных инструментов федеральной инвестиционной политики, так и перенацеливания инвестиционных потоков.

Из главных количественных изменений отметим, во-первых, разворот в сторону «утяжеления» инвестиционных проектов. Число оперативно-тактических осталось фактически без изменений – 109 против 98, стратегических – увеличилось с 67 до 110, мегапроектов – с 12 до 37. Во-вторых, greenfield-проекты появились (или заявлены) во всех регионах Урала и охватывают все три различающиеся по объему инвестиций группы проектов. В-третьих, активное инвестиционное строительство затронуло ряд новых отраслей и подотраслей экономики, включая выпуск продукции малотоннажной химии и производство СПГ. Эти обстоятельства подтверждают точку зрения экспертов о зарождении в стране «типичного, сильного цикла роста, основанного на классике – накоплении нового, прежде всего индустриального капитала»¹⁹.

Из главных качественных изменений выделим, во-первых, то, что при сохранении доминанты базовых отраслей специализации промышленности региона – машиностроения, металлургии и химии – стала заметна ориентация на удлинение производственных цепочек

¹⁹ Гурова Т. Как вести мировую экономическую войну / Монокль. 2024. № 17–18. С. 11–17. С. 17. <https://monocle.ru/monocle/2024/18/> (дата обращения: 03.01.2025).

Крупнейшие инвестиционные проекты Урала в регионально-отраслевом разрезе, исполненные в 2024 г., и реализация которых продолжалась по состоянию на 1 сентября 2024 г., сгруппированные по объему выделенных на их реализацию средств (ед.)

Отрасль	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика	Пермский край	Курганская область	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область	Всего
Горнодобывающая	-	-	-	-	-	-2/1	-	3 (- ^A /2 ^B /1 ^B)
Газоперерабатывающая	-1/-	-	-	-	-	1/-/-	-	2 (1/1/-)
Деревообрабатывающая	1/-/-	-1/-	1/-/-	-	-	-/-1	1/-/-	5 (3/1/1)
Комбикормовая	1/2/-	-	1/-/-	-	-	-	-0,5 ^Г /-	4,5 (2/2,5/-)
Легкая промышленность	1/-/-	-	-	-	-	2/-/-	-	3 (3/-/-)
Машиностроение	11/9/-	4/2/-	6/2/1	-3/-	3/-/-	3/7/1	7/6/3	68 (34/29/5)
Мебельная	3/-/-	-	-	-	-	-	-	3 (3/-/-)
Медицинская	1/-/1	-	-	-1/-	-	1/-/-	-	4 (2/1/1)
Нефтедобывающая	-1/-	-	-	-	-	-	-	1 (-1/-)
Нефтеперерабатывающая	-	-	-1/-	-	-1/-	-	-	2 (-1/-2)
Промышленность металлоконструкций	1/-/-	-	-	-1/-	1/-/-	3/-/-	-	6 (5/1/-)
Пищевая	1/3/-	-	-	1/-/-	1/2/-	1/1/-	1/-/-	11 (5/6/-)
Промышленность строительных материалов	5/5/-	-	3/1/-	-	1/2/-	1/3/-	2/-/-	23 (12/11/-)
Спиртоводочная промышленность	-	-	-	-	-	-	-1/-	1 (-1/-)
Стекольная и фарфоро-фаянсовая	1/-/-	-	-	-	-	-	-	1 (1/-/-)
Химическая и нефтехимическая	7/4/6	-	4/3/2	1/1/-	-	2/-2	1/1/-	34 (15/9/10)
Цветная металлургия	-1/-2	-1/-	-1/-	-	-	2/2/4	-2/1	15 (2/6/7)
Черная металлургия	1/-/-	-1/-	1/1/-	1/-/-	-1/-1	-6/3	4/5/4	28 (7/13/8)
Сельское хозяйство	9/9/1	-1/-	-2/-	-4/-	4/1/-	1/3/1	-5,5 ^Г /-	41,5 (14/25,5/2)

Примечания: ^Г Десятые доли в данном примере связаны с заявленным в 2024 г. проектом ГК «Таврос» по постройке в Челябинской области комбикормового завода и реконструкции Родниковского свиноводческого комплекса с общим объемом инвестирования 2,7 млрд руб. (Кузнецова Н. Миллиарды в поле: как регионы поддерживают АПК / Эксперт-Урал. 2024. № 4. С. 44–45. С. 44. <https://expert-ural.com/archive/nomer-4-888/> (дата обращения: 03.01.2025)) Условно мы разделили этот проект поровну между сельским хозяйством и комбикормовой промышленностью.

Источник: см. источник табл. 6.

за счет донастройки звеньев, где может быть создана большая добавленная стоимость (производство пластмасс, промышленных газов, труб, оборудования и комплектующих к нему). Эти же отрасли остаются объектом повышенного внимания государства. Так, при увеличении доли реализуемых при содействии государства инвестиционных проектов с 40,7 до 55,1% от их общего числа удельный вес поддержанных государством проектов в машиностроении вырос с 55,1% до 73,5%, в химической промышленности – с 47,8% до 70,6%. Во-вторых, и в промышленности, и в сельском хозяйстве обострившаяся необходимость активизации импортозамещения ускорила старт целого ряда крупных проектов. Так, Башкирская содовая компания расширяет производство эмульсионного поливинилхлорида (16,1 млрд руб. инвестиций), $\frac{2}{3}$ рынка которого в России в 2022 г. занимал импорт²⁰, а Магнитогорский завод прокатных валков реализует проект импортозамещающего производства стальных валков мощностью 33,6 тыс. т в год (14,4 млрд руб.)²¹. Аналогичные процессы активизировались в сельском хозяйстве. Например, для сокращения зависимости от импорта ранних овощей федеральный холдинг «Эко-Культура» в Республике Башкортостан вводит 20 га овощных теплиц (10 млрд руб. инвестиций)²². В-третьих, и в промышленности, и в сельском хозяйстве последовательно накапливается блок инвест-проектов, нацеленных не столько на расшивку узких мест, сколько на освоение перспективных прорывных технологий.

В повышении инвестиционной активности бизнеса немалую роль играют региональные власти, напрямую заинтересованные в появлении на своих территориях новых точек роста, – и в целях увеличения предложения рабочих мест, и наполнения доходной части бюджетов. Для оценки их работы можно обратиться к данным составляемых с 2014 г. Агентством стратегических инициатив ежегодных национальных рейтингов состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации. Эти данные показывают, что за период 2021–2024 гг. от Урала в десятку лидеров постоянно входила только Республика Башкортостан. Экономического лидера Урала – Свердловскую область – в этом плане отличает нестабильность. В публичную часть рейтинга, то есть в топовую десятку, область попала только однажды – в 2018 г. В рейтинге 2024 г. до попадания в число лидеров

²⁰ Башкирская содовая компания: курс на созидание / Эксперт-Урал. 2022. № 19–22. С. 18. <https://expert-ural.com/archive/nomer-19-22-864/> (дата обращения: 15.01.2025).

²¹ Кобер П. Парк в полной комплектации / Эксперт-Урал. 2023. № 46–49. С. 18–19. С. 18. <https://expert-ural.com/archive/nomer-46-49-884/> (дата обращения: 15.01.2025).

²² Кобер П. С визированием через Петербург // Эксперт-Урал. 2023. № 23–26. С. 16. <https://expert-ural.com/archive/nomer-23-26-877/> (дата обращения: 15.01.2025).

ей не хватило буквально одного шага (11-е «сводное» и 23-е «личное» место)²³. Отметим, между инвестиционной и промышленной политикой просматривается прямая взаимосвязь. Это подтверждают данные рейтингов эффективности промышленной политики в субъектах Российской Федерации, составляемых с 2021 г. Минпромторгом России. В 2024 г. по интегральному показателю (обобщенная результирующая 42 показателей, сведенных в пять блоков) рейтинг возглавила именно Республика Башкортостан. Из регионов Урала в десятку лидеров вошли Челябинская область, занявшая седьмое место, и Свердловская область, разделившая девятое место с Омской областью²⁴.

Заключение

Анализ инвестиционных процессов на Урале показал, что в первой половине 2020-х годов в макрорегионе начался новый инвестиционный цикл, перенацеливающий инвестпотоки на отрасли, обеспечивающие рост производительности труда и формирование нового качества экономики, устойчивой к внутренним изменениям и внешнему давлению. В отраслевом разрезе в промышленности Урала свои ведущие позиции по количеству реализуемых инвестпроектов сохранили базовые отрасли специализации – черная, цветная металлургия, химпром (около $\frac{2}{3}$ инвестпотока), а опережающий рост инвестиционной активности наблюдался в высокотехнологичных подотраслях (производство электроники, компьютеров, оптики, готовых металлических изделий). Выросла инвестиционная привлекательность сельского хозяйства Урала. Количество инвестпроектов в аграрном секторе за рассмотренный период удвоилось, а их удельный вес в общем массиве зафиксированных нашим исследованием проектов в промышленности и сельском хозяйстве возрос с 11,2% до 16,2%.

Результаты проведенного исследования позволяют подтвердить вывод отечественных ученых о том, что в России идет возврат «к инвестиционно ориентированной экономике, где бизнес при поддержке государства будет наращивать инвестиции в основной капитал и модернизацию производства – предполагаемую основу для запуска механизмов устойчивого роста» [3, с. 123]. По итогам 2020–2023 гг. годовые приросты промышленного производства и инвестиций в основной капитал во всех без исключения регионах Урала превосходили уровни

²³ Топ регионов. https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 15.01.2025).

²⁴ В рейтинге эффективности промышленной политики регионов России первое место заняла Башкирия / MASHNEWS. 2024. 9 июля. <https://mashnews.ru/v-rejtinge-effektivnosti-promyshlennoj-politiki-regionov-rossii-pervoe-mesto-zanyala-bashkiriya.html> (дата обращения: 19.08.2024); Два региона УрФО вошли в ТОП-10 рейтинга эффективности реализации промышленной политики. <http://uralfo.gov.ru/press/events/7141/> (дата обращения: 15.01.2025).

предшествующего года. Определенно проявила себя связь инвестиций и устойчивости хозяйственного развития.

Для закрепления наметившегося перелома и снятия сохраняющихся на инвестиционном поле барьеров необходима максимально плотная стыковка усилий на всех уровнях – федеральном, региональном, муниципальном – власти и бизнеса. От государства требуется «разумный» системный протекционизм в отношении инвестиций в реальный сектор экономики, и прежде всего в отрасли, обеспечивающие технологический суверенитет страны. Это, в частности, машиностроение, где инвестиции запускают долговременный процесс обновления и создания новых производств. Бизнесу же, как выясняется, важны не столько сами льготы, сколько комплексность, «пакетность» решения конкретных вопросов, стабильность регламентирующих хозяйственную деятельность норм и правил, возможность оперативного взаимодействия с институтами управления для максимально быстрого устранения имеющихся проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев М.С., Клепач А.Н., Широу А.А. Эволюция стратегического целеполагания в 2008–2023 гг. и требования к макроэкономической политике в текущих условиях функционирования российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2024. № 5. С. 20–33. DOI: 10.47711/0868-6351-206-20-33.
2. Николаев И.А. Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 58–74. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74.
3. Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 3. С. 108–135. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-6.
4. Широу А.А. Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2. С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17.

REFERENCES

1. Gusev M.S., Klepach A.N., Shirov A.A. Evolution of Strategic Goal Setting in 2008-2023 and Requirements for Macroeconomic Policy in the Current Operating Conditions of the Russian Economy // Studies on Russian Economic Development. 2024. No. 5. Pp. 20–33. DOI: 10.47711/0868-6351-206-20-33. (In Russ).
2. Nikolaev I.A. Drivers of Economic Growth: Opportunities and Prospects in the Sub-Sanctions Economy of Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 1. Pp. 58–74. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74. (In Russ).
3. Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. Moving Towards Technological Sovereignty: A New Global Trend and the Russian Specifics // Baltic Region. 2024. Vol. 16. No. 3. Pp. 108–135. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-6. (In Russ).

4. *Shirov A.A.* Development of the Russian Economy in the Medium Term: Risks and Opportunities // Studies on Russian Economic Development. 2023. No. 2. Pp. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17. (In Russ).

Дата поступления рукописи: 09.01.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Андрей Александрович – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-3774-6311

maltsevaa@list.ru

Чичилимов Сергей Валерьевич – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0003-3681-4279

sergey.chichilimov@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Andrey A. Maltsev – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0002-3774-6311

maltsevaa@list.ru

Sergey V. Chichilimov – Cand. Sci. (Econ.), Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0003-3681-4279

sergey.chichilimov@gmail.com

REGIONAL AND INDUSTRIAL RESTRUCTURING OF INVESTMENT FLOWS AS A FACTOR OF STRENGTHENING THE SUSTAINABILITY OF THE URAL'S ECONOMY

The article considers the state of the economy and investment complex of the Urals. It reveals the persistence of the underinvestment in the macroregion economy, which causes the level of depreciation of fixed assets exceeding the average Russian level. The author's methodology for analyzing the investment activity of the Ural business has been developed, based on a "field" study of changes in the dynamics of the implementation of investment projects in industry and agriculture. A comparative analysis of regional and sectoral restructuring of investment flows has made it possible to identify the main features of the restoration and increase of investment activity in the Urals. The hypothesis about the beginning of an investment cycle based on the accumulation of industrial capital has received well-grounded confirmation.

Keywords: *state support, investment project, investor, industry, agriculture, the economy of the Urals.*

JEL: E22, O13, O14.

О.И. ТИМОФЕЕВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра мониторинга открытости бюджетов НИФИ
Министерства финансов Российской Федерации,
доцент Кафедры общественных финансов Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

О ПОНЯТИИ БЮДЖЕТНОЙ ОТКРЫТОСТИ (ПРОЗРАЧНОСТИ)

Открытость (прозрачность) бюджета является новым явлением в экономической науке. В настоящее время разработаны стандарты бюджетной открытости (прозрачности), проводится ее измерение, определяется ее влияние на другие социально-экономические показатели или явления. Вместе с тем понятие «бюджетная открытость (прозрачность)» (budget openness (transparency)) теоретически проработано недостаточно хорошо. Целью статьи является развитие теоретической основы бюджетной открытости (прозрачности) на основе уточнения ее сущностных характеристик. Для этого рассмотрены термины, которые используются для обозначения бюджетной открытости (прозрачности), приведен обзор имеющихся в литературе определений этих терминов. Сформировано концептуальное представление понятия «бюджетная открытость (прозрачность)» и дано его определение. Оно конкретизировано и расширено. Также представлено авторское видение назначения открытых бюджетных данных.

Ключевые слова: *общественные финансы, управление общественными финансами, бюджет, открытость (прозрачность) бюджета, открытость (прозрачность) бюджетных данных.*

УДК: 336.011, 336.13, 336.146

EDN: LKRVT

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_71_92

Введение

Открытость (прозрачность) бюджета¹ является новым понятием в экономической науке. Вопросы бюджетной открытости стали предметом научных и прикладных исследований только в начале XXI в. Во многом этому способствовало развитие информационных технологий. Интернет делает информацию доступной для большого количества

¹ В статье термины «открытость бюджета» и «прозрачность бюджета» употребляются как синонимы. Вместе с тем в статье уделено внимание различиям в понимании этих терминов.

людей в короткие сроки и без существенных финансовых затрат. Для общественных финансов с колоссальными объемами информации это имеет большое значение. Широкое распространение смартфонов, социальных сетей, идентификация человека по отпечатку пальца и т. п. позволяют также оперативно и без существенных финансовых затрат организовывать взаимодействие политиков и граждан по бюджетным вопросам, в том числе путем голосования. То есть в настоящее время информация о бюджете может быть не просто раскрыта, но и использована в практических целях, для выработки или корректировки бюджетных решений. Для такой сферы, как общественные финансы, назначением которых является удовлетворение общественных потребностей, реализация этих возможностей поможет следовать принципу клиентоориентированности. Данный принцип предполагает, что в центре внимания находится клиент и его потребности. Для публично-правовых образований клиентами являются люди, проживающие на соответствующей территории. Именно их потребности как сообщества призваны удовлетворять органы власти. Для этого потребности людей им нужно как минимум знать.

Еще одним фактором, который оказал влияние на развитие бюджетной открытости, стала распространенная на современном этапе форма государственного управления – представительная демократия. Она предполагает опосредованное, через избранных представителей, участие граждан в государственном управлении и, соответственно, подотчетность органов публичной власти перед гражданами. Для этого нужна информация, в том числе о бюджете публично-правового образования.

Первыми, кто стал разрабатывать вопросы, связанные с открытостью бюджета, стали влиятельные международные организации, такие как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Благодаря их усилиям появились международные стандарты и руководства в сфере бюджетной открытости, среди которых Кодекс финансовой прозрачности² и Руководство по обеспечению прозрачности в налогово-бюджетной сфере (МВФ)³, Принципы управления бюджетом⁴ и Инструмента-

² IMF. The Fiscal Transparency Code. 2019. <https://www.imf.org/external/np/fad/trans/Code2019.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).

³ International Monetary Fund. Fiscal Transparency Handbook. 2018. <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781484331859/9781484331859.xml> (дата обращения: 16.02.2025).

⁴ OECD. OECD Principles of Budgetary Governance. OECD Senior Budget Officials. June 2014. https://www.pempal.org/sites/pempal/files/event/attachments/oecd_sbo_principles-of-budgetary-governance-post-sbo-clean_eng.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

рий по прозрачности бюджета (ОЭСР)⁵, Принципы высокого уровня фискальной прозрачности, участия и подотчетности (PEFA)⁶.

Следующим направлением исследований стали попытки измерить бюджетную открытость. Наиболее известными, осуществляемыми на постоянной основе, являются: оценка финансовой прозрачности МВФ (первоначально ROSC, с 2014 г. FTE), оценка бюджетной открытости, осуществляемая в рамках оценки государственных расходов и финансовой подотчетности (Public Expenditure and Financial Accountability, PEFA), составление Обзора открытости бюджета (Open Budget Survey) Международным бюджетным партнерством (МБП). Исследование МБП следует выделить особо, так как оно имеет ряд преимуществ перед исследованиями МВФ и PEFA. В частности, результатом оценки МБП является сводный количественный показатель, позволяющий сравнивать страны между собой; оценки МВФ и PEFA являются качественными, для их преобразования в количественные требуются дополнительные расчеты. МБП проводит оценку регулярно, один раз в два года, тогда как у МВФ и PEFA регулярность не установлена, их оценки по разным странам могут быть выполнены с интервалом в несколько лет. Оценки МБП выполнены для значительного большего количества стран в расчете на год⁷ и все они являются общедоступными.

Вышеприведенные исследования концентрируются на уровне центрального правительства. В мире также накоплен опыт измерения бюджетной открытости на субнациональном и муниципальном уровнях. Осознавая значимость и особенности такой оценки, соответствующую методологию разработало МБП, ее апробация была проведена в 2012–2013 гг. в публично-правовых образованиях Бразилии, Индонезии и Танзании [1]. Ежегодно осуществляется оценка бюджетной открытости субъектов Российской Федерации [2]. Имеются примеры оценки открытости субнациональных бюджетов в ряде других стран. Например, регулярно такая оценка проводится в Казахстане⁸, Хорватии [3], отдельные исследования сделаны в Китае [4] или в штате Вирджиния (США) [5].

⁵ OECD. OECD Budget Transparency Toolkit. 2017. Practical Steps for Supporting Openness, Integrity and Accountability in Public Financial Management. OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264282070-en> (дата обращения: 16.02.2025).

⁶ High-Level Principles on Fiscal Transparency, Participation and Accountability. GIFT. 2016. <https://fiscaltransparency.net/gift-principles/> (дата обращения: 16.02.2025).

⁷ Например, в последнем рейтинге за 2023 г. представлены результаты по 125 странам, в которых проживает 95% населения мира. <https://internationalbudget.org/open-budget-survey/open-budget-survey-2023> (дата обращения: 16.02.2025).

⁸ Национальная бюджетная сеть Казахстана. Индекс прозрачности местных бюджетов – 2019. (На казахском.). <https://www.soros.kz/kk/transparency-index-of-local-budgets-2019/>.

Результаты измерения открытости бюджетов ученые стали использовать для выявления ее влияния на другие социально-экономические показатели или общественные явления. Имеется целый ряд эмпирических исследований, которые демонстрируют положительное влияние бюджетной открытости на масштабы коррупции [6; 7], стоимость государственных заимствований [8], объем государственного долга и дефицита [9], подотчетность органов государственной власти [10] и др. С другой стороны, исследователи пытаются доказать, что на бюджетную открытость оказывают влияние политические факторы [11; 12], система государственного управления [13], зависимость страны от природных ресурсов [14] и др. Количество такого рода исследований в последние годы растет.

Вместе с тем само понятие бюджетной открытости на данном этапе сформулировано лишь концептуально, оно остается расплывчатым. Анализ опыта измерения открытости бюджетов публично-правовых образований показывает, что такое измерение основывается на одних и тех же международных стандартах и руководствах, однако существенно отличается по набору оцениваемых составляющих, методологическим подходам к оценке, а также организации процесса оценки. Это свидетельствует о сложности вопроса, связанного с измерением открытости бюджетов, а также о слабой теоретической проработанности понятия бюджетной открытости. Эта дефиниция требует большей концептуальной определенности. Можно согласиться с позицией Д. Хилда, который отмечает, что: «Концептуализация прозрачности должна быть более сложной, чем предполагает текущая риторика» [15].

Целью статьи является развитие теоретического содержания категории бюджетной открытости на основе уточнения ее существенных характеристик. Для этого рассмотрены термины, которые в настоящее время используются для обозначения бюджетной открытости (прозрачности), приведен обзор имеющихся в литературе определений этих терминов. Предложено концептуальное представление понятия «бюджетная открытость» и сформулировано его определение. В этом представлении открытость бюджета рассматривается не как самоцель, а как один из способов повышения эффективности управления общественными финансами.

Используемые термины

В отношении содержания термина «бюджетная открытость» прежде всего следует отметить, что в настоящее время используется несколько терминов, близких по смыслу, или их производных. В их числе: «бюджетная открытость» («budget openness»), «бюджетная прозрачность» или «бюджетная транспарентность» («budget

transparency»), а также «фискальная открытость» («fiscal openness»), «фискальная прозрачность» или «налогово-бюджетная прозрачность» («fiscal transparency»). В Бюджетном кодексе Российской Федерации в формулировке принципа бюджетной системы используются одновременно «прозрачность» и «открытость»: «принцип прозрачности (открытости)». Вопрос заключается в том, есть ли четкое различие между этими терминами.

В используемых словосочетаниях слова «бюджетная», «налогово-бюджетная», «фискальная» обычно используются как синонимы. Поясним, что этимологически слово «фискальный» происходит от латинского «fiscalis», что означает «казенный», это производное от слова «fiscus» – «государственная казна», «корзина». В русскоязычной литературе чаще всего используется слово «бюджетная». Больше вопросов в рассматриваемом сочетании вызывают существительные: «открытость», «прозрачность» и «транспарентность». Рассмотрим их толкование в русском языке. В словаре С.И. Ожегова слово «прозрачный» определено как «явный, легко понимаемый». Значение слова «открытый» определено как «доступный для желающих», «явный, не скрываемый», «обнаруживающийся явно». Термин «транспарентность» происходит от английского «transparent», что означает «явный», «очевидный». В свою очередь «transparent» произошло от латинских слов «trans» – прозрачный, насквозь, и «pareo» – быть очевидным. В переводе с английского оно означает «прозрачность». Исходя из этих смыслов можно сказать, что бюджетная «прозрачность» или «транспарентность» в большей степени имеет отношение к качественным характеристикам данных, а «открытость» – к их физической доступности.

В научной среде некоторые авторы проводят различия между терминами «бюджетной открытости» и «бюджетной прозрачности». Например, Т. Ларсон считает, что прозрачность выходит за рамки открытости, включая также простоту и понятность [16]. О.К. Ястребова отмечает, что: «Под открытостью бюджетного процесса понимают полноту размещаемых в открытом доступе документов, касающихся бюджетного процесса, а также вовлеченность граждан в бюджетный процесс. Прозрачность подразумевает изложение основных документов и данных в понятной для широкой общественности форме и компактном объеме» [17, с. 222]. Эти авторы отмечают, что «прозрачности» должна быть присуща понятность. При этом у Т. Ларсона «прозрачность» как будто поглощает «открытость», а О.К. Ястребова разделяет эти термины.

Смысл термина «прозрачность» пытаются определить Г. Миченер и К. Берш. Они вкладывают в него два условия – «видимости» и «выводимости» информации. Под «видимостью» они понимают полноту

информации и вероятность того, что она будет найдена, а под «выводимостью» – возможность сделать на основе информации верные выводы [18, с. 237]. Позиция этих авторов также предполагает поглощение термина «открытость» термином «прозрачность».

О.В. Афанасьева, рассуждая в более широком контексте об открытости правительства, отождествляет термины «прозрачность» и «открытость», выделяя при этом термин «транспарентность». Она отмечает: «На русский язык «транспарентность» обычно переводится как «прозрачность». В таком переводе указанное понятие становится синонимом информационной открытости, несколько метафорично определяя желаемое качество такой открытости. ... В то же время такое толкование транспарентности существенно сужает смысловое содержание этого понятия, которое пересекается, но совсем не совпадает с содержанием понятия «информационная открытость»». Далее она указывает, что «для адекватной передачи смыслового содержания концепта «транспарентность» требуется не одно, а сразу три русских слова: прозрачность, понятность, предсказуемость» [19, с. 182].

Д. Хилд, который целенаправленно анализирует вопрос различий в терминах «прозрачность» и «открытость», отмечает: «Прозрачность, судя по всему, стала современным термином, хотя во многих случаях встречаются термины «открытость и прозрачность» и «открытый и прозрачный», как будто эти два слова имеют разные значения. Возможное объяснение популярности двойного использования состоит в том, что эти слова, хотя и являются (почти) синонимами, адресованы разным аудиториям: слово «открытый» включено для неспециализированного читателя или слушателя. Другой причиной использования обоих терминов вместе часто является лингвистический прием, призванный подчеркнуть суть, а не обозначить какую-либо разницу между двумя терминами» [20, с. 25–26].

Проведенный анализ показывает, что существуют некоторые отличия в содержании терминов «открытость» и «прозрачность». Исследователи видят эту разницу в качественных характеристиках информации. При этом «прозрачность» предполагает лучшие характеристики с точки зрения понимания и использования информации. Следует отметить, что на практике оба термина часто используются как синонимы, без учета этой трудноуловимой разницы. В статье мы также будем использовать эти термины как синонимы.

Обратим внимание на трактовку термина «открытые данные». Существует два подхода к его определению. Один из них базируется на понимании, что «открытые данные» должны быть доступны в машиночитаемом виде. Например, этот подход разделяют Д.Ю. Двинских и Э.В. Талапина, разграничивая «раскрытые» и «открытые» данные. Под «раскрытыми» данными они понимают все опубликованные

данные, под «открытыми» – данные, доступные для обработки теми или иными средствами программного обеспечения [21, с. 11]. В данном случае упор делается на доступность данных для машиночитаемого использования. На практике это часто приводит к тому, что «открытые данные» являются доступными только для программистов. Другой подход содержится в «Хартии открытых данных», принятой G8 в 2013 г.⁹ В нем предполагается, что все государственные данные должны быть доступны для общества по умолчанию. В этом понимании «открытых данных» акцент делается на количество и качество данных, а не на формат их представления. В соответствии с «Хартией открытых данных» государственная информация должна быть доступна и понятна всем членам общества. Этот подход представляется предпочтительным. В этом случае формат публикуемых данных может рассматриваться как их качественная характеристика.

Определения термина «бюджетная открытость»

Несмотря на достаточно большое количество работ по теме бюджетной открытости, найти определение самого термина – нетривиальная задача. Например, оно отсутствует в Кодексе финансовой прозрачности МВФ, который продолжает оставаться центральным звеном в глобальной архитектуре стандартов бюджетной открытости. Вместе с тем документ включает в себя набор принципов, построенных вокруг четырех составляющих: четкость функций и обязанностей, открытость бюджетных процессов, доступность информации для общественности, гарантии достоверности [22].

Несколько формулировок рассматриваемых терминов представлено в документах Глобальной инициативы по обеспечению прозрачности в налогово-бюджетной сфере (GIFT). В «Руководстве по участию общественности в фискальной политике» фискальная прозрачность (*fiscal transparency*) определена как: «Публикация информации о том, как правительства собирают государственные ресурсы, тратят их и управляют ими. Она (фискальная прозрачность – прим. автора) олицетворяет собой распространение высококачественных сведений об использовании правительствами государственных активов и обязательств, повышении налогов, заимствованиях, расходовании и инвестировании средств. Бюджетная прозрачность является важнейшим компонентом эффективной разработки налогово-бюджетной политики и управления фискальными рисками» [23]. Одновременно в этом

⁹ Хартия открытых данных «Группы Восьми» (неофициальный перевод). Минфин России. https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=64592-khartiya_otkrytykh_dannykh_gruppy_vosmi.

документе дано определение фискальной открытости (*fiscal openness*), это – «альтернативное название фискальной прозрачности. Она включает нормы, принципы и инструменты, связанные с публикацией легкодоступной ценной информации о бюджетной политике правительства. Участие общественности на всех этапах формирования фискальной политики имеет решающее значение для фискальной открытости. Она связана с качеством бюджета с точки зрения макрофискальных результатов, распределения ресурсов и предоставления услуг, а также более широких результатов управления и развития [23]. В «Расширенной версии принципов высокого уровня бюджетной прозрачности» бюджетная прозрачность (*budget transparency*) определена как: «Публикация полной информации по всему бюджетному циклу, от предварительного бюджетного заявления до предлагаемых и утвержденных бюджетов, годовых отчетов об исполнении бюджета и аудиторских отчетов», а фискальная открытость (*fiscal openness*) как «фискальная прозрачность (раскрытие информации) в сочетании с прямым участием общественности в налогово-бюджетной политике» [24].

На примере документов ОЭСР можно проследить, как менялось понимание термина «бюджетная прозрачность». В 2002 г. ОЭСР определяет бюджетную прозрачность как «полное раскрытие всей соответствующей финансовой информации своевременным и систематическим образом» [25, с. 7]. При этом бюджетная прозрачность раскрывается организацией с трех сторон. Во-первых, выделены семь основных отчетов, связанных с бюджетом: собственно бюджет, бюджетное предложение, ежемесячные отчеты, полугодовой отчет, годовой отчет, предвыборный отчет и долгосрочный бюджетный прогноз. Во-вторых, выделены специфические виды информации, такие как экономические прогнозы, налоговые расходы, финансовые активы и обязательства, нефинансовые активы, пенсионные обязательства, условные обязательства, которые также должны быть открыты для общества. В-третьих, изложены вопросы добросовестности, контроля и подотчетности, включая учетную политику, процессы внутреннего контроля, отчеты органа внешнего финансового контроля, а также общественный и парламентский контроль. Согласно Инструментарии прозрачности бюджета, разработанному ОЭСР в 2017 г., «бюджетная прозрачность (*budget transparency*) означает полную открытость перед людьми в отношении того, как собираются и используются государственные ресурсы» [26, с. 9]. В этом же документе отмечено, что: «Со временем термины финансовая и бюджетная прозрачность (*fiscal and budget transparency*) становятся все более общими терминами, которые охватывают ряд измерений и тем. Они охватывают как сторону предложения – правительства и, все больше, иных государственных субъектов, публикующих информацию, так и сторону спроса – законода-

тельные органы, гражданское общество и другие заинтересованные стороны, стремящиеся использовать информацию для привлечения государственных субъектов к ответственности и для более непосредственного участия в общественных дебатах по распределению ресурсов. Финансовая прозрачность (*fiscal transparency*) включает в себя открытое бюджетирование, предоставление государственных услуг, финансируемых за счет налогов, государственные закупки, проекты государственной инфраструктуры, финансовую и нефинансовую отчетность, управление государственными активами и обязательствами, а также деятельность на границе государственного сектора, такую как государственные корпорации и государственно-частные партнерства» [26, с. 16]. Спустя два года ОЭСР определяет бюджетную прозрачность (*budget transparency*) как «многогранную концепцию, касающуюся ясности, полноты, надежности, своевременности, доступности и удобства использования публичной отчетности о государственных финансах, а также участия граждан в бюджетном процессе» [27, с. 112].

Наиболее часто в литературе цитируют Дж. Копитса и Дж. Крейга, которые определили фискальную прозрачность (*fiscal transparency*) как «открытость для широкой общественности информации о структуре и функциях правительства, намерениях налогово-бюджетной политики, счетах государственного сектора и прогнозах. Это предполагает свободный доступ к надежной, всеобъемлющей, своевременной, понятной и сопоставимой на международном уровне информации о деятельности правительства, чтобы электорат и финансовые рынки могли точно оценить финансовое положение правительства и истинные затраты и выгоды от деятельности правительства, включая их нынешние и будущие экономические и социальные последствия» [28].

По мнению П. де Ренцио и Й. Венера «фискальная открытость включает в себя нормы, принципы и инструменты, связанные с публикацией легкодоступной ценной информации о бюджетной политике правительства. Участие общественности на всех этапах формирования фискальной политики имеет решающее значение для фискальной открытости. Это связано с качеством бюджета с точки зрения макрофискальных результатов, распределения ресурсов и предоставления услуг, а также с более широкими результатами управления и развития» [29].

М. Баур и М. Граймс отмечают, что: «Фискальная открытость определяется как информация, которую правительство публикует в электронной форме или в других формах, которая необходима для отслеживания потока доходов и расходов. Она охватывает как то, в какой степени граждане могут требовать и получать информацию, которая не публикуется инициативно, так и то, что регулярно публикуется правительством» [30, с. 440].

В. А. Бескровная, Т. И. Виноградова и А. И. Орлов определяют прозрачность бюджета как «ситуацию, при которой деятельность участников бюджетного процесса открыта, то есть осуществляется таким образом, что все действующие правила, процедуры и критерии принятия решений, а также соответствующая информация, предоставляются любой из заинтересованных сторон по ее просьбе, а позиция этой стороны учитывается в принятии решения». Они уточняют, что «прозрачность в интерпретации требований к бюджету и бюджетному процессу заключается в открытости, гласности, доступности информации, ответственности участников, вовлечении общественности и др.» [31, с. 34].

Ряд ученых определяет бюджетную прозрачность более узко. По мнению Дж. Альта «прозрачность – это своевременная публикация ясно представленного бюджетного документа». Вместе с тем он обращает внимание, что «в последнее время прозрачность стала включать права на участие общественности в принятии решений» [32]. Для Х. Юнга прозрачность бюджета означает «публичную доступность информации о процедурах составления бюджета правительством» [33].

В вышеприведенных определениях наблюдается существенная разница между составляющими, на которых акцентируется внимание. Можно назвать две причины такого положения дел. Во-первых, это многогранность самого вопроса бюджетной открытости. Во-вторых, понимание бюджетной открытости трансформируется со временем. ОЭСР отмечает, что «со временем термины «фискальная» и «бюджетная прозрачность» становятся все более широкими зонтичными терминами, которые охватывают ряд аспектов и тем» [26, с. 16]. Можно также констатировать, что четкой формулировки понятия «бюджетная открытость» на данном этапе нет.

Анализ международных стандартов и руководств в сфере бюджетной открытости показывает, что в настоящее время достаточно единообразно описаны документы, связанные с представлением информации непосредственно о бюджете публично-правового образования на всех этапах бюджетного цикла. К этим документам предъявляются примерно одинаковые требования: качество, достоверность, регулярность, своевременность, доступность и т. п. С 2014 г. стало стандартной практикой учитывать в составе бюджетной открытости участие общественности в принятии бюджетных решений, однако понимание целей и механизмов такого участия у разных авторов различается. В отношении иных составляющих можно констатировать, что на данном этапе у ученых и практиков нет единого мнения о том, что следует относить к бюджетной открытости. Тот или иной документ по вопросу бюджетной открытости может акцентировать внимание на отдельных

аспектах, например, на организациях государственного сектора, деятельность которых не отражается непосредственно в бюджете, или на оценке и управлении фискальными рисками, или на доходах от природных ресурсов и ряде других вопросов. В итоге такие специфические составляющие не получили широкого распространения, например, далеко не все они учитываются при исследовании бюджетной открытости, проводимой Международным бюджетным партнерством.

Бюджетная открытость как многогранная концепция

Для того, чтобы сформулировать понятие «бюджетная открытость», конкретизируем все его элементы (см. табл. 1). Во-первых, выделим два блока информации: состояние объекта управления, в качестве которого выступают общественные финансы, и деятельность органов государственной власти в отношении этого объекта управления. Во-вторых, определим для каждого из этих блоков требования к открытым бюджетным данным, их составляющие, а также способы использования этих данных заинтересованными сторонами – специалистами в сфере общественных финансов, гражданами и организациями.

Как отмечалось выше, требования к информации о состоянии общественных финансов достаточно хорошо определены в международных стандартах и руководствах. В их числе: доступность, своевременность, регулярность, достоверность, сопоставимость, полнота, машиночитаемый формат. Для формирования составляющих об объекте управления целесообразно воспользоваться методом обобщения. Точкой отчета в этом блоке являются документы о бюджете публично-правового образования на разных этапах бюджетного цикла. Далее, характеризуя объект управления, можно охватить полностью сектор государственного управления и рассматривать отдельные специализированные направления, такие как государственные услуги, закупки, инвестиции или межбюджетные отношения. Следует отметить, что при проведении прикладных исследований этот набор составляющих может меняться в зависимости от конкретного объекта и цели исследования.

Способам использования открытых бюджетных данных в настоящее время уделяется недостаточное внимание. Принято считать, что бюджетная открытость оказывает положительное влияние на многие социально-экономические процессы и явления. Международные организации активно продвигают этот тезис, подчеркивая обеспечение подотчетности органов государственной власти перед обществом. Однако их активность ограничена продуцированием информации органами государственной власти, но не ее использованием. Вместе

Таблица 1

Бюджетная открытость как многогранная концепция

Блоки информации	Требования к открытым бюджетным данным	Составляющие открытых бюджетных данных	Использование открытых бюджетных данных заинтересованными сторонами
Информация о состоянии объекта управления	Своевременность. Достоверность. Качество. Доступность. Регулярность. Сопоставимость. Полнота	<p>Бюджет публично-правового образования на разных этапах бюджетного цикла (в том числе изменения в бюджет).</p> <p>Бюджеты государственных внебюджетных фондов</p> <p>Активы и обязательства публично-правового образования.</p> <p>Налоговые расходы.</p> <p>Государственные учреждения (формирование и использование финансовых ресурсов, активы и обязательства).</p> <p>Государственные предприятия: унитарные или казенные предприятия, акционерные общества, государственные корпорации (формирование и использование финансовых ресурсов, активы и обязательства).</p> <p>Государственно-частное партнерство (доходы, расходы, обязательства).</p> <p>Природные ресурсы (запасы и доходы)</p> <p>Государственные услуги.</p> <p>Государственные закупки.</p> <p>Государственные инвестиции.</p> <p>Межбюджетные отношения</p>	<p>Участие в обсуждении.</p> <p>Участие в планировании.</p> <p>Участие в принятии решений.</p> <p>Осуществление общественного контроля.</p> <p>Генерирование новой информации</p>

Окончание табл. 1

Блоки информации	Требования к открытым бюджетным данным	Составляющие открытых бюджетных данных	Использование открытых бюджетных данных заинтересованными сторонами
Информация о деятельности органов государственной власти в отношении объекта управления	Установление правил и процедур. Соблюдение установленных правил и процедур	Проекты правил и процедур. Установленные правила и процедуры (правовые акты)	Участие в обсуждении планов (проектов). Участие в принятии решений
	Контроль за государственными финансовыми ресурсами со стороны законодательного (представительного) органа	Реализация полномочий законодательным (представительным) органом по рассмотрению и утверждению бюджета, внесению изменений в бюджет, рассмотрению и утверждению отчета об исполнении бюджета	Участие в обсуждении
	Контроль за государственными финансовыми ресурсами со стороны органа внешнего государственного финансового контроля	Деятельность органа внешнего государственного финансового контроля (затраты, результаты)	Участие в планировании. Участие в осуществлении контроля

Источник: разработано автором.

с тем в XXI в. с учетом развития цифровых технологий открытые бюджетные данные могут широко использоваться для повышения эффективности управления общественными финансами. Они являются основой для обсуждения, планирования, принятия решений, осуществления общественного контроля, а также генерирования новой информации. Примеры решения конкретных прикладных задач с использованием открытых бюджетных данных приведены в статье [34]. Здесь можно дополнительно обратить внимание на возможность генерирования новой информации. Кажется, что в век развития цифровизации информации очень много. Но, как бы не парадоксально это звучало, для оценки эффективности управления общественными финансами ее катастрофически не хватает. Например, сегодня нет или крайне недостаточно достоверных данных о потребности в государственных (муниципальных) услугах и степени удовлетворенности граждан оказываемыми за счет средств бюджетов государственными (муниципальными) услугами. Это происходит во многом от того, что открытость бюджета понимается ограничено. В основе открытости лежат два встречных потока информации. Первый – от общества к органам власти, второй – от органов власти к гражданам. В настоящее время научно обоснован и организован на практике только второй поток. Во многих публично-правовых образованиях органы власти своевременно размещают основные бюджетные документы, но для получения эффекта от открытости этого недостаточно. Необходим другой поток информации – от граждан к органам власти. Это обусловлено самой сутью бюджетов публично-правовых образований, которые предназначены для удовлетворения коллективных потребностей общества. Эти потребности постоянно меняются под воздействием различных факторов и узнать о таких изменениях можно только от граждан. Цифровые технологии позволяют это делать.

Обратим внимание еще на один важный момент. В настоящее время поток информации от граждан к органам власти часто называют «обратной связью». Представляется, что этот поток информации – вход в систему, прямая связь. Эта информация нужна для бюджетного планирования, только она может обеспечить соответствие расходов бюджета публично-правового образования потребностям общества. Именно с уточнения потребностей общества в государственных услугах должен начинаться каждый цикл бюджетного планирования.

Следующий блок открытых бюджетных данных – это информация о деятельности органов государственной власти в части управления общественными финансами. Требования к ней подразделяются на составляющие в зависимости от полномочий соответствующих органов. Таких составляющих три. Первая касается деятельности, связанной непосредственно с управлением общественными финансами.

С точки зрения открытости для такой деятельности важно, чтобы были установлены правила и процедуры и чтобы они соблюдались. Два этих условия обеспечивают упорядоченность действий органов государственной власти. Их несоблюдение приводит к хаосу и отсутствию понимания что, когда и каким образом будет сделано с общественными финансами. В качестве составляющих открытых бюджетных данных в этой части выступают проекты правил и процедур и установленные в виде правовых актов правила и процедуры. Использовать такие данные можно для обсуждения с заинтересованными сторонами и для принятия решений.

Две других составляющих в данном блоке касаются выполнения надзорных функций за общественными финансами со стороны законодательных (представительных) органов и со стороны органов государственного внешнего финансового контроля. На законодательные (представительные) органы возложены полномочия по рассмотрению и утверждению бюджета, внесению изменений в бюджет, рассмотрению и утверждению отчета об исполнении бюджета. Составляющими открытых бюджетных данных здесь являются сведения о реализации этих полномочий. До принятия решений законодательным (представительным) органом возможно обсуждение соответствующих вопросов с общественностью. Это достаточно логично, поскольку в представительной демократии депутаты выражают интересы своих избирателей.

На органы государственного внешнего финансового контроля возложены полномочия по осуществлению контроля за использованием общественных финансов. Данными для раскрытия здесь являются результаты контрольной деятельности, а также – для оценки эффективности, – затраты на нее. В этой части общественность может быть широко вовлечена в процессы планирования и собственно контроля. Представляется, что это направление может дать колоссальный эффект. Например, в Российской Федерации в системе государственных закупок ежегодно заключается около 30 млн контрактов на сумму почти 10 трлн рублей. Силами контрольных органов проверить обоснованность и эффективность каждого контракта невозможно. Во многих странах акцент делается на развитие общественного контроля, и это приносит результат. Особое внимание целесообразно обратить на опыт Республики Корея, которая по вопросам общественного контроля за коррупцией и неэффективным использованием бюджетных средств достигла высоких результатов.

Таким образом, мы полагаем, что бюджетная открытость – это наличие в открытом доступе информации о формировании и расходовании финансовых ресурсов публично-правового образования, его активах и обязательствах, установленных процедурах управления общественными финансами для обеспечения подотчетности органов государственной власти перед

гражданами, а также для использования этой информации заинтересованными сторонами в процессах бюджетного планирования, контроля и генерирования новой информации.

Предлагаемое определение позволяет расширить представление о бюджетной открытости и задать ориентиры для практического применения открытых бюджетных данных. Такое понимание важно как для специалистов в сфере государственного управления, так и для общественности. В XXI в., когда информация становится важнейшим экономическим ресурсом, в сфере государственного управления доступность бюджетных данных и вовлечение общественности (ученых, экспертов, специалистов в определенных сферах деятельности, потребителей государственных услуг и т. п.) в процессы бюджетного планирования и контроля могут существенно повысить эффективность управления государственными финансами.

Заключение

Такое понятие как бюджетная открытость или прозрачность появилось на рубеже XX и XXI вв. в связи с развитием информационных технологий. За три десятилетия его существования были разработаны стандарты и руководства, задающие ориентиры для достижения открытости бюджета, началось измерение бюджетной открытости публично-правовых образований, появились оценки влияния бюджетной открытости на другие социально-экономические явления и ее зависимости от ряда политических, экономических и других факторов. Вместе с тем используемые определения бюджетной открытости характеризуются неопределенностью. Следует также отметить, что прослеживается трансформация понимания бюджетной открытости. Изначально это понятие воспринималось значительно проще, а возможности его использования недооценивались. Однако бюджетная открытость уже продемонстрировала свою многогранность, а представления о применении открытых бюджетных данных существенно расширились. Это позволило уточнить существенные характеристики бюджетной открытости.

В статье конкретизировано и расширено понятие бюджетной открытости. Конкретизация заключается в том, что выделено два блока информации: о состоянии объекта управления и о деятельности органов государственной власти в отношении объекта управления. Также комплексно представлены составляющие государственного сектора и механизмы, с помощью которых осуществляется аккумулирование и использование государственных ресурсов. Расширено понимание назначения открытых бюджетных данных. Они нужны не только для обеспечения подотчетности органов государственной власти

перед обществом, но и для того, чтобы на их основе заинтересованные стороны могли участвовать в бюджетном планировании и контроле, а также генерировать новую информацию (например, характеризующую общественные потребности или оценивающие качество государственных услуг).

С практической точки зрения развитие теоретических основ бюджетной открытости может способствовать продолжению преобразований в сфере управления государственными финансами. Раскрытие бюджетных данных, вовлечение граждан в бюджетный процесс и использование современных информационных технологий в комплексе могут существенно повысить эффективность использования бюджетных средств. Однако для этого требуется создание специальных механизмов. Именно с их разработкой связаны дальнейшие исследования в рамках темы бюджетной открытости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lawson A., Alvarez G.* Synthesis Report on the piloting of the Subnational Open Budget Survey in Brazil, Indonesia and Tanzania. International Budget Partnership, 2013. https://internationalbudget.org/wp-content/uploads/IBP-Synthesis-Report-on-SN-OBS-Pilot-Surveys_final020714.pdf.
2. Тимофеева О.И. Методология и результаты измерения открытости бюджетов регионов России // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 6. С. 44–58. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-44-58. EDN KQERJM.
3. *Bronić M. et al.* Budget Transparency in Croatian Counties, Cities and Municipalities: November 2021– April 2022. IPF Notes. 2022. Vol. 126. Pp. 1–16. <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:242:700239>.
4. *Shulian D. et al.* Assessment of Chinese Fiscal Transparency at Provincial Level in 2017 // Journal of Shanghai University of Finance and Economics. 2018. Vol. 20 (3). Pp. 18–28. <https://qks.sufe.edu.cn/J/CDXB/Article/Details/A0shcjdx20-3-dengshulian>.
5. *Beales J., Thompson M. W.* Government Transparency in Virginia: How Localities Compare. The Thomas Jefferson Institute for Public Policy, 2010. https://www.thomasjeffersoninst.org/pdf/articles/Govt_Transparency_LocalGov.pdf.
6. *Olken B.* Monitoring Corruption: Evidence from a Field Experiment in Indonesia // Journal of Political Economy. 2007. Vol. 115. Iss. 2. Pp. 200–249. DOI: 10.1086/517935.
7. *Chen C., Neshkova M. I.* The effect of fiscal transparency on corruption: A panel cross-country analysis // Public Administration. 2020. Vol. 98. Iss. 1. Pp. 226–243. .
8. *Glennerster R., Shin Y.* Does Transparency Pay? // IMF Economic Review. 2008. Vol. 55. Pp. 183–209. DOI: 10.1057/palgrave.imfsp.9450028.
9. *Alt J., Lassen D.* Fiscal transparency, political parties, and debt in OECD countries // European Economic Review. 2006. Vol. 50. Iss. 6. Pp. 1403–1439. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2005.04.001.
10. *Ferraz C., Finan F.* Exposing Corrupt Politicians: The Effects of Brazil's Publicly Released Audits on Electoral Outcomes // The Quarterly Journal of Economics. 2008. Vol. 123. Iss. 2. Pp. 703–745. DOI: 10.1162/qjec.2008.123.2.703.

11. *Hollyer J. R., Rosendorff B. P., Vreeland J. R.* Democracy and transparency // *The Journal of Politics*. 2011. Vol. 73. Iss. 4. Pp. 1191–1205. DOI: 10.1017/S0022381611000880.
12. *Wehmer J., de Renzio P.* Citizens, Legislators, and Executive Disclosure: The Political Determinants of Fiscal Transparency // *World Development*. 2013. Vol. 41. Pp. 96–108. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.06.005.
13. *Belousov Yu. V.* Transparent Budget in the System of Public Administration // *Financial Journal*. 2022. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 79–91. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-4-79-91. EDN ОРҮКАК.
14. *De Renzio P., Gomes P., Sheppard J.* Budget transparency and development in resource-dependent countries // *International social science journal*. 2009. Vol. 57. Iss. s1. Pp. 57–69. DOI: 10.1111/j.1468-2451.2009.00706.x.
15. *Heald, D.* Why is transparency about public expenditure so elusive? // *International Review of Administrative Sciences*. 2012. Vol. 78. Iss. 1. Pp. 30–49. DOI: 10.1177/0020852311429931.
16. *Larsson T.* How Open Can a Government Be? The Swedish Experience / *Openness and Transparency in the European Union* // *Deckmyn V., Thomson I.* (eds). Maastricht: European Institute of Public Administration, 1998. Pp. 39–52.
17. Управление общественными финансами: международный опыт реализации принципов лучшей практики [сборник методических материалов]. М.: 2017. – 600 с. <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/04/main/Sbornik.pdf>.
18. *Michener G., Bersch K.* Identifying Transparency // *Information Polity*. 2013. Vol. 18. Pp. 233–242. https://www.researchgate.net/publication/262390668_Identifying_Transparency.
19. *Афанасьева О. В.* «Открытое государство» в понятийной системе общественнознания // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 1. С. 171–188. <https://vgmu.hse.ru/data/2014/10/08/1100895005/%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf>. EDN RZOKRV.
20. *Heald D.* Varieties of Transparency, in C. Hood, D. Heald (eds), *Transparency: The Key to Better Governance?* Proceedings of the British Academy (London, 2006; online edn, British Academy Scholarship Online, 31 Jan. 2012). Pp. 25–26. <https://www.davidheald.com/publications/Healdvarieties.pdf>. DOI: 10.5871/bacad/9780197263839.003.0002.
21. *Двинских Д.Ю., Таланина Э.В.* Риски развития оборота данных в государственном управлении // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 3. С. 7–30. <https://vgmu.hse.ru/data/2019/09/30/1543244225/%D0%94%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85,%20%D0%A2%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B0%203-2019.pdf>. EDN ZFOQKB.
22. IMF. The Fiscal Transparency Code. 2019. <https://www.imf.org/external/np/fad/trans/Code2019.pdf>.
23. GIFT. Glossary of terms: guide on public participation in fiscal policy, 2017. <https://fiscaltransparency.net/glossary-of-terms-guide-on-public-participation-in-fiscal-policy/>.
24. GIFT. Detailed explanation of the High-Level Principles. 2018. <https://fiscaltransparency.net/detailed-explanation-of-the-high-level-principles/>.
25. OECD. OECD Best Practices for Budget Transparency. *OECD Journal on Budgeting*. 2002. Vol. 1. No. 3. Pp. 7–14.

26. OECD. OECD Budget Transparency Toolkit: Practical Steps for Supporting Openness, Integrity and Accountability in Public Financial Management. OECD Publishing, Paris. 2017. P. 104. https://www.oecd.org/en/publications/oecd-budget-transparency-toolkit_9789264282070-en.html.
27. OECD. Government at a Glance 2019. OECD Publishing, Paris. 2019. DOI: 10.1787/8ccf5c38-en.
28. Kopits G., Craig J. Transparency in government operations. International Monetary Fund. Washington DC, 1998. www.imf.org/external/pubs/ft/op/158/op158.pdf.
29. De Renzio P., Wehner J. Fiscal Openness: A Review of the Evidence. GIFT, IBP. 2015. <https://internationalbudget.org/wp-content/uploads/impacts-of-fiscal-openness-gift-ibp-2015.pdf>.
30. Bauhr M., Grimes M. Transparency to curb corruption? Concepts, measures and empirical merit // *Crime Law Soc Change*. 2017. Vol. 68. Pp. 431–458. P. 440. DOI: 10.1007/s10611-017-9695-1.
31. Словарь по бюджетной работе. Бюджет и бюджетный процесс / Бескровная В.А., Виноградова Т.И., Орлов А.И. СПб.: Норма. 2003. 56 с.
32. Alt J. Twenty years of transparency research // *Public Sector Economics*. 2019. Vol. 43. Pp. 5–13. DOI: 10.3326/pse.43.1.2. <https://hrcak.srce.hr/file/317864>.
33. Jung, H. Online Open Budget: The Effects of Budget Transparency on Budget Efficiency // *Public Finance Review*. 2022. Vol. 50. No. 1. Pp. 91–119. DOI: 10.1177/10911421221093412.
34. Белоусов Ю.В., Тимофеева О.И. Прогноз влияния цифровизации на управление государственными финансами // *Мир новой экономики*. 2022. Т. 16. № 4. С. 113–123. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-113-123. EDN XSJJZY.

REFERENCES

1. Lawson A., Alvarez G. Synthesis Report on the piloting of the Subnational Open Budget Survey in Brazil, Indonesia and Tanzania. International Budget Partnership, 2013. https://internationalbudget.org/wp-content/uploads/IBP-Synthesis-Report-on-SN-OBS-Pilot-Surveys_final020714.pdf.
2. Тимофеева О.И. Methodology and Results of Measuring the Transparency of Russian Regional Budgets. // *Financial Journal*. 2022. Vol. 14. No. 6. Pp. 44–58. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-44-58. (In Russ.).
3. Bronić M. et al. Budget Transparency in Croatian Counties, Cities and Municipalities: November 2021 – April 2022. // *IPF Notes*. 2022. Vol. 126. Pp. 1–16. <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:242:700239>.
4. Shulian D. et al. Assessment of Chinese Fiscal Transparency at Provincial Level in 2017 // *Journal of Shanghai University of Finance and Economics*. 2018. Vol. 20 (3). Pp. 18–28. <https://qks.sufe.edu.cn/J/CDXB/Article/Details/A0shcjdxxb-20-3-dengshulian>.
5. Beales J., Thompson M. W. Government Transparency in Virginia: How Localities Compare. The Thomas Jefferson Institute for Public Policy. 2010. https://www.thomasjeffersoninst.org/pdf/articles/Govt_Transparency_LocalGov.pdf.
6. Olken B. Monitoring Corruption: Evidence from a Field Experiment in Indonesia // *Journal of Political Economy*. 2007. Vol. 115. Iss. 2. Pp. 200–249. DOI: 10.1086/517935.

7. *Chen C., Neshkova M. I.* The effect of fiscal transparency on corruption: A panel cross-country analysis // *Public Administration*. 2020. Vol. 98. Iss. 1. Pp. 226–243. DOI: 10.1111/padm.12620.
8. *Glennerster R., Shin Y.* Does Transparency Pay? // *IMF Economic Review*. 2008. Vol. 55. Pp. 183–209. <https://doi.org/10.1057/palgrave.imfsp.9450028>.
9. *Alt J., Lassen D.* Fiscal transparency, political parties, and debt in OECD countries // *European Economic Review*. 2006. Vol. 50. Iss. 6. Pp. 1403–1439. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2005.04.001.
10. *Ferraz C., Finan F.* Exposing Corrupt Politicians: The Effects of Brazil's Publicly Released Audits on Electoral Outcomes // *The Quarterly Journal of Economics*. 2008. Vol. 123. Iss. 2. Pp. 703–745. DOI: 10.1162/qjec.2008.123.2.703.
11. *Hollyer J. R., Rosendorff B. P., Vreeland J. R.* Democracy and transparency // *The Journal of Politics*. 2011. Vol. 73. Iss. 4. Pp. 1191–1205. DOI: 10.1017/S0022381611000880.
12. *Wehner J., de Renzio P.* Citizens, Legislators, and Executive Disclosure: The Political Determinants of Fiscal Transparency // *World Development*. 2013. Vol. 41. Pp. 96–108. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.06.005.
13. *Belousov Yu. V.* Transparent Budget in the System of Public Administration // *Financial Journal*. 2022. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 79–91. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-4-79-91. EDN OPYKAK.
14. *De Renzio P., Gomes P., Sheppard J.* Budget transparency and development in resource-dependent countries // *International social science journal*. 2009. Vol. 57. Iss. s1. Pp. 57–69. DOI: 10.1111/j.1468-2451.2009.00706.x.
15. *Heald, D.* Why is transparency about public expenditure so elusive? // *International Review of Administrative Sciences*. 2012. Vol. 78. Iss. 1. Pp. 30–49. DOI: 10.1177/0020852311429931.
16. *Larsson T.* How Open Can a Government Be? The Swedish Experience / *Openness and Transparency in the European Union*. Deckmyn V., Thomson I. (eds). Maastricht: European Institute of Public Administration. 1998. Pp. 39–52.
17. *Public Finance Management: International Best Practices [Toolkit] (2017)*. М. – 600 p. <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/04/main/Sbornik.pdf>. (In Russ.).
18. *Michener G., Bersch K.* Identifying Transparency // *Information Polity*. 2013. Vol. 18. Pp. 233–242. URL: https://www.researchgate.net/publication/262390668_Identifying_Transparency.
19. *Afanasieva O. V.* «Open government» in the conceptual system of social science. *Public Administration Issues*. 2014. No. 1. Pp. 171–188. <https://vgmu.hse.ru/data/2014/10/08/1100895005/%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf>. (In Russ.).
20. *Heald D.* Varieties of Transparency, in C. Hood, D. Heald (eds), *Transparency: The Key to Better Governance? Proceedings of the British Academy* (London, 2006; online edn, British Academy Scholarship Online, 31 Jan. 2012). Pp. 25–26. <https://www.davidheald.com/publications/Healdvarieties.pdf>. DOI: 10.5871/bacad/9780197263839.003.0002.
21. *Dvinskikh D. Yu., Talapina E.V.* (2019). Risks of data turnover development in public administration // *Public Administration Issues*. No. 3. Pp. 7–30. <https://vgmu.hse.ru/data/2019/09/30/1543244225/%D0%94%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85,%20%D0%A2%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B0%203-2019.pdf>.

22. IMF. The Fiscal Transparency Code. 2019. <https://www.imf.org/external/np/fad/trans/Code2019.pdf>. (In Russ.).
23. GIFT. Glossary of terms: guide on public participation in fiscal policy, 2017. <https://fiscaltransparency.net/glossary-of-terms-guide-on-public-participation-in-fiscal-policy/>.
24. GIFT. Detailed explanation of the High-Level Principles. 2018. URL: <https://fiscaltransparency.net/detailed-explanation-of-the-high-level-principles/>.
25. OECD. OECD Best Practices for Budget Transparency. OECD Journal on Budgeting. 2002. Vol. 1. No. 3. Pp. 7–14.
26. OECD. OECD Budget Transparency Toolkit: Practical Steps for Supporting Openness, Integrity and Accountability in Public Financial Management. OECD Publishing, Paris. 2017. P. 104. https://www.oecd.org/en/publications/oecd-budget-transparency-toolkit_9789264282070-en.html.
27. OECD. Government at a Glance 2019. OECD Publishing, Paris. 2019. DOI: 10.1787/8ccf5c38-en.
28. *Kopits G., Craig J.* Transparency in government operations. International Monetary Fund. Washington DC. 1998. www.imf.org/external/pubs/ft/op/158/op158.pdf.
29. *De Renzio P., Wehner J.* Fiscal Openness: A Review of the Evidence. GIFT, IBP. 2015. URL: <https://internationalbudget.org/wp-content/uploads/impacts-of-fiscal-openness-gift-ibp-2015.pdf>.
30. *Bauhr M., Grimes M.* Transparency to curb corruption? Concepts, measures and empirical merit // *Crime Law Soc Change*. 2017. Vol. 68. Pp. 431–458. P. 440. DOI: 10.1007/s10611-017-9695-1.
31. Dictionary on budget work. Budget and budget process / *Beskrovnaya V.A., Vinogradova T.I., Orlov A.I.* St. Petersburg: Norma. 2003. 56 p. (In Russ.).
32. *Alt J.* Twenty years of transparency research // *Public Sector Economics*. 2019. Vol. 43. Pp. 5–13. <https://hrcak.srce.hr/file/317864>. DOI: 10.3326/pse.43.1.2.
33. *Jung, H.* Online Open Budget: The Effects of Budget Transparency on Budget Efficiency // *Public Finance Review*. 2022. Vol. 50. No. 1. Pp. 91–119. DOI: 10.1177/10911421221093412.
34. *Belousov Yu.V., Timofeeva O.I.* Forecast of the digitalization impact on public financial management. *The World of the New Economy*. 2022. Vol. 16 (4). Pp. 113–123. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-113-123. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 21.02.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофеева Ольга Ивановна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра мониторинга открытости бюджетов НИФИ Министерства финансов Российской Федерации, доцент Кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9255-4753

timofeeva@nifi.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Timofeeva – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Center for Monitoring Budget Openness, Financial Research Institute of the Ministry Of Finance of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9255-4753

timofeeva@nifi.ru

ON THE CONCEPT OF BUDGET OPENNESS (TRANSPARENCY)

Budget openness (transparency) is a new phenomenon in economic science. Currently, standards of budget openness (transparency) have been developed, its measurement is carried out, its impact on other socio-economic indicators or phenomena is determined. At the same time, the concept of “budget openness (transparency)” has not been theoretically developed well enough. The purpose of the article is to develop the theoretical basis of budget openness (transparency) based on clarification of its essential characteristics. For this, the terms that are used to denote budget openness (transparency) are considered, an overview of the definitions of these terms available in the literature is given. A conceptual representation of the idea of “budget openness (transparency)” was formed, and its definition was given. It is concretized and expanded. The author’s vision of the purpose of open budget data is also presented.

Keywords: *public finances, management of public finances, budget, openness (transparency) of the budget, openness (transparency) of budget data.*

JEL: E62, H00, H30, H61.

ФИНАНСЫ

А.В. ПОЛБИН

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией
математического моделирования экономических процессов
Института Гайдара, ведущий научный сотрудник
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

М.А. КРОПОЧЕВА

научный сотрудник лаборатории математического моделирования
экономических процессов Института Гайдара

ВЛИЯНИЕ АСИММЕТРИЧНОЙ ЖЕСТКОСТИ НОМИНАЛЬНЫХ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ НА ФИСКАЛЬНУЮ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНУЮ ПОЛИТИКУ В РОССИИ¹

В работе оценивается влияние асимметричной жесткости номинальных заработных плат (DNWR) на результаты фискальной и денежно-кредитной политики для российской экономики. На основе DSGE-модели получено кусочно-линейное приближение решения, при котором возможен учет ограничения на динамику зарплат. Полученные результаты свидетельствуют в пользу большей эффективности фискальной политики во время рецессии по сравнению с экономическим подъемом. Кроме того, отмечается зависимость величины мультипликаторов от природы шока, воздействующего на экономику. Эффективность денежно-кредитной политики, напротив, оказывается ниже при наличии DNWR. Результаты исследования позволяют сделать вывод о значимой роли DNWR как одного из факторов ослабления влияния ДКП и асимметричности мультипликаторов госрасходов. Результаты исследования могут быть полезны при планировании фискальной и денежно-кредитной политики, а также при построении DSGE-моделей, учитывающих более сложную динамику экономических показателей.

Ключевые слова: динамические стохастические модели общего равновесия, DSGE, мультипликатор государственных расходов, асимметричная жесткость номинальных зарплат, DNWR.

УДК: 330.42

EDN: LTTGAI

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_93_119

¹ Исследование выполнено за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Введение

Как показывают кризисы последних лет, фискальная и денежно-кредитная политика (ДКП) остаются актуальными инструментами поддержки экономики. Планирование экономической политики сопряжено с необходимостью численной оценки влияния разрабатываемых мер регулирования. Для этой задачи часто применяются динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE, Dynamic Stochastic General Equilibrium). Активное использование этого класса моделей центральными банками и фискальными властями обусловлено, в числе прочего, возможностью тестировать влияние гипотетической политики на динамику макроэкономических показателей.

Высокая популярность DSGE-моделей в зарубежной научной литературе стала стимулом для их активного применения в исследованиях российской экономики. Публикации с DSGE-моделями для российской экономики регулярно встречаются как на страницах академических журналов, так и среди препринтов Банка России. Например, в работах [1; 2; 3] проводилась эконометрическая оценка параметров и анализировался вклад различных структурных шоков в динамику макроэкономических показателей. В работах [4; 5; 6; 7] изучались прогнозные свойства DSGE-моделей для российской экономики. Исследования [8; 9; 10] посвящены анализу фискальной политики, а работы [11; 12; 13] – денежно-кредитной политики в России. В работах [14; 15; 16] предлагаются региональные DSGE-модели для России.²

Оценка последствий экономической политики существенно зависит от точности описания экономики моделью, поэтому важной задачей при построении DSGE-моделей является включение реалистичных ограничений на динамику переменных. Одним из таких ограничений является асимметричная жесткость номинальных заработных плат (downward nominal wage rigidity, DNWR), которая подразумевает, что номинальные заработные платы демонстрируют большую гибкость при увеличении, чем при снижении. При построении макроэкономических моделей часто предполагается, что снижение номинальной заработной платы вообще невозможно. Предположение о том, что снижение номинальных зарплат затруднено по сравнению с их повышением, неоднократно подтверждалось ста-

² Следует отметить, что в литературе существует и определенная критика подхода DSGE-моделирования. Эта критика в основном касается описания поведения экономической системы через призму репрезентативных агентов, обладающих доступом к разнообразным финансовым инструментам, а также использования предпосылки рациональных ожиданий этих агентов. В настоящее время многие зарубежные исследования сосредоточены на смягчении этих предпосылок.

тистическими данными. Учет DNWR в моделях общего равновесия особенно актуален для стран с ограниченной гибкостью заработных плат, вызванной, например, существованием сильных профсоюзов или более сильным регулированием рынка труда. Другим источником асимметричной гибкости зарплат могут быть опасения фирм о негативной реакции сотрудников на снижение номинальных зарплат. Так, в исследовании [17], проведенном для Российской Федерации, получен вывод о том, что основным источником DNWR в России являются не профсоюзы, а добровольные решения компаний избегать сокращения зарплат. Это связано с тем, что такие меры могут негативно сказаться на мотивации сотрудников и привести к увольнению ценных работников.

Включение DNWR в DSGE-модели позволяет получить одно из подтверждений предпочтительности умеренной положительной инфляции [18], скорректировать выводы, полученные на основе модели с нулевой нижней границей процентных ставок [19]. Однако наибольший интерес, благодаря возникающей в модели асимметричности, вызывает исследование влияния DNWR на динамику макропоказателей и на мультипликаторы государственных расходов. В частности, DNWR позволяет получить одно из объяснений того, почему мультипликаторы госрасходов оказываются выше в периоды экономического спада по сравнению с экономическим подъемом.

Данная работа ставит целью оценку влияния асимметричной жесткости номинальных заработных плат на результаты фискальной и денежно-кредитной политики при экономическом спаде и подъеме в условиях шоков различного происхождения. В пользу актуальности работы дополнительно свидетельствует то, что для российской экономики исследование влияния DNWR на мультипликаторы госрасходов не проводилось, хотя отмечалась их несимметричность в кризисы и периоды экономического роста. В качестве модельного аппарата используется DSGE-модель из работы [20], дополненная ограничением DNWR. В данной модели используются вполне стандартные предпосылки, используемые в DSGE-моделировании российской экономики в цитируемой выше литературе. Параметры же модели оценивались новым для российских исследований способом на основе критерия минимизации расстояния между функциями импульсного отклика на шок условий торговли, полученными на основе DSGE-модели, и эконометрически оцененными функциями импульсного отклика на основе авторегрессионных моделей. В работе [20] показано, что откалиброванная таким способом модель способна описывать сильную зависимость отечественных макроэкономических показателей от динамики условий торговли (цен на нефть в качестве прокси-переменной).

Работа построена следующим образом. Во втором разделе представлен обзор литературы, третий раздел посвящен описанию DSGE-модели. В четвертом разделе приведены оценки и анализ мультипликаторов государственных расходов при экономических подъеме и спаде, вызванных введенными в модель шоками. Пятый раздел посвящен анализу эффективности денежно-кредитной политики в условиях DNWR.

Обзор литературы

Обоснованность учета DNWR в экономических моделях подтверждается статистическими данными. Так, для приростов номинальных заработных плат в США [21] и большинстве стран ЕС [21; 22] отмечаются распределения с выдающимся пиком в нуле или в положительной области: большая часть работников не сталкивается с понижением номинальной заработной платы в каждый год. Для распределений также характерна скошенность вправо: повышение номинальных заработных плат происходит значительно чаще их снижения. Показателен пример для европейских стран из [22]: за пятилетний период, предшествовавший опросу, менее 1% из более чем 47 миллионов опрошенных работников столкнулись с сокращением заработной платы. Сходное исследование проводилось и для России [17]. По данным RLMS HSE было показано, что российские номинальные заработные платы более жесткие по сравнению с заработными платами США или европейских стран, несмотря на слабую силу российских профсоюзов. Так, к примеру, доля неизменных номинальных заработных плат в России составила 65,5%, в то время как в [21] наибольшая доля заморозок заработной платы отмечалась для Португалии и составляла 58%.

В ряде работ по DSGE-моделированию учет асимметричной жесткости номинальных зарплат в моделях позволял описывать более сложную динамику макроэкономических показателей, зависящую от фазы экономического цикла. Так, Городниченко и соавторы [23], рассматривая рецессию 1991–1993 гг. в Финляндии, отмечают значимую роль асимметричной жесткости заработных плат в углублении экономического спада. Для Финляндии как страны с сильной ролью профсоюзов и с крайне высокой долей работников, сталкивающихся с ограничением на снижение заработных плат (около 75%), введение в DSGE-модель жесткости зарплат позволило лучше объяснить динамику занятости, выпуска, объема инвестиций и потребления. В случае абсолютно гибкой заработной платы смоделированная рецессия оказывалась короткой и неглубокой: в ответ на шоки внешних условий торговли (прекращение импортных поставок из СССР и увеличение цены импортной нефти) объем производства, занятость, инве-

стиции и потребление снижались всего на 2–5% за первый год и далее значительно не изменялись. На реальных данных наблюдалась более сильная реакция этих переменных на указанные шоки (до 20–30%), при этом фактические заработные платы снижались гораздо слабее, чем смоделированные абсолютно гибкие зарплаты.

В работе [24] оценивается степень влияния DNWR на асимметричность темпов роста ряда макроэкономических показателей, включающего заработные платы, уровень занятости, выпуск, инфляцию и объем инвестиций. Оценивая роль DNWR, авторы дополнительно проверяют силу влияния других источников асимметрии в наблюдаемых данных - асимметричных затрат на корректировку занятости и инвестиций. По результатам оценивания модели с затратами на корректировку способны воспроизводить асимметричную подстройку занятости, инвестиций и выпуска к долгосрочному уровню сопоставимо с моделями, включающими DNWR, но не могут объяснить асимметричность подстройки инфляции, а также номинальной и реальной заработной платы. Авторы приходят к выводу, что асимметричная жесткость заработных плат влияет на распределение более широкого набора макроэкономических переменных, чем асимметричность затрат на корректировку занятости или инвестиций.

Влияние DNWR на динамику переменных оценивалось при трех шоках: шоке совокупной факторной производительности (СФП), шоке монетарной политики и шоке премии за риск по облигациям. Показано, что в случае отрицательного шока СФП срабатывает ограничение на снижение номинальной заработной платы, в результате чего заработные платы понижаются медленнее симметричного случая. Снижение прибыли компаний приводит к более сильному спаду занятости – при шоке в два стандартных отклонения занятость снижается почти в два раза сильнее, чем возрастает при положительном шоке. В случае шоков премии за риск и денежно-кредитной политики асимметричная реакция переменных выражена сильнее, поскольку увеличение премии за риск и ставки процента приводит к значительно меньшему по модулю снижению номинальных зарплат в сравнении с их ростом при отрицательных шоках.

Различная эффективность государственных расходов при экономическом подъеме и спаде неоднократно подтверждалась эмпирически [25; 26], и ряд исследований, в частности работы [27; 28], отмечают вклад DNWR в асимметричность фискальных мультипликаторов. В работе [27] состояние экономики определяет величина переменного фактора дисконтирования в функции полезности домохозяйств. Снижение дисконт-фактора приводит к увеличению текущего потребления и выпуска, так как домохозяйства становятся менее терпеливыми; рецессия определяется симметрично. При отрицательном шоке

спроса фирмы не могут уменьшить издержки путем снижения номинальных заработных плат. В результате увеличивается безработица, снижение доходов населения еще больше уменьшает потребление. Кроме того, меньшее снижение реальной зарплаты означает, что цены на товары не могут понизиться так же сильно, как без DNWR, и негативное воздействие шока на частный спрос не может быть компенсировано снижением цен на товары. В результате потери производства в период рецессии с DNWR будут больше, чем в условиях абсолютной гибкости заработных плат.

При оценивании модели динамика дисконт-фактора и государственных расходов задается авторегрессионными процессами, а состояние рецессии достигается путем увеличения дисконт-фактора на 2% (с 0,99 до 1,01). При этом в предшествующие пять периодов шоки дисконт-фактора заданы отрицательными. Благодаря этому достигается достаточно высокое значение реальной заработной платы (на 6,07% выше равновесного уровня), в результате чего в момент наступления рецессии срабатывает ограничение DNWR. Описанные условия приводят к падению занятости на 5,14% и выпуска на 4,44% от равновесного уровня, что согласуется с данными, наблюдавшимися в кризис 2008 г.

Сравнивая увеличение государственных расходов на 1% в состояниях рецессии и экономического роста, авторы приходят к выводу, что влияние государственных расходов на выпуск и занятость гораздо сильнее в рецессию – относительно траекторий без увеличения государственных расходов показатели увеличиваются соответственно на 0,27% и 0,29% сильнее в рецессию по сравнению с 0,11% и 0,1% в период экономического роста. Мультипликатор государственных расходов для выпуска составил 1,37 в рецессию и 0,54 в период экономического роста.

В условиях усиления жесткости заработных плат увеличение государственных расходов более эффективно для закрытия разрыва в безработице. Так, при объеме госрасходов, соответствующему базовой спецификации, наблюдается более сильное снижение безработицы и, как следствие, более сильный рост потребления и выпуска. Мультипликатор государственных расходов по потреблению в рецессии оказывается равным 0,65, что почти в два раза больше значения 0,37 из базовой модели.

В работе [28] получен аналогичный вывод об асимметричности фискальных мультипликаторов при наличии DNWR. Результаты предыдущей работы здесь расширены за счет рассмотрения рецессий, вызванных не только шоком спроса, но и шоком предложения, заданным как шок СФП. Авторы приходят к выводу, что в случае шоков спроса и предложения эффективность фискальной политики будет различной. При отрицательном шоке спроса, в условиях снижения инфляции, рассуждения сходны с работой [27]. При отрицательном

же шоке предложения инфляция увеличивается; это не приводит к реальным последствиям для уровня занятости, так как ограничение на снижение заработной платы не срабатывает. Отсюда следует, что при положительном и отрицательном шоке предложения (в частности, СФП) фискальные мультипликаторы будут симметричными. Полученные оценки мультипликатора государственных расходов для США соответствуют описанной логике: мультипликатор выше при рецессии из-за шока спроса (значение мультипликатора 1,46) по сравнению с шоком предложения (0,54). В условиях экономического подъема как по причине шока спроса, так и шока предложения мультипликаторы государственных расходов одинаковы и равны 0,54.

Примечательно расхождение с результатами работы [24], в которой функции импульсных откликов переменных при положительном и отрицательном шоках СФП различаются. Основная причина расхождений между работами – особенности калибровки ограничения DNWR. В работе [28] минимальный темп роста номинальных зарплат принят на уровне 0,98, а отрицательный шок производительности в размере двух стандартных отклонений снижает номинальные зарплаты лишь на 1,5%. Таким образом, более сильный шок СФП или большая жесткость зарплат привели бы к срабатыванию ограничения и к асимметричным мультипликаторам государственных расходов.

Стоит отметить, что асимметричность фискальных мультипликаторов может возникать не только за счет существования ограничений на снижение зарплат. Другой канал, описанный в литературе, связывает асимметрию реакции макроэкономических переменных с контрциклической динамикой затрат на банковское посредничество [29]. Однако влияние этого канала недостаточно изучено для того, чтобы сравнить его силу влияния на макроэкономические переменные с каналом DNWR.

Краткое описание теоретической модели

В данном разделе используемая модель описана в контексте постановки оптимизационных задач экономических агентов. За более подробным описанием модели – в частности, за выводом условий оптимальности и обсуждением используемых предпосылок, – читатель может обратиться к оригинальной работе [20]. Модель представляет малую открытую экономику с двумя производственными секторами: внутренне-ориентированным и экспортно-ориентированным. Для моделирования неабсолютной гибкости зарплат предполагается существование континуума идентичных домохозяйств. Представленные ниже выражения определены для отдельного домохозяйства, индекс домохозяйства опущен. Каждое домохозяйство максимизирует благосостояние, заданное следующим выражением:

$$U_t = \mathbb{E}_t \sum_{s=0}^{\infty} \left(\left(\prod_{j=0}^s \beta_{t+j} \right) \left(\log(C_{t+s} - H_{t+s}) - \frac{\theta}{1 + \sigma_L} L_{t+s}^{1+\sigma_L} \right) \right),$$

где β_t – субъективный коэффициент дисконтирования, отражающий межвременные предпочтения домохозяйств, в период t ; C_t – потребление в период t ; $H_t = \overline{hC_{t-1}}$ – привычки в потреблении (C_{t-1} – агрегированное потребление за период $t - 1$, h – параметр привычек потребления); θ – нормировочная константа; σ_L – величина, обратная к эластичности предложения труда по заработной плате; L_t – труд (отработанные часы) в период t .

Бюджетное ограничение для отдельного домохозяйства записывается следующим образом:

$$\begin{aligned} & C_t + I_t^d + I_t^e + \frac{B_t}{P_t} + \frac{S_t B_t^*}{P_t} = \\ & = \frac{W_t}{P_t} L_t + \frac{R_t^d}{P_t} u_t^d K_t^d + \frac{R_t^e}{P_t} K_t^e - \frac{T_t}{P_t} + \frac{R_{t-1} B_{t-1}}{P_t} + \frac{S_t R_{t-1}^* B_{t-1}^*}{P_t} + \frac{Pr_t}{P_t} - \\ & - \frac{\phi_w}{2} \left(\frac{W_t}{W_{t-1}} - \pi_w \right)^2 \frac{\bar{W}_t \bar{L}_t}{P_t} - \frac{\chi}{\psi_u} \left(e^{\psi_u (u_t^d - 1)} - 1 \right) K_t^d, \end{aligned}$$

где I_t^d – инвестиции во внутренне-ориентированном секторе; I_t^e – инвестиции в экспортно-ориентированном секторе; B_t – номинальная стоимость облигаций, приобретенных на внутреннем финансовом рынке; P_t – индекс цен на товары конечного потребления; S_t – обменный курс; B_t^* – номинальная стоимость облигаций, приобретенных на иностранном финансовом рынке; W_t – номинальная заработная плата; R_t^d – арендная ставка капитала во внутренне-ориентированном секторе; u_t^d – интенсивность загрузки капитала во внутренне-ориентированном секторе; K_t^d – капитал во внутренне-ориентированном секторе; R_t^e – арендная ставка капитала в экспортно-ориентированном секторе; K_t^e – капитал в экспортно-ориентированном секторе; T_t – паушальные налоги; R_t – валовая процентная ставка по внутренним облигациям; R_t^* – валовая процентная ставка по иностранным сбережениям (заимствованиям); Pr_t – дивиденды (распределенная прибыль фирм, продающих товары на рынке монополистической конкуренции); ϕ_w – параметр жесткости заработных плат; χ – параметр нормировки в функции издержек загрузки капитала; ψ_u – параметр в функции издержек загрузки капитала; π_w – долгосрочный темп роста номинальных заработных плат.

Ограничения в задаче домохозяйств включают уравнения динамики капитала с квадратичными издержками изменения инвестиций для обоих производственных секторов:

$$K_{t+1}^s = (1 - \delta)K_t^s + I_t^s \left(1 - \frac{\phi}{2} \left(\frac{I_t^s}{I_{t-1}^s} - 1 \right)^2 \right),$$

где $s \in \{d, e\}$ – индекс производственного сектора (внутренне- или экспортно-ориентированный, соответственно); δ – норма амортизации капитала; ϕ – параметр в функции издержек изменения объема инвестиций.

Предполагается также, что функция спроса на труд отдельного домохозяйства задана следующим образом:

$$L_t = \left(\frac{W_t}{\bar{W}_t} \right)^{-\eta_w} \bar{L}_t,$$

где \bar{L}_t – агрегированный спрос на труд,

$$\bar{L}_t = \left[\int_0^1 (L_t(\tau))^{\eta_w - 1} / \eta_w d\tau \right]^{\eta_w / (\eta_w - 1)},$$

τ – индекс домохозяйства; η_w – эластичность спроса на труд по заработной плате; \bar{W}_t – агрегированный уровень зарплат,

$$\bar{W}_t = \left[\int_0^1 (W_t(\tau))^{1 - \eta_w} d\tau \right]^{1 / (1 - \eta_w)}.$$

Главным дополнением к модели из работы [20] является введение ограничения на снижение заработных плат. Следуя Шмит-Гроэ и Урибе [30], в данной работе DNWR моделируется как ограничение на темп роста номинальных зарплат:

$$\frac{W_t}{W_{t-1}} \geq \gamma,$$

где γ – нижняя граница темпов изменения номинальной заработной платы.

Таким образом, в текущей версии модели возникает одно дополнительное ограничение в виде неравенства, при котором домохозяйства максимизируют свое ожидаемое благосостояние. В отдельные периоды времени данное ограничение может быть связывающим, в другие – не связывающим.

Перейдем к оптимизационным задачам фирм. При описании внутренне-ориентированного и импортного секторов делается предположение о континууме фирм – это требуется для моделирования жесткости цен. Все рассматриваемые ниже выражения определены для отдельной фирмы, индекс фирмы опущен.

Во внутренне-ориентированном секторе выпуск описывается функцией Кобба-Дугласа:

$$Y_t^d = A_t (u_t^d K_t^d)^\alpha (L_t^d)^{1-\alpha},$$

где Y_t^d – выпуск внутренне-ориентированного сектора в период t ; A_t – совокупная факторная производительность в момент времени t ; α – доля капитала в выпуске; L_t^d – труд во внутренне-ориентированном секторе в период t .

Предполагается, что фирмы внутренне-ориентированного сектора действуют на рынке монополистической конкуренции. Функция спроса на товар отдельной фирмы выступает ограничением в оптимизационной задаче фирмы:

$$Y_t^d = \left(\frac{P_t^d}{\bar{P}_t^d} \right)^{-\eta_t} \bar{Y}_t^d,$$

где P_t^d – цена товаров внутреннего потребления; η_t – эластичность спроса на товары фирмы по цене (которая может меняться во времени); $\bar{P}_t^d = \left[\int_0^1 (P_t^d(i))^{1-\eta_t} di \right]^{1/(1-\eta_t)}$ – агрегированный уровень цен на товары для внутреннего потребления; $\bar{Y}_t^d = \left[\int_0^1 (Y_t^d(i))^{(\eta_t-1)/\eta_t} di \right]^{\eta_t/(\eta_t-1)}$ – агрегированный выпуск во внутренне-ориентированном секторе.

Выбор оптимальной цены следует из задачи максимизации дисконтированного потока прибыли фирмы. Помимо издержек производства продукции, в прибыль включаются также квадратичные издержки изменения цены, связанные с отклонением темпа роста цен от долгосрочного уровня:

$$\mathbb{E}_t \sum_{s=0}^{\infty} \left(\prod_{j=0}^s \beta_{t+j} \right) \frac{\Lambda_{t+s}}{\Lambda_t P_{t+s}} \left[(P_{t+s}^d - MC_{t+s}) Y_{t+s}^d - \frac{\Psi_d}{2} \left(\frac{P_{t+s}^d}{P_{t+s-1}^d} - \bar{\pi} \right)^2 \bar{P}_{t+s}^d \bar{Y}_{t+s}^d \right] \rightarrow \max_{P_t^d}$$

где Λ_t – множитель Лагранжа при бюджетном ограничении домохозяйств; $MC_t = A_t^{-1} (1-\alpha)^{\alpha-1} \alpha^{-\alpha} (W_t)^{1-\alpha} (R_t^d)^\alpha$ – предельные издержки производства единицы продукции (которые определяются на основе производственной функции из задачи минимизации издержек на единицу продукции); Ψ_d – параметр, характеризующий степень жесткости цен товаров внутренне-ориентированного сектора; $\bar{\pi}$ – долгосрочный темп роста цен.

Фирмы импортного сектора, также действующие на рынке монополистической конкуренции, решают сходную оптимизационную задачу и сталкиваются с аналогичной эластичностью спроса по цене. Различие состоит в том, что предельные издержки фирм-импортеров равны $SP_t^{M^*}$, где $P_t^{M^*}$ – импортные цены на мировом рынке.

Репрезентативная фирма экспортно-ориентированного сектора действует на рынке совершенной конкуренции. Ее выпуск также задается производственной функцией Кобба-Дугласа:

$$Y_t^e = A_t(K_t^e)^\alpha(L_t^e)^{1-\alpha},$$

где Y_t^e – выпуск в экспортно-ориентированном секторе; L_t^e – труд в экспортно-ориентированном секторе.

В экспортно-ориентированном секторе вводятся издержки изменения объема используемого труда с целью ограничения чувствительности экспорта к изменению условий торговли. С их учетом задача фирмы-экспортера записывается следующим образом:

$$E_t \sum_{s=0}^{\infty} \left(\prod_{j=0}^s \beta_{t+j} \right) \frac{\Lambda_{t+s}}{\Lambda_t P_{t+s}} [P_{t+s}^e A_{t+s} (K_{t+s}^e)^\alpha (L_{t+s}^e)^{1-\alpha} - W_{t+s} L_{t+s}^e - \frac{\psi_L}{2} \left(\frac{L_{t+s}^e}{L_{t+s-1}^e} - 1 \right)^2 W_{t+s} L_{t+s}^e - R_{t+s}^e K_{t+s}^e] \rightarrow \max_{K_t^e, L_t^e},$$

где P_t^e – цена экспортных товаров; ψ_L – параметр издержек изменения объема используемого труда в экспортно-ориентированном секторе.

Фирма-производитель конечного продукта агрегирует импортную продукцию и товары внутренне-ориентированного сектора, используя функцию Кобба-Дугласа:

$$J_t = \frac{(M_t)^w (D_t)^{1-w}}{(w)^w (1-w)^{1-w}},$$

где J_t – конечный продукт для внутреннего потребления; M_t – импорт; D_t – спрос частного сектора на отечественные товары, предназначенные для внутреннего потребления; w – доля расходов на покупку импортных товаров в совокупных расходах на потребление частного сектора.

Предполагается, что производитель конечного продукта приобретает импортные товары у фирм-импортеров по цене P_t^M и товары фирм внутренне-ориентированного сектора по цене P_t^d , а конечное потребительское благо продает по цене $P_t = (P_t^M)^w (P_t^d)^{1-w}$. Фирма решает задачу минимизации издержек:

$$P_t J_t - P_t^M M_t - P_t^d D_t \rightarrow \max_{M_t, D_t}.$$

Объем произведенных товаров для внутреннего потребления складывается из спроса со стороны государственного и частного секторов:

$$Y_t^d = G_t + D_t^p$$

где G_t – государственные расходы в период t .

В симметричном равновесии объем произведенного конечного блага покрывает потребительский и инвестиционный спрос на него, а также сопутствующие в экономике издержки:

$$\begin{aligned}
 J_t = & \frac{\chi}{\psi_u} \left(e^{\psi_u(u_t^d - 1)} - 1 \right) K_t^d + \frac{\psi_d}{2} \left(\frac{P_t^d}{P_{t-1}^d} - \bar{\pi} \right)^2 \frac{P_t^d Y_t^d}{P_t} + \\
 & + \frac{\psi_M}{2} \left(\frac{P_t^M}{P_{t-1}^M} - \bar{\pi} \right)^2 \frac{P_t^M M_t}{P_t} + \frac{\phi_W}{2} \left(\frac{W_t}{W_{t-1}} - \pi_W \right)^2 \frac{W_t L_t}{P_t} + \\
 & + \frac{\psi_L}{2} \left(\frac{L_t^e}{L_{t-1}^e} - 1 \right)^2 \frac{W_t L_t^e}{P_t} + C_t + I_t.
 \end{aligned}$$

Динамика активов определена следующим соотношением:

$$B_t^* = R_{t-1}^* B_{t-1}^* + (1 - v) P_t^{e*} Y_t^e - P_t^{M*} M_t,$$

где v – доля изъятий из экспортных доходов; P_t^{e*} – цены экспортных товаров в иностранной валюте.

В модели рассматривается четыре не связанных с мерами экономической политики структурных макроэкономических шока, описываемых стандартными авторегрессионными процессами первого порядка (AR(1)). Следуя работе [28], мы предполагаем, что шоку подвержен коэффициент дисконтирования β_t в функции полезности:

$$\log(\beta_t) = (1 - \rho_\beta) \log(\beta) + \rho_\beta \log(\beta_{t-1}) + \varepsilon_t^\beta,$$

где β – долгосрочный коэффициент дисконтирования; ρ_β – коэффициент автокорреляции; $\varepsilon_t^\beta \sim N(0, \sigma_\beta^2)$ – шок спроса (шок потребительских предпочтений).

С ростом β_t ценность будущего потребления для домохозяйств будет возрастать; при прочих равных это будет приводить к снижению текущего потребления и, соответственно, агрегированного спроса, что будет оказывать понижающее давление на цены и номинальные заработные платы, и при реализации шока достаточно большой величины может сработать ограничение DNWR. В случае же снижения β_t , наоборот, агрегированный спрос будет расти, что приведет к росту потребительских цен и номинальных заработных плат, и ограничение DNWR будет неактивно.

Вторым шоком выступает шок условий торговли, представляющих отношение цен экспортных товаров к ценам импортных товаров (в долгосрочном равновесии условия торговли нормируются к единице):

$$\log\left(\frac{P_t^{e*}}{P_t^{M*}}\right) = \rho_e \log\left(\frac{P_{t-1}^{e*}}{P_{t-1}^{M*}}\right) + \varepsilon_t^e,$$

где ρ_e – параметр зависимости условий торговли от их значения прошлого периода; $\varepsilon_t^e \sim N(0, \sigma_e^2)$ – шок условий торговли.

При ухудшении условий торговли, в частности при снижении реальных цен на нефть, реальный внутренний валовой доход в экономике будет снижаться: за выручку от продажи одного и того же объема экспортных товаров можно приобрести меньше импортных товаров.

Третий шок, шок премии за риск, вводится в уравнение процентных ставок по внешним сбережениям (заимствованиям). Предполагается, что валовая доходность по иностранным облигациям определяется безрисковой доходностью на мировом финансовом рынке \tilde{R}_t^* , величиной сбережений на внешнем рынке в долях выпуска (с технической точки зрения это необходимо для обеспечения стационарности модели) и зависит от некоторой премии за риск к безрисковой доходности на внешнем финансовом рынке:

$$R_t^* = \tilde{R}_t^* \exp\left(-\psi_B \left(\frac{S_t B_t^*}{P_t^d Y_t^d + P_t^e Y_t^e}\right)\right) \exp(\xi_t^{prem}),$$

$$\xi_t^{prem} = \rho_{prem} \xi_{t-1}^{prem} + \varepsilon_t^{prem},$$

где ψ_B – параметр чувствительности процентной ставки по внешним заимствованиям к сбережениям в долях выпуска; ξ_t^{prem} – экзогенная компонента премии за риск; ρ^{prem} – коэффициент автокорреляции; $\varepsilon_t^{prem} \sim N(0, \sigma_{prem}^2)$ – шок премии за риск.

Наконец, четвертый шок, шок инфляции, вводится как шок наценки, заданный AR(1)-процессом для эластичности спроса на товары фирм по цене:

$$\log(\eta_t) = (1 - \rho_\eta) \log(\eta) + \rho_\eta \log(\eta_{t-1}) + \varepsilon_t^\eta,$$

где ρ_η – коэффициент автокорреляции; η – долгосрочная эластичность спроса по цене; $\varepsilon_t^\eta \sim N(0, \sigma_\eta^2)$ – шок наценки.

Дополнительно рассматриваются два шока, связанных с проводимыми мерами экономической политики. Для описания фискальной политики динамика для государственных расходов на конечное потребление задается в виде:

$$G_t = G_{ss} + \sum_{k=1}^K \varepsilon_{t-k}^G,$$

где G_{ss} – уровень государственных расходов в стационарном равновесии, ε_t^G – шок государственных расходов.

Таким образом, решение об изменении объема государственных расходов в период t отражено в случайной компоненте ε_t^G , а продолжительность изменения государственных расходов в связи с данным шоком составляет K кварталов.

При проведении денежно-кредитной политики центральный банк таргетирует инфляцию, руководствуясь правилом Тейлора. Для формализации шока ДКП в монетарное правило для ключевой процентной ставки введен шок процентных ставок:

$$\log\left(\frac{R_t}{\bar{R}}\right) = \rho_R \log\left(\frac{R_{t-1}}{\bar{R}}\right) + (1 - \rho_R)\alpha_\pi \log\left(\frac{\mathbb{E}_t \pi_{t+1}}{\bar{\pi}}\right) + \varepsilon_t^R,$$

где \bar{R} – долгосрочный уровень процентной ставки; ρ_R – параметр зависимости ставки процента от ее значения прошлого периода; α_π – параметр реакции ставки процента на инфляцию; π_t – инфляция цен товаров конечного потребления; $\varepsilon_t^R \sim N(0, \sigma_R^2)$ – шок монетарной политики.

Все структурные параметры представленной модели калибруются в соответствии с эконометрическими оценками для российской экономики из работы [20]. Коэффициенты автокорреляции в авторегрессионных процессах для экспортных цен и премии за риск взяты на уровне 0,99. Несмотря на возможную несогласованность с наблюдаемой динамикой (например, нестационарностью временных рядов для цен), выбор стационарного процесса для описания динамики экспортных цен и других экзогенных переменных является стандартным подходом в литературе по DSGE-моделированию. В авторегрессионном процессе для β_t параметр зависимости коэффициента дисконтирования от его лагового значения взят на уровне 0,9, что соответствует диапазону калибровки этого параметра в существующих исследованиях [31; 32].

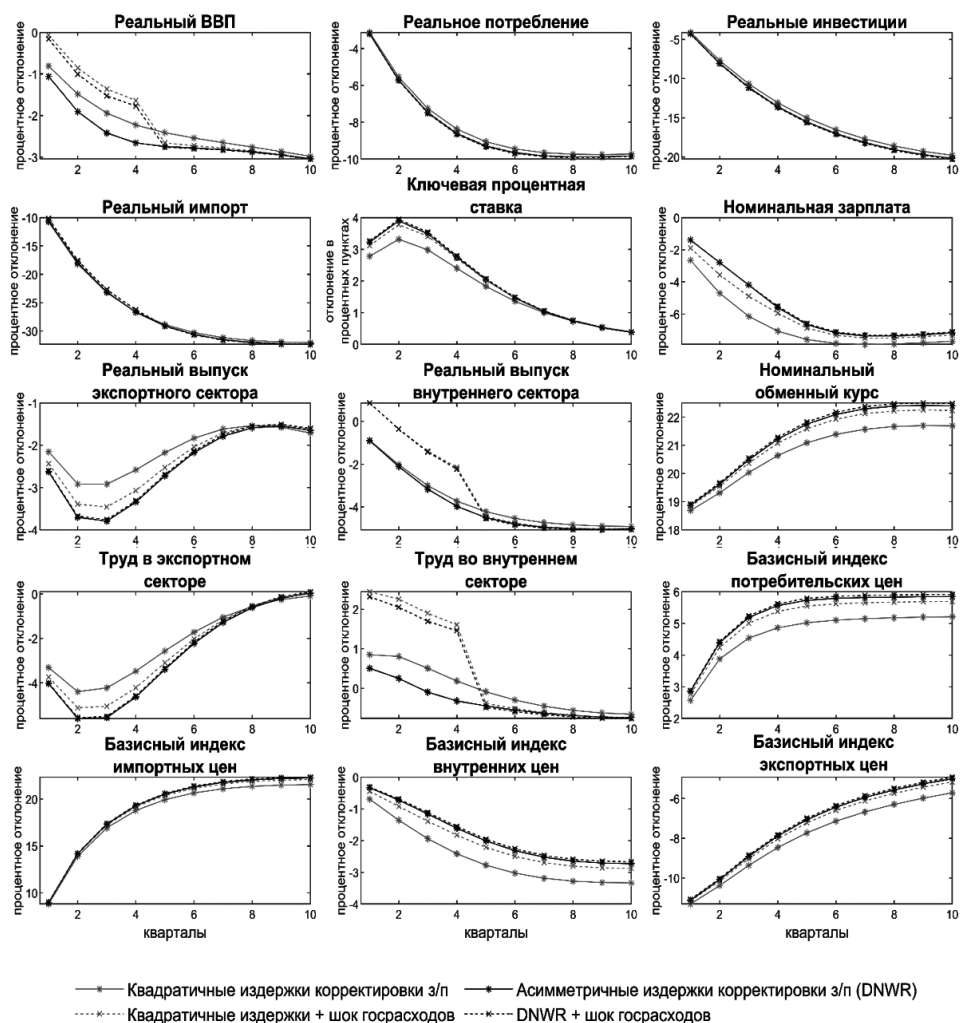
Предполагается, что долгосрочный темп прироста экономики составляет 1,5% в год, и центральный банк таргетирует инфляцию на уровне 4% в год, из чего следует, что долгосрочный темп прироста номинальных заработных плат равен 5,5% в год. Соответственно, π_W калибруется на уровне 1,014 для квартальных данных. Параметр γ калибруется на уровне 1. Следовательно, чтобы ограничение DNWR сработало, на экономику должен оказать воздействие шок достаточно большой величины, чтобы снизить номинальную заработную плату на 1,4% в отклонениях от траектории сбалансированного роста.

Влияние DNWR на результаты фискальной политики

В этом разделе вначале детально анализируется влияние шока снижения экспортных цен в условиях наличия DNWR, а также оценивается эффективность стимулирования производства посредством фискаль-

ных мер в ответ на этот шок. Затем кратко рассматриваются фискальные мультипликаторы для других макроэкономических шоков. Решение модели, включающей DNWR, было получено с использованием пакета OccBin в Dynare. Для случая симметричных издержек использовалась линеаризация первого порядка в Dynare.

На рис. 1 сплошными линиями показаны импульсные отклики основных макроэкономических переменных на 30% отрицательный шок экспортных цен как при симметричных квадратичных издержках изменения номинальных заработных плат, так и при наличии DNWR.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 1. Функции импульсного отклика на 30% отрицательный шок экспортных цен

По оси абсцисс на графиках функций импульсных откликов отмечены кварталы, по оси ординат для всех переменных кроме ключевой процентной ставки – процентное отклонение соответствующей переменной от ее уровня на траектории сбалансированного роста. Для ключевой процентной ставки выбрана размерность в процентах годовых, а отклонение от долгосрочного равновесия показано в процентных пунктах. Цены на графиках представлены в отечественной валюте. Отметим, что при экономическом подъеме, когда ограничение DNWR оказывается не связывающим, функции импульсного отклика при асимметричных и симметричных издержках изменения заработных плат совпадают и являются зеркальным отображением относительно оси абсцисс импульсных откликов для случая экономического спада с симметричными издержками.

Как показано на рис. 1, наличие DNWR приводит к гораздо более глубокому спаду экономики в ответ на снижение экспортных цен. В спецификации с DNWR ВВП снижается на 2,7%, тогда как при квадратичных издержках изменения заработных плат ВВП падает на 2,2% к четвертому кварталу после реализации шока. Снижение экспортных цен приводит к снижению реального валового дохода в экономике, экономические агенты могут позволить купить меньший объем импортных товаров при том же уровне производства, что в равновесии ведет к охлаждению экономической активности и снижению реальных заработных плат. Однако DNWR препятствует сильному снижению номинальных заработных плат, то есть канал снижения реальных заработных плат за счет снижения номинальных оказывается менее эффективным. Однако реальные заработные платы могут также снизиться за счет инфляции. Соответственно, на рис. 1 наблюдается более сильное ослабление номинального обменного курса рубля и более высокое увеличение индекса потребительских цен, которое в том числе обусловлено эффектом переноса в цены. В результате базисный ИПЦ за первые четыре квартала после реализации шока увеличивается на 5,6% при DNWR, тогда как при симметрично жестких зарплатах соответствующее увеличение составило бы 4,9%.

Интенсификация инфляционных процессов приводит к повышению номинальных и реальных процентных ставок в экономике, что негативно сказывается на потреблении домохозяйств и, соответственно, на агрегированном спросе в экономике. При наличии DNWR падение потребления оказывается более сильным и к четвертому кварталу составляет 8,6% от стационарного уровня по сравнению со снижением в 8,4% в отсутствие DNWR.

Также более мягкая просадка заработных плат негативно сказывается на конкурентоспособности российского экспорта, физические объемы которого падают сильнее в случае наличия DNWR. Экспор-

тноориентированные фирмы к третьему кварталу нанимают на 4,6% меньше работников относительно равновесного состояния при наличии DNWR, тогда как при симметричных издержках этот показатель составил бы 3,5%. В свою очередь, DNWR сдерживает расширение занятости во внутренне-ориентированном секторе.

Далее предполагается, что государство увеличивает расходы для смягчения рецессии, вызванной падением экспортных цен. На рис. 1 штриховыми линиями показаны импульсные отклики основных макроэкономических переменных, когда дополнительно к шоку снижения экспортных цен происходит увеличение государственных расходов на конечное потребление в течение четырех кварталов величиной 1% ВВП.

Для оценки эффективности фискальной политики с точки зрения стимулирования выпуска определим мультипликатор государственных расходов в период t по следующей формуле:

$$\frac{\sum_{i=1}^t GDP_i^g - \sum_{i=1}^t GDP_i^n}{\sum_{i=1}^t G_i^g - \sum_{i=1}^t G_i^n},$$

где GDP_i^g – реальный ВВП в период i при анализируемом макроэкономическом шоке, дополненном шоком государственных расходов; GDP_i^n – реальный ВВП в период i при анализируемом макроэкономическом шоке без шока государственных расходов; G_i^g – реальные государственные расходы в период i при анализируемом макроэкономическом шоке, дополненном шоком государственных расходов; G_i^n – реальные государственные расходы в период i при анализируемом макроэкономическом шоке без шока государственных расходов.

При экономическом подъеме, когда ограничение DNWR не срабатывает, мультипликаторы не зависят от природы шока, вызвавшего рост ВВП, и совпадают со случаем симметричных издержек изменения заработных плат. В первые четыре квартала действия шока фискальной политики мультипликаторы равны 0,742, 0,628, 0,578 и 0,591 соответственно. В сценарии же снижения экспортных цен на 30%, дополненном увеличением государственных расходов, мультипликаторы в первые четыре квартала составляют 0,901, 0,898, 0,894 и 0,887 соответственно. Таким образом, согласно проведенным расчетам, в период экономического спада, когда экспортные цены снижаются, мультипликатор государственных расходов возрастает минимум на 0,15. Это указывает на значительно большую эффективность фискальной политики в условиях рецессии.

Согласно рис. 1, основное объяснение большей величины фискальных мультипликаторов при DNWR кроется в динамике выпуска экспортного сектора. В случае симметричных издержек изменения зара-

ботных плат увеличение госрасходов приводит к увеличению номинальных заработных плат относительно сценария без шока государственных расходов, что оказывает негативное влияние на конкурентоспособность экспортного сектора и приводит к более серьезному снижению объема производства и использования труда в данном секторе. В спецификации же с DNWR из-за наличия соответствующего ограничения импульсный отклик номинальных зарплат на шок условий торговли без фискальной политики оказывается выше, чем импульсные отклики на шок условий торговли как без увеличения государственных расходов, так и с добавлением фискального шока. Следовательно, зарплаты находятся выше своего фундаментального равновесного уровня при наличии DNWR, и увеличение государственных расходов не создает на них дополнительного повышательного давления. Поэтому не наблюдается снижение экспорта из-за увеличения государственных расходов.

Вывод о большей эффективности фискальной политики во время спада сохраняется и при воздействии других макроэкономических шоков. Соответствующие мультипликаторы систематизированы в табл. 1. Например, при росте коэффициента дисконтирования мультипликатор в первом квартале равен 0,854, а при снижении дисконт-

Таблица 1

Мультипликаторы государственных расходов при DNWR

Квартал	1	2	3	4
Шок коэффициента дисконтирования +2,5% (рецессия)	0,854	0,798	0,732	0,714
Шок цен экспортных товаров -30% (рецессия)	0,901	0,898	0,894	0,887
Шок ставки процента +8 п.п. годовых (рецессия)	0,842	0,763	0,698	0,687
Шок премии за риск -8 п.п. годовых (рецессия)	0,906	0,908	0,909	0,909
Шок наценки, увеличивающий инфляцию на 4 п.п. годовых (рецессия)	0,905	0,906	0,906	0,906
Экономический подъем*	0,742	0,628	0,578	0,591

* Мультипликаторы при экономическом подъеме идентичны для всех представленных в таблице шоков. Каждый из шоков, вызывающих экономический подъем, равен по модулю соответствующему значению из первого столбца таблицы, взятому с противоположным знаком.

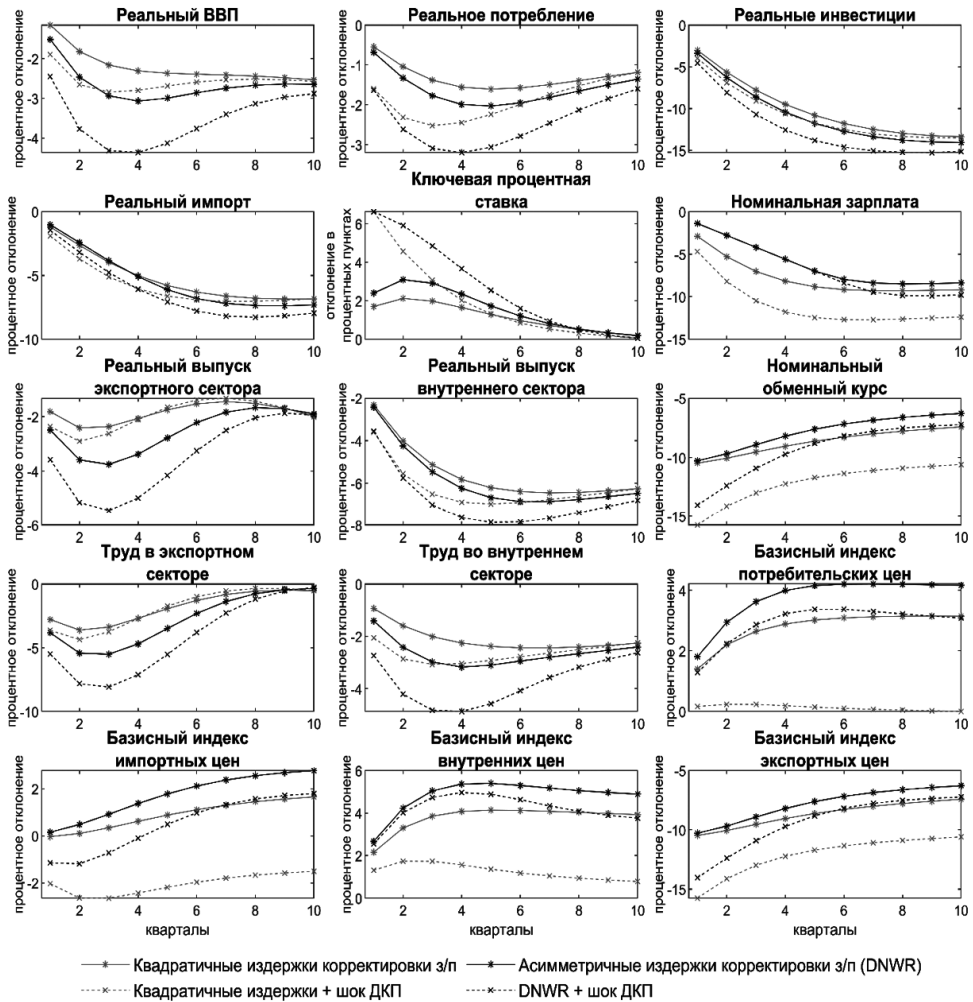
Источник: составлено авторами.

фактора соответствующее значение составило 0,742. Происхождение рецессии в данном случае оказывает влияние на величину мультипликатора: снижение номинальных зарплат (и, следовательно, степень влияния DWNR на результаты экономической политики) зависит от величины и природы шока. При асимметричной жесткости номинальных зарплат государственная поддержка в рецессию особенно действенна, так как сокращает потери выпуска, связанные с невозможностью понизить зарплаты. Вывод о большей эффективности государственных расходов при экономическом спаде согласуется с результатами других исследований. Кроме того, численные значения мультипликаторов попадают в диапазон 0,13–0,91, соответствующий разбросу оценок мультипликаторов в исследованиях для России [33].

Оценка эффективности денежно-кредитной политики в условиях DNWR

Перейдем к анализу денежно-кредитной политики при DNWR. В рассмотренном сценарии сдерживающая ДКП проводится для снижения инфляции, вызванной шоком наценки во внутренне-ориентированном и импортном секторах. В отличие от инфляционных шоков спроса, сопровождающихся ростом зарплат, шок наценки сдвигает влево кривую предложения и оказывает понижающее давление на заработные платы. Таким образом, наличие DNWR будет оказывать влияние на эффективность ДКП по снижению инфляции именно при шоке наценок. Величина шока выбрана таким образом, чтобы в модели с DNWR до проведения ДКП увеличение цен через год после реализации шока составляло 4%. Функции импульсного отклика представлены на рис. 2.

Увеличение монополистической наценки у фирм приводит к снижению потребительского и инвестиционного спроса на товары внутреннего производства и импортные товары как по причине непосредственного увеличения цен на товары, так и в связи с увеличением реальных процентных ставок, поскольку в ответ на увеличение инфляции центральный банк повышает ключевую процентную ставку. Также увеличение процентных ставок ведет к укреплению обменного курса, что негативно сказывается на конкурентоспособности производства экспортных товаров, и выпуск экспортно-ориентированного сектора снижается. Для производства меньшего объема товаров отечественным фирмам требуется меньше факторов производства, что ведет к сокращению спроса на труд и капитал и, соответственно, снижает заработные платы и рентные цены на капитал. Снижение факторных доходов оказывает дополнительное негативное влияние на спрос со стороны домохозяйств.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 2. Функции импульсного отклика на рост инфляции на 4 п.п. годовых

Однако в случае наличия DNWR возможности по снижению номинальных заработных плат ограничены, и импульсный отклик для них оказывается выше относительно отклика в спецификации с симметричными издержками изменения заработных плат. Это означает, что при наличии DNWR предельные издержки производства у фирм оказываются выше, что обуславливает более высокий рост цен при DNWR. Как показано на рис. 2, при отсутствии DNWR шок наценки приводит к увеличению цен через год после реализации шока на 3% против увеличения на 4% при наличии DNWR. Таким образом, DNWR способствует большей интенсификации инфляционных процессов при шоке монополистической наценки. Поскольку издержки

производства оказываются выше, наблюдается более сильное снижение выпуска, особенно выпуска экспортно-ориентированного сектора. Из-за более высокой инфляции процентные ставки повышаются сильнее, что приводит к более глубокому снижению потребления и инвестиций.

Предположим далее, что центральный банк намерен погасить инфляционные процессы в экономике, для чего повышает процентную ставку на 6,6 п.п. по отношению к стационарному равновесию (включая эндогенную реакцию на инфляцию в рамках правила Тейлора и шок ДКП). Данное гипотетическое значение подобрано так, чтобы в спецификации модели с симметричными издержками нивелировать эффект от шока наценки и вернуть инфляцию к околостационарным значениям. В этом случае сберегать в финансовых активах становится значительно выгоднее, отчего потребление и инвестиции сокращаются сильнее, чем без жесткой ДКП. Увеличение процентной ставки приводит к дополнительному сильному сокращению потребительского и инвестиционного спроса, укреплению обменного курса, что снижает выпуск внутренне- и экспортно-ориентированного секторов, сокращает спрос на факторы производства и приводит к снижению рентных цен на капитал и заработных плат. Это, в итоге, снижает предельные издержки фирм, тем самым обуславливая возвращение траектории цен к около-стационарным значениям.

Однако в случае наличия DNWR описанный трансмиссионный механизм не позволяет оказать какого-либо дополнительного влияния на номинальные заработные платы вплоть до пятого квартала после реализации шока, поскольку темпы роста номинальных заработных плат оказываются на связывающем ограничении. И повышение ставки процента на те же 6,6 п.п. годовых в первом периоде оказывает умеренное воздействие на инфляцию. В четвертом квартале в результате комбинации шоков монополистической наценки и шока ДКП потребительские цены увеличиваются на 3,2%, то есть шок ДКП позволяет снизить цены только на 0,8%.

Таким образом, асимметричная жесткость номинальных зарплат может заметно снизить эффективность денежно-кредитной политики по сравнению со случаем симметричной жесткости. При этом рецессия оказывается наиболее сильной в сценарии с одновременным наличием DNWR и сильным повышением ставки процента. Высокая ставка процента при ограничении на снижение зарплат приводит к сильным потерям в выпуске обоих производственных секторов. В результате ВВП к четвертому кварталу опускается на 4,4%, что на 2,1 п.п. больше, чем в модели без DNWR и без жесткой монетарной политики.

Выводы

В работе были получены оценки мультипликаторов государственных расходов для российской экономики с учетом асимметричной жесткости номинальных заработных плат. Также были проанализированы функции импульсных откликов основных макропоказателей при проведении фискальной и денежно-кредитной политики. Для денежно-кредитной политики получен вывод о меньшем влиянии роста ставки процента на инфляцию при асимметрично жестких зарплатах. Для фискальной политики показано, что в условиях DNWR эффективность государственных расходов возрастает, причем в рецессии значения мультипликаторов выше, чем при экономическом подъеме. Кроме того, в рецессию на величину и динамику мультипликаторов оказывает влияние природа шока, вызвавшего экономический спад. Полученные в данной работе значения мультипликаторов согласуются с существующими оценками из российских исследований. Таким образом, введение в модель негибкости номинальных зарплат при их снижении позволяет получить одно из объяснений асимметричности мультипликатора госрасходов, что является новым результатом для российской литературы по DSGE-моделированию.

Направлением для последующих исследований может быть детализация модели: раздельное рассмотрение производства нефти и торгуемых товаров, включение более сложных механизмов инвестирования, модификация бюджетно-налоговой политики за счет введения различных налогов. Также заслуживают внимания другие подходы к имитационному анализу DSGE-моделей. В данной работе получено кусочно-линейное приближение решения, являющееся локальной аппроксимацией решения в окрестности стационарного равновесия. Решение модели с использованием глобальных методов аппроксимации – как проекционных методов, использующих полиномы Чебышева в качестве базисных функций, так и алгоритмов, основанных на применении нейронных сетей – позволит получить более точное приближение решения модели, а это в свою очередь может выявить более сложную динамику макроэкономических показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иващенко С. М.* Источники долгосрочного роста секторов российской экономики // Журнал новой экономической ассоциации. 2020. Т. 48. №. 4. С. 86–112. EDN: SJEEYV.
2. *Ломоносов Д. А.* Шоки деловой активности и специфические шоки рынка нефти в DSGE модели экономики РФ. Их влияние при разных режимах ДКП // Деньги и кредит. 2023. Т. 82. №. 4. С. 44–79. EDN: SPAGIW.
3. *Шульгин А. Г.* Сколько правил монетарной политики необходимо при оценке DSGE модели для России? // Прикладная эконометрика. 2014. Т. 36. № 4. С. 3–31. EDN: ТЕОКMF.
4. *Andreyev M.* Adding a fiscal rule into a DSGE model: How much does it change the forecasts // Bank of Russia working paper series. 2020. No. 64.
5. *Елисеев А.* Краткосрочная оценка ВВП России с помощью DSGE-модели со смешанной частотой данных и панелью немоделируемых переменных. Серия докладов об экономических исследованиях Банка России. 2025. № 145.
6. *Иващенко С.* Модель динамического стохастического общего экономического равновесия с несколькими трендами и структурными разрывами // Деньги и кредит. 2022. Т. 81. №. 1. С. 46–72. EDN: UXTYTY.
7. *Крепцев Д., Селезнев С.* Прогнозирование российской экономики с использованием DSGE-моделей с малым количеством уравнений // Деньги и кредит. 2018. Т. 77. №. 2. С. 51–67. DOI: 10.31477/rjmf.201802.51
8. *Андреев М. Ю.* Эффективность бюджетного правила стран-экспортеров // Вопросы экономики. 2022. №. 12. С. 72–97. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-12-72-97.
9. *Андреев М. Ю.* Глубинные потребительские привычки и шоки фискальной политики // Проблемы прогнозирования. 2025. №. 1 (208). С. 91–108. DOI: 10.1134/S1075700724700527.
10. *Вотинов А. И., Елкина М. А.* Фискальное стимулирование российской экономики: оценка в рамках простой DSGE-модели с фискальным блоком // Финансовый журнал. 2018. №. 5 (45). С. 83–96. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-5-83-96.
11. *Ivashchenko S.* Do We Need Taylor-type Rules in DSGE? Bank of Russia working paper series. 2025. No. 144.
12. *Вихарев П., Новак А., Шульгин А.* Неравенство и ДКП в модели с тремя группами домохозяйств // Серия докладов об экономических исследованиях Банка России. 2023. №. 113.
13. *Шульгин А. Г.* Оптимизация простых правил монетарной политики на базе оцененной DSGE-модели // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. Т. 26. №. 2. С. 64–98. EDN: UBFBVV.
14. *Новак А., Шульгин А.* Денежно-кредитная политика в экономике с региональной неоднородностью: подходы на основе агрегированной и региональной информации // Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях Банка России, 2020.
15. *Серков Л. А.* Межрегиональный инфляционный дифференциал как следствие неоднородности российского экономического пространства // Экономика региона. 2020. Т. 16. №. 1. С. 325–339. DOI: 10.17059/2020-1-24.
16. *Dubrovskaya J., Shults D., Kozonogova E.* Constructing a region DSGE model with institutional features of territorial development // Computation. 2022. Vol. 10. No. 7. P. 105. DOI: 10.3390/computation10070105.

17. *Larin A.* Downward Nominal Wage Rigidity: Unions' Merit or Firms' Foresight? // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2014. Vol. 86. DOI: 10.2139/ssrn.2542516.
18. *Benigno P., Antonio Ricci L.* The inflation-output trade-off with downward wage rigidities // *American Economic Review*. 2011. Vol. 101. No. 4. Pp. 1436–1466. DOI: 10.1257/aer.101.4.1436.
19. *Atano R., Gnocchi S.* Downward nominal wage rigidity meets the zero lower bound // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2023. Vol. 55. No. 4. Pp. 859–887. DOI: 10.34989/swp-2017-16.
20. *Полбин А. В., Синельников-Мурылев С. Г.* Построение и калибровка DSGE-модели для российской экономики с использованием импульсных откликов векторной авторегрессии // *Прикладная эконометрика*. 2024. Т. 73. №. 1. С. 5–34. DOI: 10.22394/1993-7601-2024-73-5-34.
21. *Dickens W. T. et al.* How wages change: micro evidence from the International Wage Flexibility Project // *Journal of Economic Perspectives*. 2007. Vol. 21. No. 2. Pp. 195–214. DOI: 10.1257/jep.21.2.195.
22. *Babecký J. et al.* Downward nominal and real wage rigidity: Survey evidence from European firms // *Scandinavian Journal of Economics*. 2010. Vol. 112. No. 4. Pp. 884–910. DOI: 10.1111/j.1467-9442.2010.01624.x.
23. *Gorodnichenko Y., Mendoza E. G., Tesar L. L.* The Finnish great depression: From Russia with love // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102. No. 4. Pp. 1619–1643. DOI: 10.1257/aer.102.4.1619.
24. *Abbritti M., Fahr S.* Downward wage rigidity and business cycle asymmetries // *Journal of Monetary Economics*. 2013. Vol. 60. No. 7. Pp. 871–886. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2013.08.001.
25. *Auerbach A. J., Gorodnichenko Y.* Measuring the output responses to fiscal policy // *American Economic Journal: Economic Policy*. 2012. Vol. 4. No. 2. Pp. 1–27. DOI: 10.1257/pol.4.2.1.
26. *Fazzari S. M., Morley J., Panovska I.* State-dependent effects of fiscal policy // *Studies in Nonlinear Dynamics & Econometrics*. 2015. Vol. 19. No. 3. Pp. 285–315. DOI: 10.1515/snde-2014-0022.
27. *Shen W., Yang S. C. S.* Downward nominal wage rigidity and state-dependent government spending multipliers // *Journal of Monetary Economics*. 2018. Vol. 98. Pp. 11–26. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2018.04.006.
28. *Jo Y. J., Zubairy S.* State-Dependent Government Spending Multipliers: Downward Nominal Wage Rigidity and Sources of Business Cycle Fluctuations // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2025. Vol. 17. No. 1. Pp. 379–413. DOI: 10.1257/mac.20220156.
29. *Canzoneri M. et al.* Fiscal multipliers in recessions // *The Economic Journal*. 2016. Vol. 126. No. 590. Pp. 75–108. DOI: 10.1111/eoj.12304.
30. *Schmitt-Grohé S., Uribe M.* Downward nominal wage rigidity and the case for temporary inflation in the eurozone // *Journal of Economic Perspectives*. 2013. Vol. 27. No. 3. Pp. 193–212. DOI: 10.1257/jep.27.3.193.
31. *Fernández-Villaverde J. et al.* Nonlinear adventures at the zero lower bound // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2015. Vol. 57. Pp. 182–204. DOI: 10.1016/j.jedc.2015.05.014.
32. *Kekre R., Lenel M.* Exchange rates, natural rates, and the price of risk // *University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper*. 2024. No. 2024–114. DOI: 10.2139/ssrn.4957831.

33. Полякова О. В. Эффективность фискальной политики в разных условиях функционирования экономики // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 10. С. 45–52. EDN: BIRNWO.

REFERENCES

1. *Ivashchenko S.* Long-term growth sources for sectors of Russian economy // Journal of the New Economic Association. 2020. Vol. 48. No. 4. Pp. 86–112. EDN: SJEEYV. (In Russ.).
2. *Lomonosov D.* Shocks of Business Activity and Specific Shocks to Oil Market in DSGE Model of Russian Economy and Their Influence Under Different Monetary Policy Regimes // Russian Journal of Money and Finance. 2023. Vol. 82. No. 4. Pp. 44–79. EDN: SPAGIW.
3. *Shulgin A.G.* How much monetary policy rules do we need to estimate DSGE model for Russia? // Applied Econometrics. 2014. Vol. 36. No. 4. Pp. 3–31. EDN: TEOKMF. (In Russ.).
4. *Andreyev M.* Adding a fiscal rule into a DSGE model: How much does it change the forecasts // Bank of Russia working paper series. 2020. No. 64.
5. *Eliseev A.* Short-term estimation of Russia's GDP using a DSGE model with mixed data frequency and a panel of non-modeled variables. Bank of Russia Economic Research Report Series. 2025. No. 145. (In Russ.).
6. *Ivashchenko S.* Dynamic Stochastic General Equilibrium Model with Multiple Trends and Structural Breaks // Russian Journal of Money and Finance. 2022. Vol. 81. No. 1. Pp. 46–72. EDN: UXTYTY.
7. *Kreptsev D., Seleznev S.* Forecasting for the Russian Economy Using Small-Scale DSGE Models // Russian Journal of Money and Finance. 2018. Vol. 77. No. 2. Pp. 51–67. DOI: 10.31477/rjmf.201802.51
8. *Andreyev M.Y.* Effectiveness of the stabilization fiscal rule for resource-rich countries // Voprosy Ekonomiki. 2022. No. 12. Pp. 72–97. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2022-12-72-97.
9. *Andreev M. Yu.* Deep Consumer Habits and Fiscal Policy Shocks // Studies on Russian Economic Development. 2025. Vol. 36. No. 1. Pp. 53–65. DOI: 10.1134/S1075700724700527.
10. *Votinov A. I., Elkina M. A.* Estimation of fiscal stimulus efficiency in Russian economy: Simple DSGE model with government sector // Financial Journal. 2018. No. 5 (43). Pp. 83–96. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-5-83-96. (In Russ.).
11. *Ivashchenko S.* Do We Need Taylor-type Rules in DSGE? Bank of Russia working paper series. 2025. No. 144.
12. *Vikharev P., Novak A., Shulgin A.* Inequality and monetary policy in a model with three groups of households // Bank of Russia working paper series. 2023. No. 113. (In Russ.).
13. *Shulgin A.* Optimization of Simple Monetary Policy Rules on the Base of Estimated DSGE-model // Journal of the New Economic Association. 2015. Vol. 26. No. 2. Pp. 64–98. EDN: UBFBBV. (In Russ.).
14. *Novak A., Shulgin A.* Monetary policy in an economy with regional heterogeneity: approaches based on aggregated and regional information // Bank of Russia working paper series. 2020. (In Russ.).
15. *Serkov L. A.* Inter-Regional Inflation Differential as a Consequence of Heterogeneity of the Russian Economic Space // Economy of regions. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 325–339. DOI: 10.17059/2020-1-24. (In Russ.).
16. *Dubrovskaya J., Shults D., Kozonogova E.* Constructing a region DSGE model with institutional features of territorial development // Computation. 2022. Vol. 10. No. 7. P. 105. DOI: 10.3390/computation10070105.

17. *Larin A.* Downward Nominal Wage Rigidity: Unions' Merit or Firms' Foresight? // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2014. Vol. 86. DOI: 10.2139/ssrn.2542516.
18. *Benigno P., Antonio Ricci L.* The inflation-output trade-off with downward wage rigidities // *American Economic Review*. 2011. Vol. 101. No. 4. Pp. 1436–1466. DOI: 10.1257/aer.101.4.1436.
19. *Amano R., Gnocchi S.* Downward nominal wage rigidity meets the zero lower bound // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2023. Vol. 55. No. 4. Pp. 859–887. DOI: 10.34989/swp-2017-16.
20. *Polbin A., Sinehnikov-Murylev S.* Developing and impulse response matching estimation of the DSGE model for the Russian economy // *Applied Econometrics*. 2024. Vol. 73. No. 1. Pp. 5–34. (In Russ.). DOI: 10.22394/1993-7601-2024-73-5-34.
21. *Dickens W. T. et al.* How wages change: micro evidence from the International Wage Flexibility Project // *Journal of Economic Perspectives*. 2007. Vol. 21. No. 2. Pp. 195–214. DOI: 10.1257/jep.21.2.195.
22. *Babecký J. et al.* Downward nominal and real wage rigidity: Survey evidence from European firms // *Scandinavian Journal of Economics*. 2010. Vol. 112. No. 4. Pp. 884–910. DOI: 10.1111/j.1467-9442.2010.01624.x.
23. *Gorodnichenko Y., Mendoza E. G., Tesar L. L.* The Finnish great depression: From Russia with love // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102. No. 4. Pp. 1619–1643. DOI: 10.1257/aer.102.4.1619.
24. *Abbritti M., Fahr S.* Downward wage rigidity and business cycle asymmetries // *Journal of Monetary Economics*. 2013. Vol. 60. No. 7. Pp. 871–886. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2013.08.001.
25. *Auerbach A. J., Gorodnichenko Y.* Measuring the output responses to fiscal policy // *American Economic Journal: Economic Policy*. 2012. Vol. 4. No. 2. Pp. 1–27. DOI: 10.1257/pol.4.2.1.
26. *Fazzari S. M., Morley J., Panovska I.* State-dependent effects of fiscal policy // *Studies in Nonlinear Dynamics & Econometrics*. 2015. Vol. 19. No. 3. Pp. 285–315. DOI: 10.1515/snde-2014-0022.
27. *Shen W., Yang S. C. S.* Downward nominal wage rigidity and state-dependent government spending multipliers // *Journal of Monetary Economics*. 2018. Vol. 98. Pp. 11–26. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2018.04.006.
28. *Jo Y. J., Zubairy S.* State-Dependent Government Spending Multipliers: Downward Nominal Wage Rigidity and Sources of Business Cycle Fluctuations // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2025. Vol. 17. No. 1. Pp. 379–413. DOI: 10.1257/mac.20220156.
29. *Canzoneri M. et al.* Fiscal multipliers in recessions // *The Economic Journal*. 2016. Vol. 126. No. 590. Pp. 75–108. DOI: 10.1111/eoj.12304.
30. *Schmitt-Grohé S., Uribe M.* Downward nominal wage rigidity and the case for temporary inflation in the eurozone // *Journal of Economic Perspectives*. 2013. Vol. 27. No. 3. Pp. 193–212. DOI: 10.1257/jep.27.3.193.
31. *Fernández-Villaverde J. et al.* Nonlinear adventures at the zero lower bound // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2015. Vol. 57. Pp. 182–204. DOI: 10.1016/j.jedc.2015.05.014.
32. *Kekre R., Lenel M.* Exchange rates, natural rates, and the price of risk // *University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper*. 2024. No. 2024–114. DOI: 10.2139/ssrn.4957831.
33. *Polyakova O.V.* Effectiveness of Fiscal Policy in Different Economic Conditions // *Economic Development of Russia*. 2023. 30 (10). Pp. 45–52. EDN: BIRNWO. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 18.02.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Полбин Андрей Владимирович – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией математического моделирования экономических процессов Института Гайдара, ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-4683-8194

apolbin@iep.ru

Кропочева Маргарита Андреевна – научный сотрудник лаборатории математического моделирования экономических процессов Института Гайдара, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5069-7094

kropocheva@iep.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Polbin – Cand. Sci. (Econ.), Head of the Laboratory for Mathematical Modeling of Economic Processes, Gaidar Institute for Economic Policy; Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4683-8194

apolbin@iep.ru

Margarita A. Kropocheva – Researcher, Laboratory for Mathematical Modeling of Economic Processes, Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5069-7094

kropocheva@iep.ru

THE IMPACT OF DOWNWARD NOMINAL WAGE RIGIDITY ON FISCAL AND MONETARY POLICY IN RUSSIA

This paper evaluates the impact of downward nominal wage rigidity (DNWR) on fiscal and monetary policy for Russian economy. We obtain a piecewise linear approximation of the solution for DSGE model, which makes it possible to take into account the constraint on wage dynamics. The results indicate greater efficiency of fiscal policy during a recession compared to an economic expansion. In addition, the dependence of the multipliers value on the nature of the shock affecting the economy is noted. The efficiency of monetary policy, on the contrary, is lower in the presence of DNWR. The results of the study allow us to conclude that DNWR plays a significant role as one of the factors weakening the impact of monetary policy and causing the asymmetry of government spending multipliers. The results of the study can be useful in planning fiscal and monetary policy, as well as in constructing DSGE models that capture more complex dynamics of economic indicators.

Keywords: *dynamic stochastic general equilibrium models, DSGE, government spending multiplier, downward nominal wage rigidity, DNWR.*

JEL: C68, E63.

К.Д. ПЛАЧИНДА

магистрант экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
эксперт Отдела управления процентным риском банковской книги
ПАО «Московский Кредитный Банк»

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОВЕРНАЙТНЫХ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК НА ОТРАСЛЕВЫЕ ИНДЕКСЫ МОСБИРЖИ

Исследование оценивает влияние изменения овернайтной ставки RUONIA на динамику отраслевых индексов МосБиржи полной доходности «брутто». Проанализированы котировки индексов, рассчитаны вмененные в процентные свопы ставки RUONIA на T+1, а также построены прогнозные модели с использованием машинного обучения и проведен их бэкстест. Результаты показывают, что модели правильно предсказывают направление изменения индексов более чем в 50% случаев. Выявлена взаимосвязь между изменением вмененной ставки RUONIA и динамикой индексов. Это подтверждает, что ставка RUONIA и прогноз по ней могут быть использованы для улучшения прогнозирования изменений котировок индексов, оптимизируя портфельную теорию и стратегии инвесторов.

Ключевые слова: *монетарная политика, денежно-кредитная политика, ключевая ставка, акции, фондовый рынок, отраслевые индексы, инвестиции.*

УДК: 336.763.2, 336.765

EDN: OKWWLJ

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_120_143

Введение

За последние четыре года индекс Московской биржи полной доходности (МСФТР) вырос более чем на 27%, а среднегодовая доходность составила 6,7%¹. При этом средняя ключевая ставка Банка России (далее – КС) за этот период составила 9,55%², то есть в рыночных инструментах наблюдалась отрицательная премия за риск (принимая КС в качестве безрисковой ставки).

¹ Индекс МосБиржи полной доходности. <https://www.moex.com/ru/index/totalreturn/МСФТР> (дата обращения: 06.01.2025).

² Динамика ключевой ставки Банка России в период с 2013 года по 2024 год. https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=17.09.2013&UniDbQuery.To=22.11.2024 (дата обращения: 06.01.2025).

Однако возникают вопросы: Продолжится ли такая ситуация и дальше? Или может такая низкая доходность рыночных индексов связана именно с ростом безрисковой доходности?

Многие исследователи ранее уже задавались подобными вопросами. К примеру, в работе [8] автор пришел к выводу, что изменение монетарной политики оказывает сильное влияние на фондовый рынок.

В целом интерес к оценке влияния изменения монетарной политики на котировки финансовых инструментов появился еще в прошлом столетии. Исследованием – первопроходцем в данной отрасли стала статья J. Tobin [21], ссылки на которую можно увидеть даже в современных публикациях. Подобные статьи стали появляться также в России и Азии. К примеру, в своей работе Ф.С. Картаев и Н.С. Козлова [1] пришли к выводу, что изменение ставки не сильно значимо для российского фондового рынка. А М. Кудинова в своей статье [2] подтверждает интерес российского научного сообщества к изменению монетарной политики. Большой интерес к оценке эффектов от изменения ставок присутствует также в Китае [4] и Пакистане [14].

Большая часть исследований по тематике оценки и моделирования влияния изменения монетарной политики на фондовый рынок проводилась по индексу широкого рынка или по конкретным котировкам, что немного искажало общую оценку, так как в первом случае эффект поглощался нечувствительными к изменению ставки компаниями или компенсировался эмитентами из разных секторов, а во втором случае учитывалась специфика каждой отдельной компании, влияние на котировки которых мог оказать независимый новостной фон.

В данной работе мы оценим влияние изменения овернайтных ставок RUONIA³ на отраслевые индексы МосБиржи полной доходности «брутто». В качестве временного периода мы будем использовать 2014–2024 гг., так как большая часть отраслевых индексов была запущена именно с конца 2013 г. Индикатор RUONIA, как и ключевая ставка, отражает стоимость ликвидности на рынке и тем самым является прокси-переменной, показывающей готовность инвесторов покупать акции, увеличивая свои инвестиционные портфели. В последнее время, в связи с повышенной волатильностью монетарной политики, вопрос о направлении влияния изменения ставок на фондовый рынок становится крайне актуальным.

³ RUONIA – процентный индикатор, рассчитываемый как средневзвешенная процентная ставка, по которой российские кредитные организации, включенные в перечень участников RUONIA, утвержденный Банком России (список участников RUONIA), совершают между собой сделки необеспеченного рублевого кредитования на условиях овернайт. https://www.cbr.ru/hd_base/ruonia/method/ (дата обращения: 06.01.2025).

Особенность данного исследования состоит в том, что в качестве анализируемых котировок рассматриваются котированные на бирже отраслевые индексы полной доходности, которые позволяют оценить динамику всего сектора и учесть дивидендные выплаты, привычные для российских эмитентов. Также нововведением относительно других исследований будет использование овернайтного индикатора – в нашем случае RUONIA. Предлагаемый автором подход отличается от подходов, используемых другими исследователями в их работах, тем, что в них акцент чаще всего делался на ключевой ставке / ставке ФРС.

Основная идея этой статьи в том, что ключевая ставка не может объяснить краткосрочные колебания, а эффект от ее изменения можно оценить лишь между заседаниями – то есть в среднем раз в месяц. *Использование овернайтного индикатора позволит спрогнозировать направление изменения отраслевых индексов на следующий день.* Это нововведение позволит оценивать справедливую стоимость компании на будущие периоды, учитывая ожидаемый сдвиг в монетарной политике. Таким образом, помимо возможности построить торговую стратегию на каждый день, используя методологию данного исследования, также будет показано, что изменения в монетарной политике действительно оказывают влияние на котировки акций, а данная концепция, дополненная использованием вмененных⁴ в процентные свопы ставок, способна улучшить существующую методологию по оценке стоимости компаний, так как в результате добавления нового регрессора произойдет очищение эффекта классических переменных и улучшение используемых в литературе стандартных моделей.

В рамках данной статьи автор поставил перед собой следующую задачу – оценить влияние изменения овернайтного индекса RUONIA на динамику отраслевых индексов МосБиржи полной доходности «брутто» и определить, насколько использование данного параметра способно улучшить модели, нацеленные на прогнозирование изменения котировок индексов акций. Также результаты данной работы будут крайне полезны в экономических исследованиях по портфельной теории, поскольку позволят оценить, насколько компании, относящиеся к различным отраслям, подвержены эффектам от изменения монетарной политики и, что самое главное, ожиданиям по ней. В будущих работах, с учетом полученных в данной работе результатов, мы непосредственно построим инвестиционные стратегии в условиях волатильности ставок и проведем оценку их эффективности на исторической динамике котировок.

⁴ Вмененная в процентный своп ставка – это процентная ставка, которая выводится из рыночных цен процентных свопов. Она отражает ожидания участников рынка о будущих процентных ставках на определенный период.

В данном исследовании будет использоваться информация из обширной эмпирической базы. В первую очередь для анализа исторической RUONIA мы обратимся к сайту Банка России⁵ для получения динамики ставок. Однако основной акцент в работе будет сделан на данных с Московской биржи: котировки отраслевых индексов⁶ и овернайтных процентных свопов на RUONIA (OIS)⁷. Прежде всего мы будем использовать котировки на процентные свопы срочностью 1 неделя (OIS 1W).

В качестве основных методов анализа мы проведем эмпирический анализ графиков, корреляционный анализ между изменением ставки RUONIA и доходностью индексов акций МосБиржи, а также мы будем использовать более сложные эконометрические модели на основе VAR и SVAR методов.

Новизна исследования состоит в том, что в отличие от уже написанных работ мы проведем исследование не для широкого рынка, а с учетом секторальных особенностей эмитентов и их бизнеса, что значительно увеличит возможности для улучшения будущей стратегии и ее валидность. Однако самым большим нововведением является использование вмененных в недельные процентные свопы ставок RUONIA, в качестве «прогноза» рынка по ставкам на завтра. Этот подход, по нашему мнению, должен показать высокую эффективность, так как в данный момент доступ на рынок СПФИ (стандартизированных производных финансовых инструментов) имеют только банки и одна страховая компания, то есть это ожидания так называемых «умных денег»⁸ – трейдеров из крупных финансовых компаний, которые и обеспечивают большую часть ликвидности на фондовом рынке. Благодаря использованию вмененных ставок появится возможность улучшения прогностических моделей, так как в модель оценки стоимости компании уже будет вменена оценка дисконт-кривой основными участниками рынка, что является крайне важным параметром для определения справедливой стоимости актива. Разработанный автором подход еще не использовался в литературе.

Данная работа может внести вклад в развитие портфельной теории и классических концептов оценки справедливой стоимости компаний,

⁵ Динамика ставки RUONIA. https://www.cbr.ru/hd_base/ruonia/dynamics/ (дата обращения: 07.01.2025).

⁶ Динамика котировок отраслевых индексов МосБиржи полной доходности «брутто». URL: <https://www.moex.com/ru/index/totalreturn/MEOGTR> (дата обращения: 07.01.2025).

⁷ Динамика котировок на овернайтные процентные свопы OIR RUONIA. https://iss.moex.com/iss/analyticalproducts/curves/securities/RUB_OIS (дата обращения: 07.01.2025).

⁸ Что такое «умные деньги». <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/umnye-den-gi-narynke-cto-eto-i-komu-oni-prinadlezhat> (дата обращения: 07.01.2025).

так как в статье показано, что помимо финансовых показателей и текущей монетарной политики, также необходимо уделять особое внимание ожиданиям, связанным с ней. Это необходимо, так как из-за отраслевой специфики и структуры баланса одни компании более чувствительны к изменению ставок, а другие, наоборот, менее чувствительны. Результаты работы могут быть полезны не только профессиональным трейдерам и частным инвесторам, но также и исследователям, занимающимся проблемой оценки справедливой стоимости компаний.

Обзор литературы

Прежде чем переходить к анализу и оценке влияния изменения overnight-ставок на фондовый рынок, необходимо посмотреть, как в целом данная тематика освещена в научной литературе.

Так, понимание того, как изменение монетарной политики влияет на фондовый рынок, вызвало бурный интерес экономистов еще в конце XX века [3; 18]. Со временем данный вопрос получал все большую огласку, привлекал новых специалистов и исследовался все глубже [17]. Более того, повышенный интерес к эффектам от изменения ставок проявился и в более практической форме – начали появляться инвестиционные фонды, чья стратегия базировалась в первую очередь на улавливании изменений в монетарной политике.

Рассмотрев зарубежную и отечественную научную литературу, мы пришли к выводу, что большинство авторов сходятся во мнении, что снижение ставки, особенно в кризисные времена, благоприятно влияет на фондовый рынок [19; 20; 15; 6; 13]. К похожей оценке пришел и G. Sao [5]: в своей работе автор определил, что доходность фондового рынка Китая отрицательно связана с динамикой процентных ставок в экономике.

Однако в работе [10] авторы пришли к выводу, что нельзя однозначно определить, как изменения на денежном рынке скажутся на том или ином секторе, так как компании имеют отраслевые особенности, из-за чего рост ставок может быть выгодным для одних и негативным сигналом для других.

Интересным также является вывод из исследования W. English, S. Van den Heuvel и E. Zakrajšek [12], в котором авторы показали, что сильное отклонение изменения ставок от прогноза воспринимается рынком негативно, и котировки падают. Таким образом, существует идея, на которую мы хотим обратить внимание в своей работе, – важность ожиданий. В связи с тем, что инвесторы закладывают определенные сценарии в свои модели и ребалансируют портфели под них, то в случае несоответствия стратегии им необходимо делать ребалансировку, что моментально вызывает распродажу акций на рынке.

Описание методологии в литературе

Одним из основных методов исследований в конце XX в. был статистико-эмпирический подход. Его идея состояла в том, чтобы оценить среднее изменение котировок акций в периоды снижения и повышения ключевой ставки [6]. Похожий подход также использовался в работе [16]. Однако данный подход имеет довольно много недостатков, в том числе он не способен оценить прямую зависимость динамики индексов от изменения процентной ставки из-за отсутствия контрольных переменных (инфляция, динамика валютного курса, цены на сырьевые товары), что приводит к проблеме пропущенных переменных и смещенным оценкам. Также при использовании данного подхода сложно установить причинно-следственную связь, а не просто корреляцию, без правильной идентификационной стратегии. Помимо этого, статистико-эмпирический подход не учитывает нестационарность временных рядов (тренды). Финансовые временные ряды часто не стационарны, что требует специальных методов для корректного анализа долгосрочных зависимостей. Из-за совокупности данных факторов этот метод применим лишь для поверхностного первичного анализа.

Еще одним популярным методом было использование парных регрессий и метода наименьших квадратов (далее – МНК). Одной из самых известных работ, где использовался данный инструментарий, была статья [7], в которой авторы оценили эффект от изменения процентных ставок на доходность котировок американских акций. Несмотря на рациональность данного подхода и валидные результаты, данный анализ не позволяет провести глубокое исследование. В первую очередь чаще всего авторы использовали месячные временные интервалы, из-за чего теряли внутримесячную волатильность в котировках активов, а также не удавалось оценить краткосрочные импульсные отклики. Более того, инструментарий МНК не предназначен для анализа временных рядов, из-за чего возможно смещение оценки.

Авторы более современных работ дополнили МНК-модели бинарными переменными «шока ставки», то есть введя переменную, показывающую, оправдались ли ожидания рынка по шагу процентных ставок или нет. С помощью данного подхода авторы смогли оценивать не только эффект от направления изменения ставки, но и от того, какие ожидания формировали основные участники фондового рынка [10]. Похожая методология также использовалась в работе [9], в рамках которой автор не только добавил переменную «шока ставки», но и использовал подневное изменение акций, с помощью чего появилась возможность оценить краткосрочное влияние монетарной политики на котировки акций.

В работе [4] использовалась GARCH-модель. Авторский подход в этой статье отдаленно схож с тем, что мы используем в данной работе, так как авторы помимо общей оценки изменения котировок у группы акций тоже разбивали их на кластеры по мультипликативным и фундаментальным показателям. Также данный инструментальный применялся в статье [11], где авторы оценивали чувствительность акций финансовых компаний к изменению ключевой ставки. Большое преимущество использования GARCH-моделей состоит в том, что это позволяет также оценить и волатильность, которой подвергается сектор или весь локальный фондовый рынок вследствие изменения ставки.

В российской научной литературе авторы исследовали схожий вопрос и проводили оценку с помощью моделей структурной векторной авторегрессии (далее – SVAR) [1]. Также похожий подход использовался и в зарубежной литературе [5].

В рамках данной статьи мы будем использовать GARCH-модели, так как с их помощью мы сможем оценить, какой эффект оказывает изменение овернайтных процентных ставок на динамику индексов на следующий день. Однако в отличие от уже написанных ранее работ мы будем строить свое исследование не на фактических значениях ставки, а на ожиданиях профессиональных участников рынка производных финансовых инструментов, выраженных через вмененные в процентные свопы ставки. Помимо этого, мы будем использовать более современные модели, включая Random Forest (Случайный лес), XGBoost (eXtreme Gradient Boosting), LightGBM (Light Gradient Boosting Machine), LSTM (Long Short-Term Memory) и AutoGluon для прогнозирования количественного изменения индексов.

На основе вышеперечисленных научных работ было выдвинуто несколько гипотез:

1. Существует обратная зависимость между изменением процентных ставок и индексов, включающих ресурсные компании⁹.
2. Компании, связанные с коммунальными и повседневными услугами¹⁰, сильнее всех подвержены негативному эффекту вследствие роста ставок.
3. Изменение ставок оказывает положительный эффект на котировки индекса финансовых компаний.

⁹ Индексы нефти и газа, Индекс металлов и добычи.

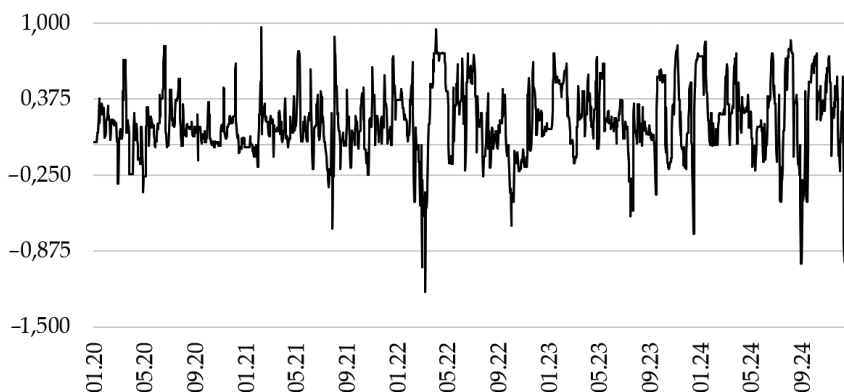
¹⁰ Индекс электроэнергетики, Индекс телекоммуникаций, Индекс потребительского сектора.

Описание данных

В рамках данного исследования основная задача будет состоять в оценке влияния овернайтного индикатора RUONIA на отраслевые фондовые индексы МосБиржи. Как уже было сказано ранее, ставка RUONIA отражает стоимость необеспеченного привлечения между крупнейшими российскими банками, включенными в утвержденный Банком России список¹¹.

Данная ставка сильно коррелирует с основным индикатором монетарной политики Банка России – ключевой ставкой. Такая связь обусловлена тем, что ключевая ставка выступает в качестве основного ориентира для кредитования коммерческих банков у Банка России, вследствие чего и все ставки на рынке зависят от КС. Так, исторический спред между этими двумя процентными индикаторами (КС-RUONIA) составляет всего -5.6 базисных пунктов (далее – б. п.). При этом измерение корреляции между данными индикаторами может быть методологически неверным, так как ставка RUONIA меняется на ежедневной основе, в то время как ключевая ставка в среднем может изменяться раз в шесть недель.

Динамика спреда (в процентных пунктах) между ключевой ставкой Банка России и ставкой RUONIA отражена на рис. 1.

Источник: составлено автором по: данные с сайта Банка России.

Рис. 1. Динамика спреда (в процентных пунктах) между ключевой ставкой Банка России и ставкой RUONIA в период с января 2020 г. по декабрь 2024 г.

Из рис. 1 следует, что RUONIA исторически немного ниже ключевой ставки (на -5.6 базисных пункта), так как представляет менее

¹¹ Список участников RUONIA. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/111806/current_list_banks.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

рискованные обеспеченные овернайтные заимствования. При этом она волатильнее и более резко реагирует на шоки в экономике и на рынке, что делает ее более наглядным рыночным индикатором.

В данной статье мы остановились на анализе восьми отраслевых индексов и одного общего индекса Московской биржи полной доходности «брутто». Список индексов и их доходность с момента запуска представлен в табл. 1.

Таблица 1

Отраслевые индексы Московской биржи полной доходности «брутто» и их доходность в период с 2014 по 2024 г.

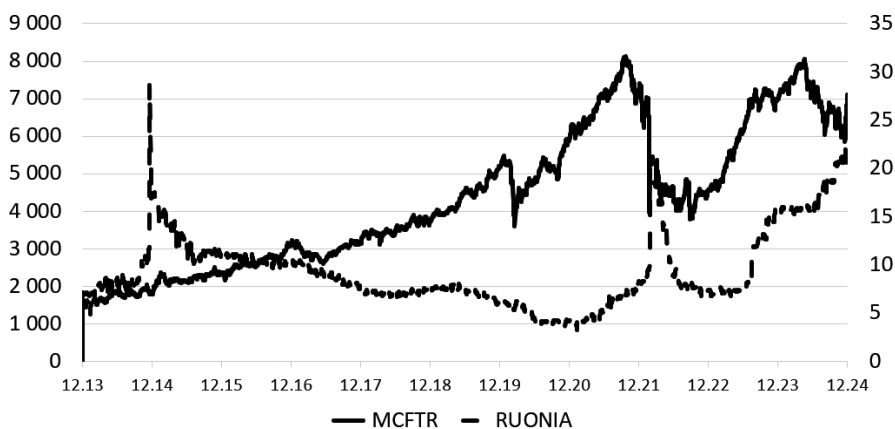
Тикер	Индекс	Динамика котировок индексов с 30.12.2013 по 30.12.2024
МСFTR	Индекс МосБиржи полной доходности «брутто»	289,2%
МЕОGTR	Индекс МосБиржи нефти и газа полной доходности «брутто»	386,0%
МЕЕUTR	Индекс МосБиржи электроэнергетики полной доходности «брутто»	176,9%
МЕТLTR	Индекс МосБиржи телекоммуникаций полной доходности «брутто»	75,1%
МЕМMTR	Индекс МосБиржи металлов и добычи полной доходности «брутто»	488,6%
МЕFНTR	Индекс МосБиржи финансов полной доходности «брутто»	191,4%
МЕСNTR	Индекс МосБиржи потребительского сектора полной доходности «брутто»	81,3%
МЕСНTR	Индекс МосБиржи химии и нефтехимии полной доходности «брутто»	972,1%
МЕТNTR	Индекс МосБиржи транспорта полной доходности «брутто»	95,4%

Источник: составлено автором по: данные Московской биржи¹².

Следует отметить, что все из рассматриваемых восьми индексов показали рост от 75% до 972% в период с начала 2014 г. до конца 2024 г.

¹² Исторические котировки отраслевых индексов МосБиржи. <https://iss.moex.com/iss/history/engines/stock/markets/index/securities/МСFTR> (дата обращения: 04.01.2025).

Далее мы рассмотрели динамику фактической ставки RUONIA и сравнили ее с динамикой Индекса МосБиржи полной доходности «брутто». График представлен на рис. 2.

Источник: составлено автором по данным Московской биржи и сайта Банка России.

Рис. 2. Динамика котировок Индекса МосБиржи полной доходности «брутто» (левая ось, в руб.) и ставки RUONIA (правая ось, в процентных пунктах) в период с 30.12.13 г. по 30.12.24 г.

Из рис. 2 нельзя сделать конкретные выводы относительно характера взаимосвязи между динамикой котировок индекса и ставки RUONIA, так как за 11 лет активы обладали как схожей, так и разнонаправленной динамикой. Так, коэффициент корреляции между данными рядами составляет всего +0,08, что указывает на наличие крайне слабой связи между динамикой индекса и ставки. Однако корреляция между RUONIA и индексом МосБиржи химии и нефтехимии составила 0,3, а между RUONIA и индексом МосБиржи телекоммуникаций -0,14. Такая разница в направленности связи может быть объяснена секторальной спецификой эмитентов, что будет рассмотрено нами далее.

Методология проведения исследования по отраслевым индексам рынка акций России

Крайне важную часть данной работы составляет сбор данных и его методология. Для начала стоит акцентировать внимание на отраслевых индексах МосБиржи полной доходности «брутто», которые указаны в табл. 1. В рамках работы мы рассматриваем динамику котировок индексов за период с декабря 2013 г. по декабрь 2024 г. В рамках наших моделей зависимой переменной будет выступать доходность индексов.

В качестве регрессора мы будем использовать ставку RUONIA, но не фактическую, а вмененную в своп-кривую. Так как для исследования мы рассматриваем вмененную ставку на следующий торговый день (далее – T+1), то для наиболее приближенного значения вмененной ставки мы используем котировки OIS 1W (своп на однодневную ставку¹³ со сроком -1 неделя). При этом во время сбора данных мы столкнулись со следующими особенностями:

1. Московская биржа запустила рынок стандартизированных производных финансовых инструментов (далее – СПФИ) с осени 2022 г.

Для учета этой особенности мы подобрали наиболее близкий к OIS RUONIA 1W индикатор – ROISfix¹⁴ 1W¹⁵. «ROISfix – RUONIA Overnight Interest Rate Swap Fixing – индикативная ставка по операциям процентный своп на ставку RUONIA. Показатель формируется Национальной финансовой ассоциацией (НФА), согласно «Положению об организации ежедневного фиксинга НФА ставок OIS на базе RUONIA» на основе котировок, объявляемых участниками фиксинга». Таким образом, это наиболее близкий индикатор, способный заменить OIS RUONIA 1W в период с 2013 по 2022 г.

2. В овернайтных (однодневных) свопах уплата плавающей ставки происходит не на основе средней ставки за период, а на основе капитализированной ставки за период. Также сделки происходят в режиме ТОМ (начало начисления процентов происходит на следующий торговый день), и смещение платежей составляет 1 день (уплата процентов происходит на следующий рабочий день после окончания процентного периода).

Для расчета вмененной в своп ставки нам было необходимо учесть календарные сдвиги с учетом выходных и праздников для верного определения даты начала периода начисления. Также надо было определить дату последнего платежа, так как в OIS RUONIA платеж происходит не в последний день начисления, а со смещением на 1 рабочий день. Таким образом, если сделка заключается в четверг, то период начисления начнется в пятницу, а платеж произойдет только в понедельник через неделю. Пример графика по сделке представлен на рис. 3.

	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Неделя T0				Сделка (ТОМ)	Начало периода начисления		
Неделя T+1					Окончание периода начисления		
Неделя T+2	Платеж (смещение на 1 день)						

Источник: составлено автором.

Рис. 3. График платежей по сделке OIS RUONIA 1W

¹³ Сделка, в которой ставка овернайт (однодневная) обменивается на фиксированную процентную ставку.

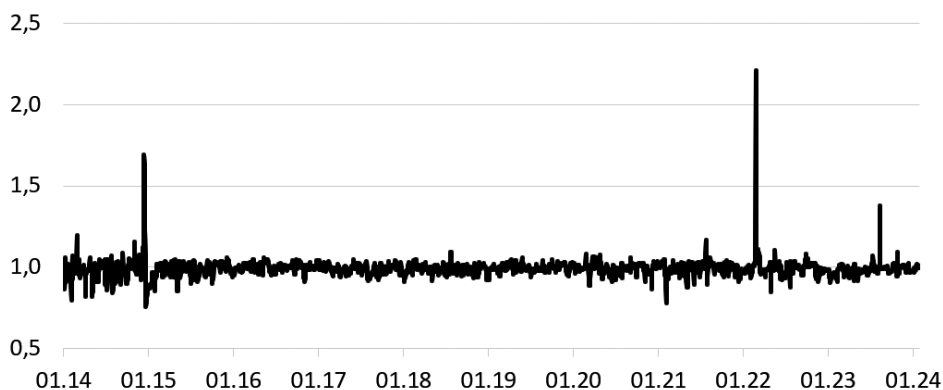
¹⁴ ROISfix – Индикативная ставка по процентным свопам на ставку RUONIA.

¹⁵ ROISFIX 1W. <https://roisfix.ru/> (дата обращения: 07.01.2025).

Таким образом, расчет вмененной котировки на T+1 (прогноз на следующий день) состоял из нескольких последовательных операций:

1. $StartDate_{fact} = DealDate + 1 \rightarrow$ первый следующий рабочий день
2. $TermDate_{fact} = StartDate_{fact} + 7 \rightarrow$ первый следующий рабочий день
3. $\Delta T = \frac{TermDate_{fact} - DealDate}{365};$
4. $df_t^{1WSWAP} = \frac{1}{(1 + Rate_t * \Delta T)};$
5. $df_{t+1} = 1 + \frac{StartDate_{fact} - DealDate}{TermDate_{fact} - DealDate} * (df_t^{1WSWAP} - df_t), df_t = 1;$
6. $ImpliedRUONIA_{t+1} = \left(\frac{\frac{1}{df_t^{(StartDate_{fact} - DealDate)}}}{df_{t+1}} - 1 \right) * 365 * 100.$

Далее мы провели проверку расчета, сравнив рассчитанную вмененную ставку RUONIA с фактической, которая становится известна на следующий рабочий день. Спред составил -7 базисных пунктов, что говорит о том, что рынок не всегда точно оценивает завтрашнюю ставку. Однако прогноз довольно точный. На рис. 4 представлена динамика отношения фактической RUONIA в день T к прогнозной вмененной ставке на тот же день.

Источник: составлено автором.

Рис. 4. Динамика отношения фактической ставки RUONIA за день T к прогнозной вмененной ставке на тот же день в период с января 2014 г. по декабрь 2024 г.

Из рис. 4 следует, что вмененные в свопы ожидания по ставке RUONIA очень близки к фактическим значениям процентной ставки,

что подтверждает валидность используемого метода. Можно заметить сильные расхождения в районе 2014 и 2022 г.: в те периоды наблюдалась повышенная волатильность и резкие выбросы продолжались не более недели. Также для верификации своих расчетов мы провели оценку вмененных ставок и на оставшиеся дни действия свопа, чтобы убедиться в правильности расчета: разница между котировкой свопа и рассчитанными капитализированными вмененными ставками составляет 0.6 базисных пункта, а дисперсия оказалась ниже 0.003 базисных пунктов, что крайне близко к 0 и также указывает на высокую точность расчета.

Таким образом, с помощью вышеописанного механизма в 22:00 дня T0 Московская биржа публикует котировки свопов, после чего мы можем провести расчет и определить, какую ставку RUONIA рынок закладывает на следующий день. Инвестор, в свою очередь, может купить акции в день T0 по цене закрытия, ожидая получить в день (T+1) доходность, соответствующую эффекту влияния изменения RUONIA на соответствующий отраслевой индекс.

Оценка эффекта от изменения ставки RUONIA на отраслевые фондовые индексы МосБиржи полной доходности

Перед началом непосредственного моделирования мы еще раз обратились к статистико-эмпирическому методу и рассмотрели корреляцию между индексами RUONIA и вмененной RUONIA. Результаты представлены в табл. 3.

Из корреляционной матрицы следует, что у вмененной и фактических ставок RUONIA почти отсутствует корреляция с динамикой котировок индексов.

Далее мы перешли к непосредственному моделированию эффекта. В качестве зависимых переменных мы взяли доходность соответствующих индексов, а в качестве регрессоров – изменение вмененной RUONIA относительно фиксинга¹⁶ предыдущего дня. Таким образом, когда биржа публикует котировку процентного свопа, инвестор может оценить, насколько вмененная на следующий день RUONIA отличается от сегодняшнего фиксинга. Также мы расширили пул данных с помощью нескольких бинарных переменных:

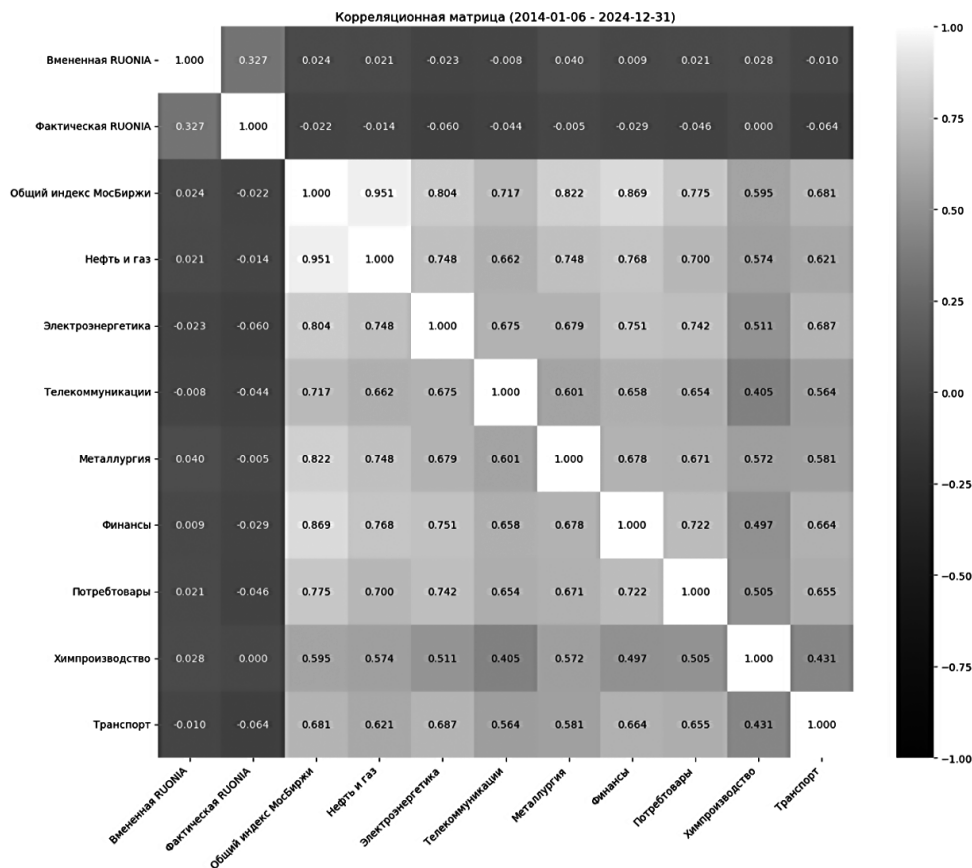
1.«SHOCK» – переменная равна «1», если ΔR_t превысила историческое стандартное отклонение за период $[T-1]$, иначе «0».

2.«d_KR» – переменная равна «1», если произошло изменение ключевой ставки Банка России, иначе «0».

¹⁶ Фиксинг – котировка актива, устанавливаемая на бирже в данный момент времени.

Таблица 2

Корреляционная матрица отраслевых индексов МосБиржи, ставки RUONIA и вмененной ставки RUONIA

Источник: составлено автором.

Затем мы построили GARCH-модели, с помощью которых хотели оценить направление изменения котировок индексов, их волатильность и величину изменений. С помощью статистических тестов мы определили оптимальную спецификацию модели. Пример модели № 1 по общему индексу МосБиржи (МСFTR) представлен в приложении № 1.

Для обучения модели мы использовали диапазон дат с 30.12.13 г. по 31.12.23 г. Далее модель прогнозировала волатильность и направление изменения котировок индекса. В целом модель показала неплохие результаты и верно предсказала изменение индекса в 2024 г. в 57% случаев.

Далее мы решили перейти к более сложным и современным моделям, чтобы спрогнозировать не только ожидаемую волатильность и направление изменения индексов, но и величину их изменения.

Для этого мы использовали следующие модели:

1. Random Forest (Случайный лес).
2. XGBoost (eXtreme Gradient Boosting).
3. LightGBM (Light Gradient Boosting Machine).
4. LSTM (Long Short-Term Memory).
5. AutoGluon.

Мы построили модели для каждого из индексов, начиная с общего индекса МосБиржи полной доходности «брутто».

Индекс МосБиржи полной доходности «брутто»

Сначала мы построили модели для общего индекса МосБиржи полной доходности (МСFTR). В качестве обучающей выборки мы взяли диапазон дат с 06.01.14 г. по 31.12.23 г., то есть 10 лет. Затем модель прогнозировала изменение котировок в 2024 г. (прогнозный период). После этого была проведена оценка точности прогнозирования по нескольким параметрам: средний спред между фактической динамикой индекса и прогнозной, а также, что является основным для подобного рода финансовых моделей, – процент точности предсказания правильного направления изменения котировок. Таким образом, если модель более чем в 50% случаев правильно предсказывает направление изменения котировок – она валидна и ее можно применять.

По результатам моделирования мы получили следующие результаты (табл. 3):

Таблица 3

Точность модели по общему Индексу МосБиржи на прогнозной выборке 2024 г.

Модель	Точность прогноза (%)	Среднее отклонение
Random Forest	52,0	0,009
XGBoost	55,9	0,009
LightGBM	55,9	0,009
AutoGluon	57,0	0,009
Среднее	55,2	0,009

Источник: составлено автором в Python.

В табл. 3 показано, что все спецификации моделей правильно предсказали направление изменения в котировках в прогнозном периоде чаще чем в 50% случаев. При этом среднее отклонение также приближено к 0. Графики фактических и прогнозных значений в разрезе всех моделей представлены в приложении № 2.

Результаты

Мы построили модели на основе машинного обучения и случайных процессов для оценки эффекта изменения вмененных ставок RUONIA на восьми отраслевых и на одном общем индексе МосБиржи полной доходности «брутто». Мы обучили модели на данных за 10 лет и затем протестировали их на данных за 2024 г. Для наиболее подробного представления мы агрегировали результаты по всем четырем моделям и рассчитали средние показатели для каждого индекса. Мы получили следующие результаты (табл. 4):

Таблица 4

Усредненная точность прогнозирования моделей машинного обучения на прогнозной выборке

Индекс / Параметр	Точность прогноза (%)	Среднее отклонение	Направление среднего значения Шепли	Точность прогноза (%) факт	Дельта точности (%)
Общий индекс	55,2	0,009	Отрицательное	51,0	4,2
Нефть и газ	52,5	0,010	Отрицательное	53,5	-1,0
Электроэнергетика	49,9	0,010	Положительное	50,7	-0,8
Телекоммуникация	48,7	0,013	Отрицательное	50,4	-1,7
Металлургия	52,7	0,011	Отрицательное	51,3	1,5
Финансы	51,3	0,010	Положительное	49,3	2,0
Потребительский сектор	51,6	0,009	Положительное	51,0	0,6
Химпроизводство	47,2	0,008	Положительное	45,9	1,3
Транспорт	52,2	0,014	Отрицательное	50,3	2,0

Источник: составлено автором.

Из табл. 4 следует, что по пяти отраслевым индексам из восьми и по общему индексу МосБиржи нам удалось построить работающие валидные модели. Основной критерий – точность прогнозирования должна превышать 50%.

В качестве дополнительной проверки полученного результата мы рассчитали усредненную точность прогнозирования моделей в спецификации, где в качестве ключевого регрессора вместо вмененной ставки RUONIA мы использовали фактическую ставку RUONIA. Данный подход не позволяет использовать модель в качестве прогностической, так как значение фактической ставки RUONIA становится известно только на следующий день, но подобная спецификация позволяет оценить, насколько доходность индекса зависит от фактического изменения RUONIA, а не от ожиданий участников рынка.

Из табл. 4 следует, что по шести из девяти индексов модель, основанная на вмененной RUONIA, точнее предсказывает направление изменения индекса, чем спецификация с фактической ставкой RUONIA.

Таким образом, можно сделать вывод, что участники рынка совершают операции в зависимости от ожиданий, касающихся стоимости ликвидности на завтрашний день. Более того, данный результат подтверждает наше предположение о том, что использование вмененной ставки в качестве регрессора для оценки влияния монетарной политики на доходность индекса позволяет получать качественную оценку, а также дает возможность использовать модель в качестве прогностической.

Также с помощью значения Шепли¹⁷ мы оценили, какой вклад вносит вмененная RUONIA в изменение индекса. Согласно результатам, указанным в табл. 4, рост вмененной ставки RUONIA оказывает положительное влияние на четыре индекса МосБиржи (электроэнергетика, финансы, потребительский сектор и химическое производство).

Данные результаты могут быть вызваны следующими факторами:

1. Электроэнергетика: низкая долговая нагрузка компаний сектора, индексация тарифов с учетом инфляции.

2. Финансы: банки увеличивают чистый процентный доход в случае его положительной чувствительности к изменению процентных ставок. Также банки получают дополнительный доход за счет увеличившегося спреда между ставками по кредитам и по текущим счетам.

3. Потребительский сектор: сберегательное поведение населения вследствие высоких безрисковых ставок снижает спрос на товары длительного пользования, но сохраняется спрос на товары повседневного спроса. Также компании компенсируют рост стоимости обслуживания долга через повышение цен для конечных потребителей.

4. Химическое производство: низкая конкуренция в секторе дает возможность компаниям компенсировать рост стоимости обслуживания долга через повышение цен на свою продукцию.

Также стоит отметить, что рост вмененной ставки RUONIA оказывает отрицательное влияние на оставшиеся пять индексов. В первую очередь это связано с высокой капиталоемкостью данных отраслей (общий индекс, нефть и газ, телекоммуникация, металлургия, транспорт). Компании, входящие в данные индексы, запускают масштабные инвестиционные проекты, требующие привлечения заемного капитала, вследствие чего при росте ставок сильно вырастет стоимость обслуживания привлеченного долга.

¹⁷ SHAP (SHapley Additive exPlanations) values – это метод объяснения предсказаний моделей машинного обучения, основанный на теории игр.

Заключение

В исследовании анализировалась связь между изменением овернайтной ставки RUONIA и доходностью отраслевых индексов МосБиржи в период с января 2014 г. по декабрь 2024 г. В качестве данных выступали дневные котировки акций, дневные ставки RUONIA, котировки процентных свопов и вмененные в них ставки RUONIA. Источником данных послужил сайт Московской Биржи и ее информационно-статистический сервер (ISS). Для анализа были использованы модели машинного обучения (Random Forest, XGBoost, LightGBM и AutoGluon) и значения Шепли. В рамках исследования проверялись гипотезы о наличии влияния эффекта изменения вмененной ставки RUONIA на доходность отраслевых индексов МосБиржи и возможности использования вмененных ставок для улучшения прогностических способностей моделей. *Было выявлено, что модели, использующие в качестве регрессора вмененную ставку RUONIA в качестве прогнозной овернайтной ставки, позволяют точнее предсказывать доходность котировок индексов на следующий день, а также удалось определить, что существует обратная зависимость между изменением процентных ставок и индексов, включающих ресурсные компании, и изменение ставок оказывает положительное влияние на котировки финансовых компаний.*

Полученные в работе результаты способствуют улучшению понимания ценообразования активов на фондовом рынке при изменении процентных ставок, а также углубляют представление о построении моделей для прогнозирования котировок финансовых активов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

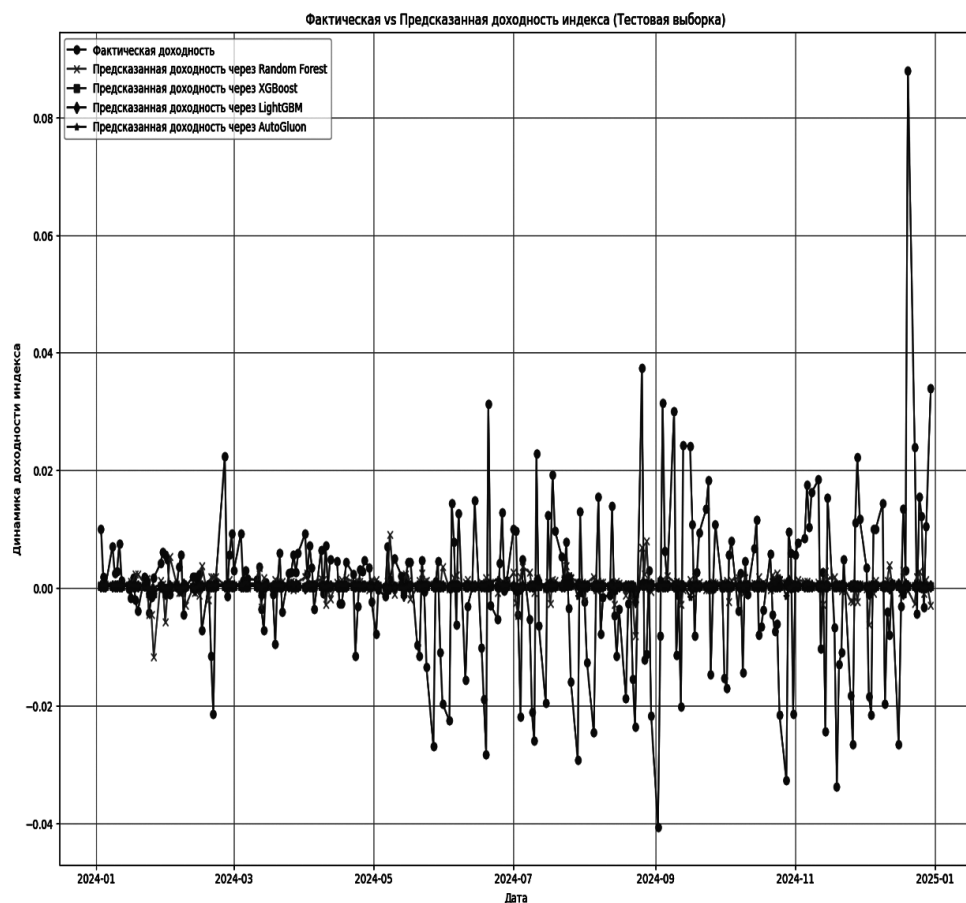
Модель №1 – GARCH-модель для общего индекса МосБиржи полной доходности «брутто» (MCFTR)

Приложение 2

Модель №2 – модели машинного для общего индекса МосБиржи (МСФТР)

График сравнения предсказанной и фактической доходности в прогнозном периоде:

ЛИТЕРАТУРА

1. *Картаев Ф.С., Козлова Н.С.* Эконометрическая оценка влияния монетарной политики на динамику российского фондового рынка // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 1. С. 22-43. EDN: VQSZLD. DOI: 10.38050/01300105201612
2. *Кудинова М.М.* Трансформация монетарной политики государств в период глобальной пандемии // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 1. С. 41-54. EDN: ULXFMJ. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-41-54
3. *Blanchard O.J.* Output, the stock market, and interest rates // The American Economic Review. 1981. Vol. 71. No. 1. Pp. 132-143.
4. *Brewer III.E. et al.* Interest rate risk and equity values of life insurance companies: A GARCH-M model // Journal of Risk and Insurance. 2007. Vol. 74. No. 2. Pp. 401-423. DOI: 10.1111/j.1539-6975.2007.00218.x
5. *Cao G.* Time-varying effects of changes in the interest rate and the RMB exchange rate on the stock market of China: Evidence from the long-memory TVP-VAR model // Emerging Markets Finance and Trade. 2012. Vol. 48. No. 2. Pp. 230-248. DOI: 10.2753/ree1540-496x48s213
6. *Conover C.M. et al.* Is Fed policy still relevant for investors? // Financial Analysts Journal. 2005. Vol. 61. No. 1. Pp. 70-79. DOI: 10.2469/faj.v61.n1.2685
7. *Conover C.M., Jensen G.R., Johnson R.R.* Monetary conditions and international investing // Financial Analysts Journal. 1999. Vol. 55. No. 4. Pp. 38-48. DOI: 10.2469/faj.v55.n4.2283
8. *Chen S.S.* Does monetary policy have asymmetric effects on stock returns? // Journal of money, credit and banking. 2007. Vol. 39. No. 2-3. Pp. 667-688. DOI: 10.1111/j.0022-2879.2007.00040.x
9. *Durham J.B.* More on monetary policy and stock price returns // Financial Analysts Journal. 2005. Vol. 61. No. 4. Pp. 83-90. DOI: 10.2469/faj.v61.n4.2745
10. *Ehrmann M., Fratzscher M.* Taking stock: Monetary policy transmission to equity markets // Journal of Money, Credit and Banking. 2004. Pp. 719-737.
11. *Elyasiani E., Mansur I.* Sensitivity of the bank stock returns distribution to changes in the level and volatility of interest rate: A GARCH-M model // Journal of banking & finance. 1998. Vol. 22. No. 5. Pp. 535-563. DOI: 10.1016/S0378-4266(98)00003-X
12. *English W.B., Van den Heuvel S.J., Zakrajšek E.* Interest rate risk and bank equity valuations // Journal of Monetary Economics. 2018. Vol. 98. Pp. 80-97. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2018.04.010
13. *Guo H., Hung C. H. D., Kontonikas A.* The Fed and the stock market: A tale of sentiment states // Journal of International Money and Finance. 2022. Vol. 128. Pp. 102707. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2022.102707
14. *Hajilee M., Nasser O.M.A.* The impact of interest rate volatility on stock market development: Evidence from emerging markets // The Journal of Developing Areas. 2017. Vol. 51. No. 2. Pp. 301-313. DOI: 10.1353/jda.2017.0046
15. *Jensen G.R., Johnson R.R.* Discount rate changes and security returns in the US, 1962–1991 // Journal of Banking & Finance. 1995. Vol. 19. No. 1. Pp. 79-95. DOI: 10.1016/0378-4266(94)00048-8
16. *Jensen G.R., Mercer J.M.* New evidence on optimal asset allocation // Financial Review. 2003. Vol. 38. No. 3. Pp. 435-454. DOI: 10.1111/1540-6288.00054

17. *Jensen G.R., Mercer J.M.* Security markets and the information content of monetary policy turning points // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2006. Vol. 46. No. 4. Pp. 477-494. DOI: 10.1016/j.qref.2004.08.002
18. *Litzenberger R.H., Tuttle D.L.* Interest Rate Changes and the Required Rate of Return on Risk Assets // *Southern Economic Journal*. 1970. Pp. 45-50. DOI: 10.2307/1056235
19. *Patelis A.D.* Stock return predictability and the role of monetary policy // *the Journal of Finance*. 1997. Vol. 52. No. 5. Pp. 1951-1972. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1997.tb02747.x
20. *Thorbecke W.* On stock market returns and monetary policy // *The Journal of Finance*. 1997. Vol. 52. No. 2. Pp. 635-654. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1997.tb04816.x
21. *Tobin J.* A general equilibrium approach to monetary theory // *Journal of money, credit and banking*. 1969. Vol. 1. No. 1. Pp. 15-29. DOI: 10.2307/1991374

REFERENCES

1. *Kartaev F.S., Kozlova N.S.* Econometric assessment of the impact of monetary policy on the dynamics of the Russian stock market // *Moscow University Bulletin. Series 6. Economics*. 2016. No. 1. Pp. 22-43. EDN: VQSZLD. DOI: 10.38050/01300105201612
2. *Kudinova M.M.* Transformation of state monetary policy during the global pandemic // *Finance: Theory and Practice*. 2022. Vol. 26. No. 1. Pp. 41-54. EDN: ULXFMJ. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-41-54
3. *Blanchard O.J.* Output, the stock market, and interest rates // *The American Economic Review*. 1981. Vol. 71. No. 1. Pp. 132-143.
4. *Brewer III.E. et al.* Interest rate risk and equity values of life insurance companies: A GARCH-M model // *Journal of Risk and Insurance*. 2007. Vol. 74. No. 2. Pp. 401-423. DOI: 10.1111/j.1539-6975.2007.00218.x
5. *Cao G.* Time-varying effects of changes in the interest rate and the RMB exchange rate on the stock market of China: Evidence from the long-memory TVP-VAR model // *Emerging Markets Finance and Trade*. 2012. Vol. 48. No. sup2. Pp. 230-248. DOI: 10.2753/ree1540-496x48s213
6. *Conover C.M. et al.* Is Fed policy still relevant for investors? // *Financial Analysts Journal*. 2005. Vol. 61. No. 1. Pp. 70-79. DOI: 10.2469/faj.v61.n1.2685
7. *Conover C.M., Jensen G.R., Johnson R.R.* Monetary conditions and international investing // *Financial Analysts Journal*. 1999. Vol. 55. No. 4. Pp. 38-48. DOI: 10.2469/faj.v55.n4.2283
8. *Chen S.S.* Does monetary policy have asymmetric effects on stock returns? // *Journal of money, credit and banking*. 2007. Vol. 39. No. 2-3. Pp. 667-688. DOI: 10.1111/j.0022-2879.2007.00040.x
9. *Durham J.B.* More on monetary policy and stock price returns // *Financial Analysts Journal*. 2005. Vol. 61. No. 4. Pp. 83-90. DOI: 10.2469/faj.v61.n4.2745
10. *Ehrmann M., Fratzscher M.* Taking stock: Monetary policy transmission to equity markets // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2004. Pp. 719-737.
11. *Elyasiani E., Mansur I.* Sensitivity of the bank stock returns distribution to changes in the level and volatility of interest rate: A GARCH-M model // *Journal of banking & finance*. 1998. Vol. 22. No. 5. Pp. 535-563. DOI: 10.1016/S0378-4266(98)00003-X
12. *English W.B., Van den Hoveel S.J., Zakrajšek E.* Interest rate risk and bank equity valuations // *Journal of Monetary Economics*. 2018. Vol. 98. Pp. 80-97. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2018.04.010

13. *Guo H., Hung C.H.D., Kontonikas A.* The Fed and the stock market: A tale of sentiment states // *Journal of International Money and Finance*. 2022. Vol. 128. 102707. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2022.102707
14. *Hajilee M., Nasser O.M.A.* The impact of interest rate volatility on stock market development: Evidence from emerging markets // *The Journal of Developing Areas*. 2017. Vol. 51. No. 2. Pp. 301-313. DOI: 10.1353/jda.2017.0046
15. *Jensen G.R., Johnson R.R.* Discount rate changes and security returns in the US, 1962–1991 // *Journal of Banking & Finance*. 1995. Vol. 19. No. 1. Pp. 79-95. DOI: 10.1016/0378-4266(94)00048-8
16. *Jensen G.R., Mercer J.M.* New evidence on optimal asset allocation // *Financial Review*. 2003. Vol. 38. No. 3. Pp. 435-454. DOI: 10.1111/1540-6288.00054
17. *Jensen G.R., Mercer J.M.* Security markets and the information content of monetary policy turning points // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2006. Vol. 46. No. 4. Pp. 477-494. DOI: 10.1016/j.qref.2004.08.002
18. *Litzenberger R.H., Tuttle D.L.* Interest Rate Changes and the Required Rate of Return on Risk Assets // *Southern Economic Journal*. 1970. Pp. 45-50. DOI: 10.2307/1056235
19. *Patelis A.D.* Stock return predictability and the role of monetary policy // *The Journal of Finance*. 1997. Vol. 52. No. 5. Pp. 1951-1972. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1997.tb02747.x
20. *Thorbecke W.* On stock market returns and monetary policy // *The Journal of Finance*. 1997. Vol. 52. No. 2. Pp. 635-654. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1997.tb04816.x
21. *Tobin J.* A general equilibrium approach to monetary theory // *Journal of money, credit and banking*. 1969. Vol. 1. No. 1. Pp. 15-29. DOI: 10.2307/1991374

Дата поступления рукописи: 08.01.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Плачинда Константин Дмитриевич – магистрант экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, эксперт Отдела управления процентным риском банковской книги, ПАО «Московский Кредитный Банк», Москва, Россия
plachinda.kd@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin D. Plachinda— master’s student at the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Expert at the Banking Book Interest Rate Risk Management Department, PJSC “Credit Bank of Moscow”, Moscow, Russia
plachinda.kd@gmail.com

THE IMPACT OF CHANGES IN OVERNIGHT INTEREST RATES ON THE MOSCOW EXCHANGE INDUSTRY INDICES

The study evaluates the impact of changes in the overnight RUONIA rate on the dynamics of the Moscow Exchange industry total return indices. The analysis included index quotations, calculation of implied in interest rate swaps RUONIA rates for T+1, and the development of predictive models using machine learning, followed by their backtesting. The results show that the models correctly predict the direction of index changes in more

than 50% of cases. A connection between changes in the implied RUONIA rate and index dynamics was identified. This confirms that the RUONIA rate and its forecast can be used to improve the prediction of index price movements, optimizing portfolio theory and investor strategies.

Keywords: *monetary policy, monetary policy, key rate, stocks, stock market, sectoral indices, investments.*

JEL: G11, G15, G17, G18.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.Л. АБРАМОВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института исследований международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А.Д. ВАСИЛЬЧЕНКО

аспирант Ярославского государственного университета
имени П.Г. Демидова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СТОИМОСТИ КАК МЕХАНИЗМ УКРЕПЛЕНИЯ ТОРГОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС¹

В статье рассматриваются особенности региональных цепочек стоимости в Евразийском экономическом союзе. Проверяется гипотеза о том, что участие стран Союза в региональных цепочках стоимости положительно влияет на процесс торговой интеграции в ЕАЭС. Как показал анализ, за период существования объединения предпочтения стран-участниц во взаимной торговле сместились в сторону промышленных товаров по отношению к ресурсам; наиболее выражена эта тенденция в торговле продукцией машиностроения и химической промышленности. Выявлена страновая специфика участия стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости. Так, зависимость России от кооперационных связей с партнерами по ЕАЭС не является высокой. Экспорт Беларуси и Казахстана, напротив, включает существенный компонент произведенной в России добавленной стоимости. В целом потоки добавленной стоимости в пределах объединения сильно смещены в сторону России. По результатам эконометрического анализа установлено, что для стран ЕАЭС «прямое» участие в региональных цепочках стоимости положительно влияет на объем взаимного промышленного экспорта. В то же время Россия наращивает промышленный экспорт в третьи страны за счет производственной базы региона. По мнению авторов, интеграционным институтам Союза необходимо проводить мероприятия по сглаживанию структурных дис-

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках темы государственного задания Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации «Развитие механизмов промышленной, технологической кооперации России с государствами – членами ЕАЭС для наращивания несырьевого неэнергетического экспорта в условиях санкций».

пропорций в кооперационных связях в ЕАЭС. Предполагается, что мероприятия должны быть дифференцированы по отраслям, учитывать характер «прямых» и «обратных» кооперационных связей между странами ЕАЭС.

Ключевые слова: региональные цепочки стоимости, промышленный экспорт, промышленная кооперация, промежуточная продукция, торговая интеграция.

УДК: 339.92, 339.94

EDN: TNBCPC

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_144_166

Введение

Развитие торговой интеграции является важнейшей задачей Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), поскольку способствует повышению международной конкурентоспособности национальных экономик, снижению цен на товары для потребителей и сокращению издержек производителей продукции. Особое внимание на современном этапе уделяется укреплению взаимной торговли промышленными товарами с высокими переделами. Одним из направлений деятельности интеграционных органов и институтов ЕАЭС становится формирование прочных производственно-коммерческих связей между фирмами стран-участниц в рамках региональных цепочек стоимости Союза (далее – РЦС²) [5; 17]. Включенность стран в их формирование и функционирование в настоящее время является глобальным трендом развития торговой интеграции, особенно в рамках региональных экономических объединений.

Сегодня Евразийский экономический союз является объединением, включающим в себя «естественных торговых партнеров», в классическом их понимании: страны блока в большинстве имеют сопредельные границы, исторически сложившиеся хозяйственные связи, определенную языковую и культурную общность.

Следует отметить, что в ЕАЭС реализуется ряд мероприятий по развитию производственных связей между государствами-членами; при этом используются как финансовые, так и нефинансовые механизмы. Одним из ключевых механизмов финансовой поддержки производственной кооперации, принятых недавно, является программа субсидирования процентов по кредитам и займам. На 2024 г. бюджет субсидирования составил 1,8 млрд руб., величина субсидии установлена в размере 100% ключевой ставки ЦБ/НБ. В приоритетном порядке

² В соответствии с устоявшимся в научной литературе подходом [16] под региональными цепочками стоимости авторы понимают единый воспроизводственный процесс создания готового комплексного продукта, осуществляемый последовательно в рамках одной или нескольких отраслей, соединяющий расположенные в одном макрорегионе производственные, обслуживающие и иные технологически связанные компании [16].

финансовая поддержка оказывается проектам, направленным на производство ранее не производимой в ЕАЭС продукции, на содействие наращиванию экспорта и созданию рабочих мест³. Ведущим нефинансовым механизмом поддержки производственно-коммерческих связей фирм стран Союза стала Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий ЕАЭС⁴. Ее создание направлено на информационное и консультационное посредничество партнерства промышленных компаний, что должно обеспечить прочные производственные связи в отраслях Союза. Особый приоритет отдается вовлечению малого и среднего бизнеса как локомотива диверсификации экономики объединения⁵. В то же время отмечается доминирование в отдельных экономиках Союза добывающего, аграрного сектора и базового машиностроения (отраслей с малым числом производственных стадий). В интеграционной конструкции ЕАЭС велика роль России, что сильно смещает в ее сторону концентрацию ключевых товаропотоков. Учитывая вышесказанное, перспективы развития торговой интеграции в ЕАЭС должны рассматриваться в контексте выравнивания существующих диспропорций в региональных цепочках стоимости.

Обзор литературы

Как уже отмечалось, региональные цепочки стоимости в последние годы получили признание в качестве одного из ключевых факторов развития торговой интеграции. Производственные связи, как правило, выстраиваются на долгосрочной основе, связывая отрасли отдельных стран в единое хозяйственное пространство. Как отмечают специалисты ЮНКТАД, наибольшая отдача от развития РЦС будет при выполнении трех условий: (1) внедрение технологических платформ, (2) содействие диверсификации межфирменных связей, (3) повышение емкости регионального рынка [17]. При этом сотрудничество в технологически продвинутых секторах (микроэлектроника, фармацевтика

³ Решение Евразийского межправительственного совета от 26 октября 2023 г. № 3 «Об утверждении Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами – членами Евразийского экономического союза» / Альта Софт. <https://www.alt.ru/tamdoc/23ms0003/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴ Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2021 г. № 5 «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года».

⁵ Решение Высшего евразийского экономического совета от 31 мая 2013 г. № 40 «Об основных направлениях координации промышленных политик Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации».

и т. п.) вызывает «каскадные импульсы», подключающие другие сектора экономики и создающие новые точки роста на пересечении устоявшихся способов производства в процессе решения новых технологических задач.

Проблема развития региональных цепочек стоимости на пространстве ЕАЭС неоднократно становилась предметом исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако, как отмечает Л.Б. Вардомский [4], интеграционным институтам Союза пока не удается добиться качественных результатов укрепления промышленной кооперации стран-участниц. Одними из причин отсутствия прогресса, по мнению автора, являются задержки в формировании общих отраслевых рынков и проблемы координации национальных экономических политик. Б.А. Хейфец в своей работе выступает с критикой существующей институциональной архитектуры ЕАЭС. Автор подчеркивает, что приоритетом развития экономической интеграции в Союзе должно быть не создание все новых наднациональных структур, а «формирование гибкого экономического партнерства современного типа» [12, с. 42]. В работе акцентируется значимость поддержки неформальной интеграции «снизу» в форме развития сети деловых контактов, что необходимо для гармоничного укрепления торгово-экономической интеграции на макроуровне.

В своей работе чл.-корр. РАН А.Н. Спартак и Г.В. Баландина [1] подчеркивают, что поддержка промышленной кооперации в ЕАЭС должна носить системный характер. Авторы указывают на необходимость наделяния кооперационной продукции особым нормативно-правовым статусом; такой продукции важно обеспечить свободный доступ на внутренний рынок Союза. По мнению А. В. Кузнецова [7], существенные препятствия развитию региональных цепочек стоимости лежат в плоскости национальных экономик; к таковым автор относит, прежде всего, нехватку финансовых ресурсов, а также недостаточный уровень поддержки государства. Помимо этого, в работе отмечается, что институты развития ЕАЭС (главным образом ЕАБР) при поддержке промышленной кооперации ориентируются на величину прибыли и срок окупаемости, что стимулирует смещение финансовых потоков в сторону сырьевого и энергетического секторов.

Существующие барьеры для гармоничного развития производственных связей в ЕАЭС раскрыты в работе А.А. Урунова и И.М. Морозовой [10]. По мнению авторов, препятствиями для промышленной кооперации в Союзе являются: недостаточное развитие рынков субконтрактации, незавершенность процессов структурных преобразований в промышленности, а также несовершенство нормативно-правовой основы, вследствие чего, помимо прочего, затрудняется процесс адаптации опыта поддержки промышленной кооперации в Евро-

пейском союзе. В качестве еще одного актуального барьера для развития РЦС на евразийском пространстве В.А. Смирнов и В.В. Сутырин видят усиление «сквозного» характера торгово-логистического маршрута Китай-ЕС, что рискует привести к превращению постсоветского региона в транзитно-сервисную зону. Исследователи из НИУ ВШЭ и Всемирного банка в своем докладе [6] замечают, что достижение максимального эффекта от РЦС в ЕАЭС возможно при участии промышленных фирм и исследовательских центров на всех стадиях создания добавленной стоимости, а также путем совершенствования поддержки приоритетных секторов промышленности.

Отдельным страновым аспектам функционирования региональных цепочек стоимости в ЕАЭС посвящены труды А.В. Белоусова, Т.А. Флегонтовой. Согласно расчетам А. В. Белоусова [2], Армения, Казахстан и Россия имеют потенциал кооперации в секторе поставки ресурсов, а Беларусь и Киргизия – в секторе переработки сырья. В свою очередь, как отмечает Т. А. Флегонтова [11], сегодня в ЕАЭС отсутствует отрасль, в которой могли бы эффективно сотрудничать все страны – члены объединения. Автор полагает, что Россия не в полной мере использует потенциал интеграции в региональные цепочки стоимости ЕАЭС.

Обобщив вышесказанное, можно выделить три актуальные проблемы развития РЦС ЕАЭС, отмеченные отечественными исследователями. Первая проблема – недостаточная эффективность институтов Союза в поддержке промышленной кооперации. Вторая – высокий уровень регуляторных барьеров и неразвитость общих рынков. Наконец, третья проблема – низкая степень производственной взаимосвязанности стран-участниц, обусловленная структурными различиями экономики.

В целях объективизации оценки развития региональных цепочек стоимости ЕАЭС важно изучить опыт исследований зарубежных авторов. Как полагает австрийский исследователь Дж. Эдер [14], промышленная кооперация в ЕАЭС во многом является выражением приоритетов промышленной политики России на региональном уровне. Существенным препятствием развитию РЦС ЕАЭС, по мнению автора, являются высокие нетарифные барьеры со стороны России по отношению к конкурентам из стран-партнеров. Эдер указывает на необходимость поддержки горизонтальных связей между «малыми» экономиками объединения в целях снижения их зависимости от России.

В статье индийских ученых С. Васудевана и М. Бабу [19] рассматривается влияние интеграции ЕАЭС на динамику промежуточной торговли между странами региона с позиции классических эффектов создания и отклонения торговли Я. Винера [20]. Ими было выявлено, что распределение данных эффектов между странами ЕАЭС является неоднородным. В экспорте полуфабрикатов наибольший прирост взаимного

экспорта отмечается у России и Армении. Для Беларуси и Казахстана характерны «центробежные» тенденции в направлении торговых потоков. Киргизия, по данным расчетов, меньше всего выиграла от евразийской интеграции с точки зрения развития внешней торговли.

Резюмируя, следует отметить, что пока существует определенный пробел в изучении роли региональных цепочек стоимости как существенного механизма укрепления торговой интеграции в ЕАЭС. В этой связи особую актуальность представляет научный поиск точек пересечения страновых потребностей и компетенций в целях укрепления торговой интеграции на евразийском пространстве.

Методология

В настоящей статье анализируется роль региональных цепочек стоимости как фактора укрепления торговой интеграции на пространстве ЕАЭС. Наша гипотеза состоит в том, что благодаря развитию взаимных производственных связей между компаниями стран-партнеров национальным экономикам ЕАЭС представляется возможность для наращивания взаимного промышленного экспорта. В качестве временного интервала был выбран период 1995–2022 гг., разбитый на отдельные малые интервалы в зависимости от аспекта анализа. В качестве основного объекта исследования выступили три наиболее крупные страны ЕАЭС: Беларусь, Казахстан и Россия, что обусловлено отчасти достаточно ограниченной ролью малых экономик Армении и Киргизии в формировании региональных цепочек добавленной стоимости. При этом значение указанных «малых экономик» учитывается при общей оценке взаимных торговых потоков и в других значимых аспектах.

Проверка гипотезы исследования производилась в три этапа. На первом этапе предстояло выяснить, произошла ли в целом переориентация торговли промышленными товарами «внутри» объединения. В рамках второго этапа было необходимо определить, каким образом страны – партнеры по ЕАЭС связаны друг с другом в региональных цепочках стоимости в промышленных секторах. Наконец, третий этап предполагал количественную оценку «ответной реакции» взаимного и внешнего промышленного экспорта стран Союза на изменение участия последних в региональных цепочках стоимости.

В целях решения задачи первого этапа исследования был рассчитан «коэффициент опережения» по методике, предложенной авторами (см. формула 1).

$$I_i = \left(\left(\frac{X_{i,m,t_1}}{X_{m,t_1}} - \frac{X_{i,m,t_0}}{X_{m,t_0}} \right) - \left(\frac{X_{i,g,t_1}}{X_{g,t_1}} - \frac{X_{i,g,t_0}}{X_{g,t_0}} \right) \right) \times 100\%, \quad (1)$$

где i – группа товаров, X – экспорт (m – взаимный, g – совокупный), t_0 – начальный период наблюдения, t_1 – конечный период наблюдения. Единицей измерения коэффициента опережения являются процентные пункты. Значения, превышающие единицу, свидетельствуют о том, что взаимный экспорт данного товара опережает совокупный объем экспорта в третьи страны; иными словами, это указывает на рост предпочтения товара как объекта взаимной торговли.

Методика выявления особенностей региональных цепочек стоимости ЕАЭС базировалась на традиционных подходах к количественному анализу глобальных цепочек стоимости [3; 5]. Были изучены производственные связи между странами – членами объединения; в частности, внимание было уделено тому, какой вклад вносят партнеры по ЕАЭС в стоимость промышленного экспорта стран Союза. Количественной метрикой выступил показатель «обратного» участия страны в цепочке стоимости, представленный в формуле 2. Он отражает долю промежуточных продуктов, происходящих из страны-партнера, в общей стоимости импортированных промежуточных продуктов, включенных в стоимость экспорта страны [15]. Чем выше показатель, тем сильнее зависимость экспорта страны от поставок из страны-партнера.

$$BP_{p,q} = \frac{FVA_{p,q}}{FVA_p}, \quad (2)$$

где: BP – показатель «обратного» участия, p – анализируемая страна, q – страна-партнер, FVA – стоимость промежуточных продуктов в экспорте страны p .

Решение задачи заключительного третьего этапа основывалось на эконометрическом моделировании взаимосвязи промышленного экспорта стран ЕАЭС от их участия в региональных цепочках стоимости. Оценивалась регрессия методом наименьших квадратов согласно формуле 3.

$$Ex_{p,j} = \beta_0 + \beta_1 BP_{p,j} + \beta_2 FP_{p,j} + \beta_3 GDPpc_p + e_{p,j}, \quad (3)$$

где: $Ex_{p,j}$ – промышленный экспорт отрасли j страны p , $BP_{p,j}$ – зарубежная добавленная стоимость экспорта отрасли j страны p , происходящая из аналогичной отрасли стран – партнеров по ЕАЭС (абсолютная характеристика «обратного» участия страны в РЦС), $FP_{p,j}$ – отечественная добавленная стоимость экспорта отрасли j страны p , входящая в экспорт аналогичной отрасли стран – партнеров по ЕАЭС (абсолютная характеристика «прямого» участия страны в РЦС), $GDPpc_p$ – ВВП на душу населения страны p , включенный в регрессионную модель в качестве контрольной переменной, $e_{p,j}$ – случайная ошибка. Выбор

формы регрессионной модели основан на предположении о позитивном влиянии участия в цепочках стоимости на объем промышленного экспорта страны. Предполагается, что встраивание в производственные и кооперационные связи компаний, локализованных в стране, в качестве поставщика комплектующих («прямое участие») и производителя готовой продукции («обратное» участие) обеспечивает ритмичность и бесперебойность производственного цикла. Это позволяет компаниям наращивать выпуск, направленный на удовлетворение зарубежного спроса. При этом для отдельных компаний и отраслей конкретной страны влияние «прямых» и «обратных» связей может различаться ввиду производственной специализации и уровня технологического развития.

В целях повышения качества и объясняющей способности модели используются робастные стандартные ошибки оценок регрессоров. Качество модели оценивается с помощью двух показателей: F-статистики и коэффициента детерминации R². Первый показатель проверяет совместную значимость регрессоров модели, второй отражает долю дисперсии исходных признаков, которую объясняет модель. В качестве объектов наблюдения выбраны Беларусь, Казахстан и Россия, общий период наблюдения – 1995–2020 г. В целях сравнительной оценки торговой интеграции в Союзе в разные промежутки времени используются два вспомогательных интервала: 2013–2017 гг. и 2018–2022 гг. Первый интервал отражает начальные эффекты Единого экономического пространства ЕАЭС, образованного в 2012 г. Второй интервал, согласно гипотезе, должен отразить укрепление торговой интеграции в Союзе на фоне реализации программ производственной и технологической кооперации, а также адаптации стран-участниц к внешним вызовам. Выбор общих временных и географических границ модели обусловлен наличием соответствующих данных в базе OECD Trade in Value Added.

Были построены два типа регрессионных моделей. В одном результирующий показатель $Ex_{p,j}$ характеризует взаимный экспорт, в другом – внешний (внерегиональный) экспорт. Согласно гипотезе, повышение «прямого» и «обратного» участия стран Союза в РЦС положительно влияет на наращивание промышленного экспорта [8].

В результате анализа выявлены различия в степени влияния указанных факторов между странами, отраслями и направлениями экспорта (внутри и вне ЕАЭС).

Результаты

Этап 1. Переориентация торговли промышленными товарами.
В таблице 1 представлены результаты расчетов коэффициента опере-

жения согласно формуле 1. Данные в этой таблице свидетельствуют, что переориентация торговых потоков в ЕАЭС происходит неоднородно как в страновом, так и в товарном выражении. Остановимся более подробно на каждой стране – участнице объединения.

Для Армении отмечается относительное предпочтение взаимной торговли по таким группам товаров, как промышленные товары, машины и транспортное оборудование, а также различные готовые изделия. При этом важно отметить, что доля промышленных товаров в общем и взаимном экспорте страны сокращалась, хотя в последнем случае темп снижения был существенно меньше. Однако в части пищевой продукции и непродовольственного сырья для Армении характерен фокус на предпочтение внешним рынкам сбыта. Беларусь не демонстрирует явного предпочтения для евразийского рынка сбыта практически по всей номенклатуре товаров. Исключением можно признать продукцию химической промышленности, доля которой во взаимном экспорте страны выросла с 7,1 до 8,2%. Центробежные тенденции наблюдаются в торговле промышленными товарами: растет их доля в общем экспорте при снижении доли во взаимном. В экспорте химической продукции Казахстана отмечается существенный положительный сдвиг в сторону единого евразийского рынка. При стагнации доли группы товаров в общем экспорте страны на сравнительно низком уровне, его доля во взаимном экспорте ускоренно растет и составляет на текущий момент порядка 12,2%. Схожая картина характерна и для группы «машины и транспортное оборудование»: сегодня ее доля во взаимном экспорте Казахстана превышает 10,0%.

Для России ситуация характеризуется особой спецификой, ввиду качественно большего масштаба национальной экономики по сравнению со странами – партнерами по ЕАЭС. Для нее внутренний рынок Союза имеет относительно меньшую значимость, на что указывают сравнительно малые значения коэффициента опережения. Тем не менее некоторое предпочтение рынку Союза отмечается для России в экспорте различных готовых изделий.

Резюмируя, отметим, что далеко не все страны ЕАЭС смогли переориентировать поставки на внутренний рынок объединения, что свидетельствует о низком уровне торговой связанности и недостаточной степени развития внутриотраслевых производственных связей. При этом нельзя не заметить тот факт, что определенные положительные сдвиги наблюдаются в экспорте химической продукции, машин и транспортного оборудования, а также различных готовых изделий Армении, Казахстана и России. Можно сделать вывод, что имеется определенный «задел» для дальнейшего развития региональных цепочек стоимости в промышленных секторах.

Таблица 1

Коэффициент опережения (I) по группам товаров Международной стандартной товарной классификации (далее-МСТК) на уровне одного знака за период 2013–2017 гг. и 2018–2022 гг., %

Страна	Товар	Доля в общем экспорте, %				Доля во взаимном экспорте, %				I	Страна	Товар	Доля в общем экспорте, %				Доля во взаимном экспорте, %				I
		2013–2017	2018–2022	D, п.п.	D, п.п.	2013–2017	2018–2022	D, п.п.	D, п.п.				2013–2017	2018–2022	D, п.п.	D, п.п.	2013–2017	2018–2022	D, п.п.	D, п.п.	
Армения	МСТК 0	6,49	7,41	0,92	24,60	23,09	-1,51	-2,43				МСТК 0	11,82	10,83	-0,99	18,96	21,00	2,03	3,03		
	МСТК 1	20,00	17,31	-2,69	44,14	28,57	-15,57	-12,88				МСТК 1	1,70	1,13	-0,57	1,64	1,73	0,09	0,65		
	МСТК 2	26,18	33,23	7,05	2,11	5,77	3,66	-3,39				МСТК 2	11,42	17,14	5,73	18,38	33,32	14,94	9,21		
	МСТК 3	3,47	1,81	-1,66	0,15	0,35	0,19	1,85				МСТК 3	6,98	5,15	-1,83	6,94	1,07	-5,87	-4,04		
	МСТК 4	0,02	0,02	0,01	0,01	0,02	0,01	0,00				МСТК 4	0,02	0,16	0,14	0,01	0,03	0,02	-0,12		
Кипр	МСТК 5	1,57	1,44	-0,13	2,35	3,09	0,75	0,88				МСТК 5	2,46	1,58	-0,89	4,49	3,72	-0,76	0,12		
	МСТК 6	23,74	14,61	-9,13	11,24	10,39	-0,85	8,28				МСТК 6	7,87	7,12	-0,74	9,48	9,51	0,03	0,78		
	МСТК 7	2,29	4,10	1,81	4,08	9,27	5,19	3,38				МСТК 7	7,57	4,80	-2,78	10,17	9,89	-0,28	2,50		
	МСТК 8	8,89	11,82	2,93	11,05	18,26	7,21	4,28				МСТК 8	7,00	6,03	-0,97	21,01	18,46	-2,55	-1,58		
	МСТК 9	6,78	7,38	0,59	0,28	1,19	0,92	0,32				МСТК 9	43,16	46,06	2,90	8,92	1,26	-7,66	-10,56		
Беларусь	МСТК 0	15,29	18,23	2,94	29,68	30,20	0,53	-2,41				МСТК 0	3,58	5,23	1,65	6,74	8,10	1,36	-0,29		
	МСТК 1	0,45	0,45	0,01	0,52	0,63	0,11	0,10				МСТК 1	0,30	0,26	-0,04	1,27	1,29	0,03	0,06		
	МСТК 2	3,17	4,93	1,76	1,91	2,70	0,78	-0,97				МСТК 2	3,63	4,50	0,87	3,55	3,61	0,06	-0,81		
	МСТК 3	23,98	14,41	-9,57	4,18	1,11	-3,07	6,50				МСТК 3	60,07	50,20	-9,87	31,93	23,05	-8,88	0,99		
	МСТК 4	0,31	1,42	1,11	0,10	1,30	1,21	0,10				МСТК 4	0,53	0,95	0,42	0,76	0,82	0,06	-0,36		
МСТК 5	16,02	15,95	-0,07	7,07	8,17	1,10	1,17				МСТК 5	5,27	5,48	0,21	8,90	10,00	1,10	0,89			

Окончание табл. 1

Страна	Товар	Доля в общем экспорте, %			Доля во взаимном экспорте, %			I	Страна	Товар	Доля в общем экспорте, %			Доля во взаимном экспорте, %			I
		2013–2017	2018–2022	D, п.п.	2013–2017	2018–2022	D, п.п.				2013–2017	2018–2022	D, п.п.	2013–2017	2018–2022	D, п.п.	
Беларусь	МСТК 6	15,40	17,32	1,92	17,16	16,88	-0,28	-2,20	Россия	МСТК 6	12,25	14,03	1,79	19,09	20,17	1,09	-0,70
	МСТК 7	16,77	18,20	1,42	25,89	26,51	0,62	-0,80		МСТК 7	5,12	4,74	-0,39	17,61	17,35	-0,27	0,12
	МСТК 8	7,09	8,24	1,16	11,28	11,44	0,16	-1,00		МСТК 8	1,50	1,27	-0,23	5,19	5,88	0,68	0,91
	МСТК 9	1,52	0,85	-0,67	2,22	1,06	-1,16	-0,49		МСТК 9	7,74	13,33	5,59	4,96	9,73	4,77	-0,82
	МСТК 0	3,53	4,77	1,24	7,49	7,10	-0,38	-1,62		МСТК 0	4,34	5,95	1,61	13,42	13,74	0,32	-1,29
	МСТК 1	0,28	0,27	0,00	1,60	1,65	0,04	0,05		МСТК 1	0,38	0,37	-0,01	1,39	1,51	0,13	0,14
	МСТК 2	5,72	8,22	2,50	30,42	29,97	-0,45	-2,94		МСТК 2	3,96	5,15	1,19	6,02	6,48	0,46	-0,73
	МСТК 3	68,89	62,89	-6,01	16,27	11,19	-5,08	0,92		МСТК 3	58,58	49,31	-9,28	22,00	15,80	-6,21	3,07
	МСТК 4	0,11	0,34	0,23	0,18	0,13	-0,05	-0,28		МСТК 4	0,47	0,90	0,44	0,50	0,84	0,34	-0,10
Казахстан	МСТК 5	4,88	4,56	-0,32	9,80	12,26	2,47	2,79	Всего ЕАЭС	МСТК 5	5,87	5,98	0,11	8,41	9,66	1,26	1,15
	МСТК 6	14,08	15,91	1,83	22,82	25,49	2,68	0,85		МСТК 6	12,66	14,46	1,80	18,74	19,67	0,93	-0,86
	МСТК 7	1,65	2,65	1,00	7,57	10,46	2,89	1,89		МСТК 7	5,46	5,31	-0,15	18,70	18,88	0,18	0,34
	МСТК 8	0,56	0,34	-0,22	2,28	1,37	-0,92	-0,70		МСТК 8	1,79	1,66	-0,13	6,80	7,05	0,25	0,38
	МСТК 9	0,30	0,06	-0,24	1,57	0,37	-1,20	-0,96		МСТК 9	6,68	11,23	4,54	4,03	6,36	2,33	-2,21

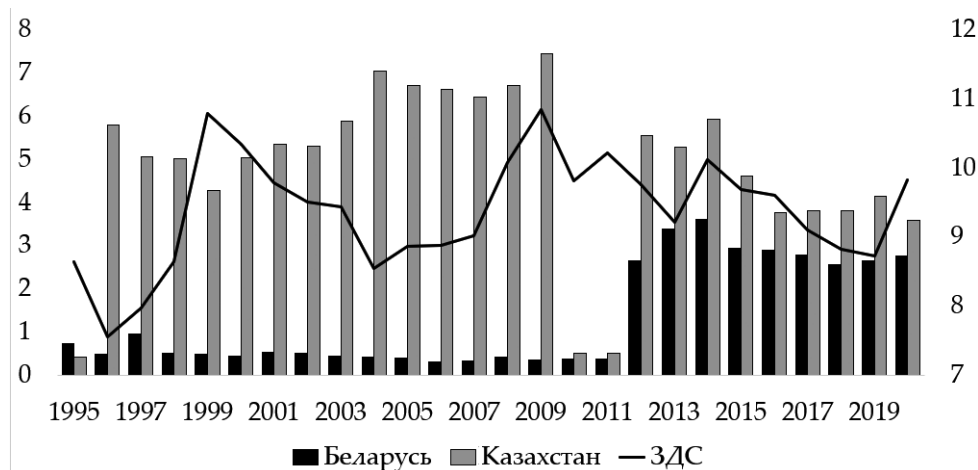
Примечание 1. МСТК 0 – пищевые продукты, МСТК 1 – напитки и табак, МСТК 2 – сырье непереработанное, кроме топлива, МСТК 3 – минеральное топливо, МСТК 4 – животные и растительные масла, МСТК 5 – химические вещества, МСТК 6 – промышленные товары, МСТК 7 – машины и транспортное оборудование, МСТК 8 – различные готовые изделия, МСТК 9 – прочие товары.

Примечание 2. Используются усредненные показатели долей за указанный период с целью сглаживания ценовых колебаний.

Источник: составлено авторами по: данные UNCTAD Stat. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 06.08.2024).

Этап II. Связанность стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости. По данным рис. 1 представляется возможным оценить доли Беларуси и Казахстана в зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения России, % (левая шкала), а также доли зарубежной добавленной стоимости в стоимости промышленного экспорта России, % от стоимости экспорта (правая шкала):

- доля зарубежной добавленной стоимости (далее – ЗДС) экспорта машиностроения России находится на сравнительно низком уровне: 10–13%, доля партнеров по ЕАЭС в ЗДС составляет для Беларуси всего – 1,9%, Казахстана – 3,7%;
- поставки промежуточной продукции из Беларуси существенно повысились только в 2012 г., а после 2015 г. находятся на стабильном уровне;
- в 2014 г. доля Казахстана в ЗДС экспорта машиностроения России составляла порядка 6%, однако после этого понизилась.

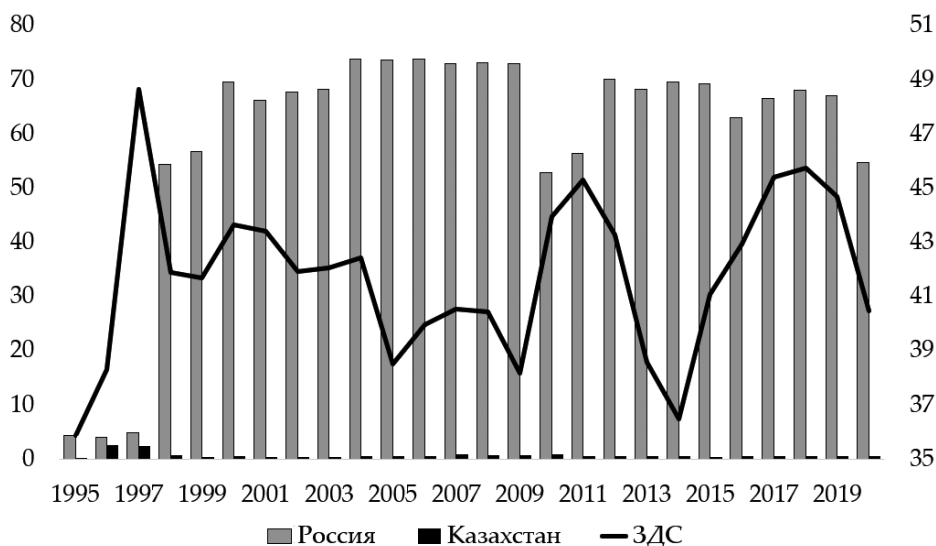
Источник: составлено авторами по: данные OECD TiVA. <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Рис. 1. Доля Беларуси и Казахстана в зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения России, % (левая шкала); доля зарубежной добавленной стоимости в стоимости промышленного экспорта России, % от стоимости экспорта (правая шкала)

Существующий спад в величине добавленной стоимости Казахстана в промышленном экспорте России в 2010–2011 гг., по мнению авторов, может быть объяснен изменениями и особенностями статистического учета внешнеторговых операций в процессе формирования Таможенного союза, начатого в 2010 г.

Из данных, представленных на рис. 2, видно, что экспорт продукции машиностроения Беларуси примерно на 50% состоит из ранее

импортированных промежуточных компонентов и различных производственных услуг. При этом примерно 70% зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения страны приходится на Россию. Ее доля в стоимости импортированных компонентов имеет стабильный характер, что свидетельствует об устойчивости сформированных и отсутствии новых кооперационных связей между странами. Поставки промежуточной продукции из Казахстана в Беларусь практически отсутствуют.

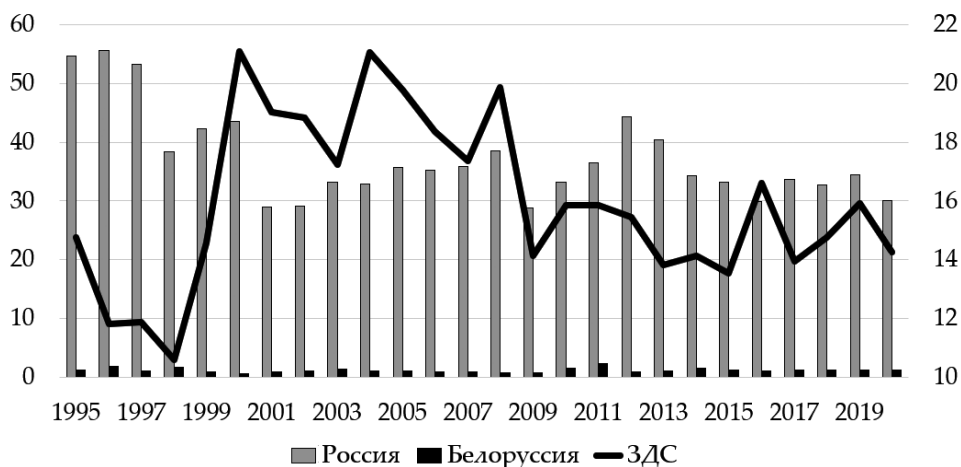

Источник: составлено авторами по: данные OECD TiVA. <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Рис. 2. Доля России и Казахстана в зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения Беларуси, % (левая шкала); доля зарубежной добавленной стоимости в стоимости экспорта машиностроения Беларуси, % от стоимости экспорта (правая шкала)

По данным рис. 3 можно выделить характерные черты участия Казахстана в РЦС ЕАЭС. Несмотря на то что ЗДС экспорта машиностроения страны находится на уровне 20% и демонстрирует тенденцию к снижению, поставки из России составляют порядка 40% промежуточных поставок в Казахстан. Поставки промежуточной продукции из Беларуси также не носят значимый характер. Из этого следует, что Казахстан существенно зависит от поставок из России, хотя и в меньшей степени, чем Беларусь.

Таким образом, на основе приведенных данных можно сделать вывод о том, что торговая связанность крупнейших стран ЕАЭС – Беларуси, и России – в региональных цепочках стоимости имеет асимметричный характер. Также можно выделить три особенности: (1) силь-

Источник: составлено авторами по: данные OECD TiVA. <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Рис. 3. Доля России и Беларуси в зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения Казахстана, % (левая шкала); доля зарубежной добавленной стоимости в стоимости экспорта машиностроения Казахстана, % от стоимости экспорта (правая шкала)

ная зависимость промышленного экспорта Беларуси и Казахстана от промежуточных поставок из России, (2) отсутствие горизонтальных производственных связей между Беларусью и Казахстаном, (3) относительно слабая включенность России в региональные цепочки стоимости ЕАЭС.

Резюмируя результаты исследования, полученные на основе двух последовательных этапов, можно выделить следующие основные положения. Во-первых, имеет место наличие общего тренда в экспорте товаров обрабатывающей промышленности, направленного на единый евразийский рынок, который характерен для компаний Армении, Казахстана и России. Во-вторых, фиксируется достаточно ярко выраженная тенденция активизации промышленной интеграции между странами Союза, реализуемая с участием России. И в-третьих, представляется недостаточным рост объемов промышленного экспорта государств – членов ЕАЭС, нацеленный на развитие единого внутреннего рынка объединения. При этом важно отметить, что зачастую страны Союза используют возможности евразийской промышленной интеграции для наращивания экспорта в третьи страны. В данной связи представляется актуальным оценить, какие возможности создают РЦС для роста взаимной торговли промышленными товарами.

Этап III. Влияние региональных цепочек стоимости на торговую интеграцию в ЕАЭС. На третьем, завершающем этапе эконометрическое моделирование позволило авторам определить направление и силу

воздействия участия стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости на наращивание взаимного (в пределах Союза) и внешнего (за его пределами) промышленного экспорта (см. табл. 2).

Таблица 2

Прогнозные оценки влияния РЦС в отдельных отраслях промышленности Беларуси, Казахстана и России на рост взаимного и внешнего экспорта по результатам эконометрического моделирования, в %

Сектор	Направление экспорта	BP	FP	GDPpc	F-стат-ка	R2, %
Беларусь						
Всего промышленность	Внешний	10,73***	-16,91***	1,68**	33***	84
	Взаимный	-0,25	23,42***	0,51	133***	96
Химическая промышленность	Внешний	26,20***	-9,91	0,00	27***	86
	Взаимный	-0,69	31,85***	0,06**	46***	95
Производство электроники	Внешний	14,22***	-176,58***	0,15***	61***	88
	Взаимный	-2,53	168,93***	0,07***	87***	96
Транспортное машиностроение	Внешний	38,71***	-96,06***	0,27***	11***	77
	Взаимный	15,48**	66,21***	-0,05	25***	87
Казахстан						
Всего промышленность	Внешний	22,93***	-9,68**	0,78***	238***	91
	Взаимный	-2,49***	6,71***	0,12***	351***	96
Химическая промышленность	Внешний	-5,05	-4,72	0,04***	74***	93
	Взаимный	-8,70***	22,79***	0,01***	107***	88
Производство электроники	Внешний	-30,21***	-10,38	0,00***	17***	60
	Взаимный	2,49	176,07***	0,01**	25***	85
Транспортное машиностроение	Внешний	25,40***	-16,49**	0,01***	89***	94
	Взаимный	0,00	111,46***	0,00	13***	80
Россия						
Всего промышленность	Внешний	30,09	38,92***	11,08*	91***	88
	Взаимный	6,04***	6,29***	0,77***	414***	97
Химическая промышленность	Внешний	-60,78	63,73***	1,74**	20***	78
	Взаимный	4,29	5,02***	0,19***	643***	96
Производство электроники	Внешний	61,35	-35,02***	0,33***	13***	61
	Взаимный	25,82	0,56	0,31***	60***	80
Транспортное машиностроение	Внешний	214,18***	2,31	0,16	16***	74
	Взаимный	55,65**	36,86***	0,12*	37***	84

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%.

Источник: составлено авторами.

Для сектора машиностроения ЕАЭС общим значимым фактором увеличения экспорта явилось «прямое» участие всех стран в региональных цепочках стоимости, что отражено показателем FR . Обнаружено, что рост отечественной добавленной стоимости экспорта машиностроения России в стоимости экспорта машиностроения партнеров по ЕАЭС на 1 млн долл. сопряжен с повышением экспорта машиностроения России на 6,29 млн долл. в аналогичном периоде. Для Казахстана аналогичный эффект составляет 6,71 млн долл., для Беларуси – 23,42 млн долл. Таким образом, наращивание промышленного экспорта Беларуси в большей степени, чем для других стран ЕАЭС, зависит от «прямого» участия в цепочках стоимости Союза, т. е. от поставки узлов и компонентов на внутренний рынок. Роль «обратного» участия в региональных цепочках стоимости для наращивания промышленного экспорта не одинакова для всех стран ЕАЭС. Ситуация для России выглядит аналогичной «прямому» участию: рост поставок промежуточной продукции и производственных услуг из стран – партнеров по объединению на 1 млн долл. сопряжен с ростом экспорта машиностроения на 6,04 млн долл. Следовательно Россия сравнительно равномерно интегрирована в региональные цепочки стоимости ЕАЭС. Для нее одинаково значима роль как поставщика компонентов, так и готовой продукции на внутренний рынок Союза. Случай Казахстана демонстрирует противоположную тенденцию: рост «обратного» участия страны в РЦС на 1 млн долл. способствует его снижению на 2,49 млн долл. Следовательно Казахстан не ориентирован на «принятие добавленной стоимости» от евразийских партнеров. Для страны предпочтительнее ориентация в качестве поставщика промежуточных продуктов.

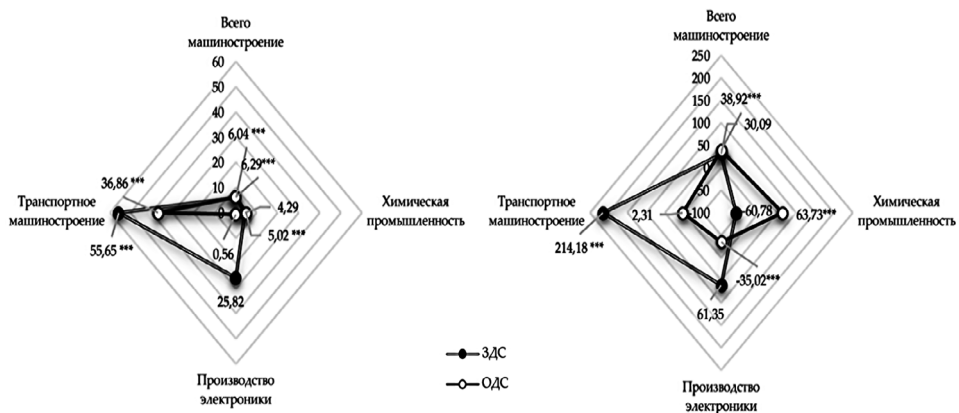
Применительно к сектору химической промышленности рост взаимного экспорта Беларуси и Казахстана в большей степени зависит от поставок промежуточных продуктов химического сектора в страны – партнеры по ЕАЭС (прежде всего в Россию). Стоит отметить, что «обратное» участие в цепочках стоимости химической индустрии не значимо для наращивания экспорта химических продуктов России и Беларуси. При этом для Казахстана рост поставок промежуточных продуктов из России и Беларуси сопряжен со снижением экспорта химической продукции на 8,70 млн долл., что свидетельствует об ориентации страны на закупки из третьих стран.

В секторе производства электроники наблюдается примечательная ситуация. Взаимный экспорт соответствующей российской продукции не зависит от ее участия в региональных цепочках стоимости. Для Беларуси и Казахстана крайне значима роль как поставщика промежуточных продуктов, при этом участие в качестве поставщика готовой продукции играет несущественную роль. Наконец, в секторе транспортного машиностроения стран – участниц ЕАЭС также прослеживается

ряд зависимостей. Применительно к транспортному машиностроению увеличение «прямого» («обратного») участия России в секторальных цепочках стоимости Союза на 1 млн долл. сопряжено с ростом экспорта машин и транспортного оборудования страны на 66,21 (15,48) млн долл. Аналогичная ситуация отмечается также и для Беларуси.

Исходя из данных рис. 4, представляется возможным оценить влияние «прямого» и «обратного» участия России в региональных цепочках стоимости ЕАЭС на стоимостной объем взаимного и внешнего экспорта России по отраслям:

- значение «обратного» участия во всех указанных секторах, кроме химической промышленности, выше для наращивания промышленного экспорта в третьи страны. То есть Россия во многом использует базу поставщиков из стран – партнеров по ЕАЭС для увеличения экспорта в третьи страны. Стоит отметить, что увеличение экспорта химической продукции достигается за счет снижения промежуточных поставок из ЕАЭС в пользу поставок из третьих стран.
- в химической промышленности и машиностроении в целом Россия опирается на «прямое» участие в региональных цепочках стоимости как механизм наращивания внешнего экспорта; в секторе транспортного машиностроения, напротив, «прямое» участие является фактором наращивания внутрирегионального экспорта машин и транспортного оборудования.
- рост экспорта продукции электроники России обеспечивается снижением «прямого» участия в региональных цепочках стоимости в пользу увеличения промежуточных поставок в третьи страны.

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Оценка влияния «прямого» и «обратного» участия России в региональных цепочках стоимости ЕАЭС на стоимостной объем взаимного и внешнего экспорта России по отраслям (млн долл. на 1 млн долл. прироста «прямого» (FP) / «обратного» (BP) участия)

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование позволило получить результаты, необходимые для проверки гипотезы о положительном влиянии участия стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости как механизма укрепления торговой интеграции, обеспечивающего наращивание взаимного промышленного экспорта. Как удалось установить, актуальная структура РЦС имеет «зонтичный характер»: Беларусь и Казахстан находятся в существенной зависимости от поставок промежуточных товаров из России. При этом горизонтальные производственные связи между двумя странами фактически отсутствуют. В то же время, согласно полученным результатам, Россия в целом слабо интегрирована в региональные цепочки стоимости, что коррелирует с выводами предшествующих исследований.

Эконометрическое моделирование позволило подтвердить основную гипотезу исследования. Обнаружены страновые особенности влияния региональных цепочек стоимости на торговую интеграцию в ЕАЭС. Так, взаимный промышленный экспорт Беларуси, Казахстана и России активно возрастает по мере встраивания в РЦС национальных поставщиков промежуточных продуктов. При этом наращивание взаимного экспорта Казахстана имеет положительную корреляцию в части переключения промежуточных закупок со стран-партнеров на внешних поставщиков.

В секторальном разрезе также удалось выявить новые значимые аспекты. Выявлена определенная переориентация торговых потоков продукции химической промышленности и машиностроения Армении, Казахстана и России в сторону внутреннего рынка, что можно признать «точкой пересечения» интересов торговой интеграции в перспективе. Обнаружено, что драйвером взаимного экспорта химической продукции Беларуси и Казахстана является сотрудничество с российскими компаниями в форме поставки продукции меньшей степени переработки. Взаимный экспорт электроники России де-факто не зависит от участия в региональных цепочках стоимости. Наконец, в транспортном машиностроении наращивание взаимного экспорта Беларуси и России обеспечивается как «прямыми», так и «обратными» связями в РЦС, что говорит о более развитом характере производственной связанности стран ЕАЭС в данном секторе по отношению к другим упомянутым отраслям.

Подводя итог, необходимо признать, что подтверждаются положительные сдвиги в торговой интеграции стран – участниц ЕАЭС. Однако выявленная текущая конфигурация состояния и динамики региональных цепочек стоимости не позволяет в должной мере раскрыть потенциал торговой интеграции и производствен-

ного сотрудничества компаний стран Союза. Пока еще существующая система поддержки производственной кооперации в Союзе недостаточно учитывает страновую и отраслевую специфику. По нашему мнению, для улучшения ситуации необходимо внедрение индивидуализированных механизмов и правил субсидирования, основанных на эмпирически доказанных потребностях конкретных стран и отраслей. При этом важно анализировать и осуществлять мониторинг актуальных взаимосвязей стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости, а также обосновывать, разрабатывать и предпринимать системные меры на наднациональном и на национальных уровнях по их использованию в механизмах укрепления торговой интеграции.

По нашему мнению, наднациональным институтам совместно с уполномоченными органами государств – членов ЕАЭС следует сосредоточить фокус своих совместных решений на совершенствовании механизмов выравнивания структурных диспропорций РЦС, на поддержке промышленной интеграции в тех секторах и звеньях цепочек стоимости, которые, как показало исследование, способны дать наибольший экономический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баландина Г.В., Спартак А.Н.* Перспективы и ограничения участия России в региональных и глобальных цепочках стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 11. С. 3–16. EDN: ZWBKLP.
2. *Белоусов А.В.* Анализ движения добавленной стоимости в экспорте продукции стран ЕАЭС // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. 2023. № 3. С. 13–16. EDN: ПНУWK.
3. *Быков А.А., Колб О.Д.* Глобальные цепочки стоимости: эволюция, стратегии, перспективы для Беларуси // Современные формы организации бизнеса: международный опыт и перспективы развития в Беларуси / Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь, Восточный комитет германской экономики. Минск: УП «Интегралполиграф», 2017. С. 97–123. EDN: YQHTNU.
4. *Вардомский Л.Б.* Пространственное измерение евразийской интеграции // Региональные исследования. 2021. № 4 (74). С. 18–28. EDN: ETZADR.
5. *Варнавский В.Г.* Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 5–15. EDN: YMGSON.
6. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К.О. Вишневецкий, М.К. Глазатова и др. / отв. ред. Т. А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с. ISBN 978-5-7598-1978-3 (в обл.). ISBN 978-5-7598-2002-4.

7. Кузнецов А.В. Промышленная кооперация ЕАЭС в условиях глобальной нестабильности // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 11. С. 6–23. EDN: PBXXST.
8. Рожанская Е.А., Прикладова А.А. Статистические расхождения стоимостных объемов несырьевого неэнергетического экспорта из России в страны ЕАЭС // Экономическое развитие России. 2022. № 8 (29). С. 24–30. EDN: VNBСРJ.
9. Смирнов В.А., Сутырин В.В. Евразийский интеграционный проект России: перспективы симметричной модели развития // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 122–134. EDN: BWALFJ.
10. Урунов А. А., Морозова И.М. Кооперация и субконтрактация предприятий как форма углубления процесса интеграции стран в рамках Евразийского экономического союза // Управление. 2021. Т. 9. № 1. С. 49–60. EDN: UARJNZ.
11. Флегонтова Т.А. Участие стран ЕАЭС в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 1. С. 73–84. EDN: XTDOIH.
12. Хейфец Б.А. Евразийский экономический союз – время для модернизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 29–50.
13. Cigna S. [et al]. Global value chains: measurement, trends and drivers // Occasional Paper Series. European Central Bank. January 2022. No. 289. <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scopos/ecb.op289~95a0e7d24f.en.pdf>
14. Eder J. Moving towards developmental regionalism? industrial cooperation in the Eurasian Economic Union from an Armenian and Belarusian perspective // Post-Communist Economies. 2020. No. 33 (2–3). Pp. 331–358. DOI: 10.1080/14631377.2020.1793590.
15. Global Value Chains Development Report 2023 // WTO Publications. https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvc_dev_rep23_e.htm
16. Hanzl-Weiss D., Leitner S. M., Stehrer R., Stöllinger R. Global and Regional Value Chains: How Important, How Different? // WIIW Research Report. 2018. No. 427. The Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW), Vienna.
17. Regional Integration and Cooperation in a Changing World // Asian Development Bank. 2013. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30224/regional-cooperation-changing-world.pdf>
18. Trade and Development Report // UNCTAD. 2022. <https://unctad.org/tdr2022>.
19. Vasudevan S., & Babu M.S. Global production sharing and trade effects: an analysis of Eurasian Economic Union // Eurasian Economic Review. 2021. Vol. 4. No. 11. Pp. 633–665. DOI: 10.1007/s40822-021-00179-0.
20. Viner J., Oslington P. The Customs Union Issue (Revised ed.). Oxford University Press, 2014.

REFERENCES

1. Balandina, G. V., Spartak, A. N. Prospects and limitations of Russia's participation in regional and global value chains // Russian Foreign Economic Journal. 2024. No. 11. Pp. 3–16. EDN: ZWBKLP. (In Russ.).
2. Belousov, A.V. Analysis of the Value Added Shift in the Export of Products in the EAEU Countries // Economic Bulletin of the Scientific Research Economic Institute

- of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus. 2023. No. 3. Pp. 13–16. EDN: ПНУWK. (In Russ.).
3. *Bykov, A. A., Kolb, O.D.* Global value chains: evolution, strategies, prospects for Belarus // Modern forms of business organization: international experience and development prospects in Belarus / The Council for the Development of Entrepreneurship in the Republic of Belarus, the Eastern Committee of the German Economy. Minsk : UE «Integralpoligraf», 2017. Pp. 97–123. EDN: YQHTNU. (In Russ.).
 4. *Vardomskiy, L.B.* Spatial Dimension of Eurasian Integration // Regional Studies. 2021. Vol. 74. No. 4. Pp. 18–28. EDN: ETZADR. (In Russ.).
 5. *Varnavskii, V.G.* International Trade in Value Added Terms: Methodological Issues // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. No. 1. Pp. 5-15. EDN: YMGSON. (In Russ.).
 6. Economic integration of Eurasia: strategic prospects for the development of the Russian Geography of the Year [Text]: doc. c. XX Apr. international scientific. Conference on the problem of non-economic development of boilers, Moscow, 9-12 Apr. 2019 / T. V. Bordachev, K. Friglit. Vishnevsky, M. K. Glazatov et al.; rel. land rent. T. A. Meshkov; National this is a study. Kostin Higher School of Economics. M.: This is decreasing. Higher Economics Dota school, 2019. 123 p. ISBN 978-5-7598-1978-3 (V. Vol.). ISBN 978-5-7598-2002-4 (In Russ.).
 7. *Kuznetsov, A.V.* EAEU industrial cooperation in a global instability // Problems of theory and practice of management. 2020. No. 11. Pp. 6–23. EDN: PBXXST. (In Russ.).
 8. *Rozhanskaya, E.A., Prikladov, A.A.* Statistical discrepancies in the value of non-primary non-energy exports from Russia to the EAEU // Economic development of Russia. 2022. Vol. 29. No. 8. Pp. 24–30. EDN: BNBCPJ. (In Russ.).
 9. *Smirnov V., Sutyurin V.* The Russian Project of Eurasian Integration: Towards the Symmetric Development Model // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68. No. 12. Pp. 122–134. EDN: BWALFJ. (In Russ.).
 10. *Urunov A.A., Morozova I.M.* Cooperation and subcontracting enterprises as a form of deepening the process of integration within the Eurasian Economic Union. // Upravlenie. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 49–60. EDN: UARJNZ. (In Russ.).
 11. *Flegontova, T. A.* GVCs: Participation of EAEU countries // Russian Foreign Economic Journal. 2017. No. 1. Pp. 73–84. EDN: XTDOIИ. (In Russ.).
 12. *Kheyfets B.A.* Eurasian Economic Union – Time for Modernization // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 29–50. (In Russ.)
 13. *Cigna, S.* [et al]. Global value chains: measurement, trends and drivers // Occasional Paper Series. European Central Bank. January 2022. No. 289. <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scopos/ecb.op289~95a0e7d24f.en.pdf>
 14. *Eder, J.* Moving towards developmental regionalism? industrial cooperation in the Eurasian Economic Union from an Armenian and Belarusian perspective // Post-Communist Economies. 2020. Vol. 33. No. 3. Pp. 331–358. DOI: 10.1080/14631377.2020.1793590.
 15. Global Value Chains Development Report 2023 // WTO Publications. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvc_dev_rep23_e.htm
 16. *Hanzl-Weiss, D., Leitner, S. M., Stehrer, R., Stöllinger, R.* Global and Regional Value Chains: How Important, How Different? // WIIW Research Report. 2018. No. 427. The Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW), Vienna.

17. Regional Integration and Cooperation in a Changing World // Asian Development Bank. 2013. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30224/regional-cooperation-changing-world.pdf>
18. Trade and Development Report // UNCTAD. 2022. <https://unctad.org/tdr2022>
19. *Vasudevan, S., & Babu, M. S.* Global production sharing and trade effects: an analysis of Eurasian Economic Union // Eurasian Economic Review. 2021. Vol. 4. No. 11. P. 633–665. DOI: 10.1007/s40822-021-00179-0.
20. *Viner, J., Oslington, P.* The Customs Union Issue (Revised ed.). Oxford University Press, 2014.

Дата поступления рукописи: 25.01.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Валерий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6351-2594

valabr@yandex.ru

Васильченко Александр Дмитриевич – аспирант Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

ORCID: 0000-0002-4904-1562

Vasilchenko.ad7@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valery L. Abramov – Dr. Sci.(Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute for Research of International Economic Relations, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6351-2594

valabr@yandex.ru

Alexander D. Vasilchenko – PhD student at P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

ORCID: 0000-0002-4904-1562

Vasilchenko.ad7@mail.ru

REGIONAL VALUE CHAINS AS A DRIVER OF TRADE INTEGRATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article dissects main characteristics of the EAEU regional value chains. The hypothesis of a positive correlation between member states' participation in regional value chains and their intraregional industrial exports has been tested. The results obtained suggest a preferential shift to industrial goods in the intra-regional trade since the launch of the integration; the most punctuated this shift is in chemical industry products and machinery. The study also identifies country-specific patterns in the involvement of EAEU countries in regional

value chains. Russia's dependence on cooperative links with its EAEU partners is relatively low. In contrast, the exports of Belarus and Kazakhstan rely greatly on the Russian value added. Generally, value added flows within the Union are heavily skewed towards Russia. It has been unveiled that forward linkages in regional value chains impact positively on the volume of intra-regional industrial exports. At the same time, Russia is increasing its industrial exports to third countries by leveraging the region's production base. In our opinion, EAEU integration institutions need to implement new programs aimed at leveling of structural disproportions of regional cooperation links. It is suggested that such measures should be sector-specific and take into account forward and backward cooperative linkages among EAEU countries.

Keywords: *EAEU, regional value chains, industrial exports, industrial cooperation, intermediate goods, economic integration.*

JEL: F15, F17.

В.Ю. САЛАМАТОВ

доктор экономических наук, кандидат технических наук,
профессор, директор Института международной торговли и устойчивого
развития МГИМО МИД России, заведующий кафедрой
«Торговое дело и торговое регулирование»

А.В. ТАНГАЕВА

начальник отдела тарифных барьеров и доступа на рынки
Исследовательского центра «Международная торговля и интеграция»

А.А. ЖАРКОВА

специалист исследовательского центра
«Международная торговля и интеграция»

**МЕГАРЕГИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
ФРАГМЕНТАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
СТРАТЕГИИ ЕС И КИТАЯ**

В условиях трансформации международной экономической системы, вызванной кризисом глобальных институтов, ростом регионализации и политизацией экономических отношений, мегарегионализм становится важным инструментом международной торговли. Авторы исследуют проблему применения ЕС и Китаем мегарегиональных подходов во внешнеэкономической политике в целях укрепления позиций своих стран в глобальной экономике, используя различные модели интеграции. В статье рассматриваются, как различия в стратегиях ЕС и Китая отражают их геоэкономические приоритеты, особенности и реакцию на вызовы фрагментации мировой экономики.

Ключевые слова: мегарегионализм, фрагментация мировой экономики, Европейский Союз, Китай, Один пояс — один путь (ОПОП), торговая политика.

УДК: 339.54

EDN: THPCWN

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_167_184

Введение

На процессы в мировой экономике все более существенное влияние оказывают новые факторы: усиление роли региональных центров, возрастание значимости Глобального Юга, растущая роль научно-технических инноваций, кризис международных институтов и углубляющаяся политизация экономических отношений.

Одной из центральных тенденций международной торговой системы становится мегарегионализм, который за последние годы зарекомендовал себя как важный инструмент содействия и поддержания интеграции мировой торговли. Настоящая статья ставит своей целью анализ подходов двух ведущих игроков – Европейского Союза и Китая – к использованию инструментов мегарегионального сотрудничества в их экономической политике. В рамках работы предполагается выявить основные направления и ключевые различия в применяемых ими подходах.

Предпосылки и направления трансформационных процессов в международной экономической системе

Международная экономическая система, которая с середины XX в. развивалась в условиях растущего влияния процесса глобализации, столкнулась с новым серьезным вызовом – геоэкономической фрагментацией. Это явление было вызвано политикой протекционизма, торговыми войнами, усилением технологической конкуренции. Пандемия COVID-19 еще более укрепила тенденцию к фрагментации мировой экономики, вынудив страны сосредоточиться на защите национальных интересов, увеличении объемов внутреннего производства и снижении зависимости от импорта.

Произошедшая в начале 2020-х годов эскалация санкционных практик в качестве инструмента сдерживания конкурентов и борьбы за глобальное лидерство придала процессу фрагментации масштабное геополитическое измерение.

В рассматриваемом контексте заслуживает внимания вопрос соотношения процессов регионализации, когда усиливается интеграция экономик в рамках отдельных регионов, и фрагментации мировой экономики. Некоторые эксперты рассматривают фрагментацию как часть процесса регионализации [1, с. 129]. По нашему мнению, это некорректный подход, особенно на фоне происходящей в настоящее время геоэкономической фрагментации. Регионализация не является противоположностью глобализации, а лишь обеспечивает возможность получения дополнительных выгод и положительных экономических результатов, которые могут быть получены странами-участницами за счет развития региональной экономической интеграции. Сами же правила регионализации встроены в многостороннюю правовую систему ВТО. В свою очередь, геоэкономическая фрагментация содержит серьезные элементы деглобализации, поскольку сопровождается устойчивым, политически мотивированным изменением конфигурации международных торговых и инвестиционных потоков, что в целом негативно сказывается на развитии международной кооперации.

Одновременно растет политизация мировой торговли, что проявляется в развитии «френдшоринга» – стратегии, заключающейся в создании цепочек поставок только из дружественных стран. Одним из примеров применения этой практики является решение компаний из США и Европейского Союза перенести производство полупроводников и микроэлектроники из Китая в страны Восточной Европы и Мексику.

Современная геоэкономическая фрагментация является результатом кризиса глобального управления, когда торговые барьеры и стагнация международной торговли стали следствием мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., что особенно затруднило интеграцию для развивающихся стран.

А.Н. Спартак отмечает, что всплеск регионализации в 2000-х годах во многом стал реакцией на слабость и низкую эффективность ВТО как механизма, способного создавать благоприятные условия для интернационализации и транснационализации национальных экономик [2, с. 17]. А.П. Портанский также выделяет среди основных аспектов фрагментации экономики на современном этапе ослабление институциональной системы мировой торговли, т. е. ВТО [3].

Правовой механизм ВТО основан на принципе принятия решений посредством консенсуса. Этот механизм, с одной стороны, стал основанием для успеха организации в период активно развивающейся глобализации, а с другой – наиболее чувствительной проблемой в контексте роста числа участников организации и растущих тенденций фрагментации мировой экономики (см. подробнее: [3; 4]).

Кризис апелляционного органа ВТО является ярким примером кризиса функционирования организации. Апелляционный орган (Appellate Body), созданный в 1995 г. для обеспечения справедливого разрешения международных торговых споров, с 2019 г. фактически парализован из-за блокировки назначения арбитров Апелляционного органа ВТО представителями США. Это привело к тому, что в декабре 2019 г. Апелляционный орган (АО ВТО) остался без кворума, необходимого для рассмотрения апелляций, и с тех пор он не функционирует.

Подобная ситуация создает значительные риски, особенно для развивающихся и наименее развитых стран: баланс сил смещается в пользу более экономически развитых стран, которые могут решить игнорировать или «обжаловать в пустоту» решения, с которыми они не согласны.

В ответ на «паралич» АО ВТО, который оставил мировую торговую систему без ключевого механизма для разрешения споров на уровне апелляций, группа из 16 членов ВТО в марте 2020 г. создала Многостороннее временное апелляционное арбитражное соглашение (The WTO's Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement, MPIA)

в качестве альтернативного механизма разрешения спора. В настоящее время к Соглашению присоединились 54 страны – участницы ВТО¹.

Прекращение деятельности АО ВТО символизирует не только институциональный кризис экономической системы, но и глубокие изменения в мировом экономическом ландшафте, где торговля все больше определяется динамикой взаимоотношений между торговыми и политическими блоками, а не правилами свободного рынка.

Повышение роли инновационных технологических факторов

Одной из ключевых причин усиления интереса к технологическому развитию является процесс глобализации, который привел к неравномерному развитию мировых технологических рынков и к возникновению рисков, связанных с ненадежностью глобальных цепочек стоимости (ГЦС).

Финансовый кризис 2008-2009 гг. наглядно продемонстрировал уязвимость ГЦС, особенно для стран, которые не располагают необходимой цифровой инфраструктурой и опытом для полного использования технологических достижений. В результате полноценное участие развивающихся стран в цепочках добавленной стоимости может быть затруднено из-за существующих инфраструктурных барьеров.

Одним из наиболее заметных проявлений обострения глобальной инновационной конкуренции стал стремительный рост технологических возможностей Китая и других крупных развивающихся стран: рост Китая как технологического центра становился все более очевидным по мере развития инициативы «Цифровой Шелковый путь» (Digital Silk Road, DSR), части проекта «Один пояс – один путь» (Belt and Road Initiative, BRI).

«Цифровой Шелковый путь» включает в себя широкий спектр инициатив, в том числе развертывание сотовых сетей 5-го поколения (5G), оптоволоконных кабелей и строительство центров обработки данных. Эти инвестиции имеют решающее значение для формирования технологического ландшафта в регионах Тихоокеанской Азии, Африки и Ближнего Востока. На настоящий момент Китай значительно расширил присутствие своей цифровой инфраструктуры в этих регионах.

¹ Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA). URL: https://wtoplurilaterals.info/plural_initiative/the-mpia/ (дата обращения: 01.08.2024). 2. End of Year Edition – Against All Odds, Global R&D Has Grown Close to USD 3 Trillion in 2023 // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/end-of-year-edition> (дата обращения: 11.02.2025).

Кроме того, среди развитых стран происходит активная борьба за право регулировать технологические сферы и устанавливать нормы применения достижений научно-технического прогресса. Развитыми странами ведется борьба за регулирование технологических сфер. ЕС разрабатывает строгие нормы для ИИ, ограничивая использование высокорисковых технологий. Китай сочетает строгие меры регулирования с гибкими механизмами, развивая собственные технологические стандарты, а Сингапур ориентирован на стимулирование инноваций и саморегулирование в области ИИ.

Также ключевой ареной соперничества стала полупроводниковая отрасль: Китай стремится снизить свою зависимость от импорта микрочипов и активно инвестирует в развитие отечественного производства. В ответ США принимают меры для ограничения доступа Китая к передовым технологиям, включая санкции против китайских технологических компаний.

В этой связи еще одной из важных тенденций стала поддержка локализации критически значимых технологий и производств через респоринг и привлечение иностранных и отечественных инвестиций в новые производственные объекты.

Основной особенностью текущей ситуации является то, что передовые страны сохраняют преимущество в масштабах и структуре научных исследований, а также в объемах наукоемкого бизнеса, который активно ведет собственные разработки. В 2022 г. мировые расходы на НИОКР приблизились к рекордному уровню в \$3 трлн.

Соединенные Штаты Америки, по статистике за 2022 г., лидируют с общими инвестициями \$886,5 млрд. Важным обстоятельством здесь является то, что в США основную часть инвестиций предоставляют частные компании, при этом государственные инвестиции составляют \$204,9 млрд. Китай занимает второе место – расходы Китая на НИОКР по итогам 2023 г. составили более 3,3 трлн юаней (около \$458,5 млрд), Китай продемонстрировал рост инвестиций в НИОКР на 8,1% по сравнению с предыдущим годом [5].

Среди пятерки лидеров по расходам на НИОКР, по итогам 2023 г., в процентах от годового ВВП: Израиль (6,02%), Южная Корея (5,21%), США (3,59%), Бельгия (3,43%) и Швеция (3,41%). В России валовые расходы на НИОКР составили 0,94% от ВВП страны².

Таким образом, технологическое развитие становится новым «ресурсом» влияния в мировой политике и экономике. При этом страны, которые делают ставку на научные инновации, получают стра-

² End of Year Edition – Against All Odds, Global R&D Has Grown Close to USD 3 Trillion in 2023 // WIPO. <https://www.wipo.int/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/end-of-year-edition> (дата обращения: 11.02.2025).

тегическое преимущество, тогда как зависимые от природных ресурсов государства оказываются в уязвимом положении, что изменяет баланс сил в международной торговле.

Влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и пандемии COVID-19 на расстановку сил в глобальной экономике

Финансовый кризис 2008–2009 гг. обнажил взаимосвязь мировых финансовых систем и показал, как экономические потрясения в каком-либо одном регионе могут отразиться на ситуации во всем мире. Развитые экономики, особенно страны Европейского союза, оказались среди наиболее пострадавших. Несмотря на свои относительно сильные экономические связи, эти страны столкнулись с более серьезной рецессией, чем Соединенные Штаты Америки, даже на фоне устойчивого экономического роста ВВП (так, например, рост ВВП в странах ЕС составлял 3,4% в 2006 г. и 3,2% в 2007 г. – самые высокие показатели с 2000 г.). В результате кризиса ВВП в регионе сократился на 4,6%³, уровень безработицы в еврозоне резко вырос, дефицит бюджета превысил порог в 3% ВВП, а государственный долг превысил 60% ВВП.

Резкое сокращение мирового производства продукции, а также торговли и инвестиций в 2009 г., последовавшие за устойчивым экономическим ростом за предыдущие два года до этого, показали хрупкость развитых экономик мира.

Еще одним из важных результатов кризиса стало смещение импульса экономического развития от западных держав – традиционных лидеров к развивающимся экономикам. Хотя эти регионы не были застрахованы от кризиса и также испытали резкое падение экономического роста и существенное замедление торговли, инвестиций и денежных переводов, их относительная устойчивость и более быстрое восстановление резко контрастировали с длительной стагнацией в развитых экономиках.

По данным Всемирного банка, мировой ВВП сократился на 1,4% в 2009 г.⁴, что стало самым значительным падением с периода Второй мировой войны. В то время как развитые экономики (страны G7) понесли наибольшие потери (их ВВП сократился на 3,7%), развивающиеся страны показали более устойчивую динамику. Например, ВВП

³ GDP per capita growth (annual %) – European Union. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG?locations=EU> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴ GDP growth (annual %). <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения: 01.08.2024).

Китай продолжил свой рост и составил 9,4% в 2009 г., несмотря на глобальные экономические потрясения, а Индия продемонстрировала рост на уровне 7,9%⁵.

Таким образом, финансовый кризис 2008–2009 гг. не только трансформировал мировую финансовую систему, но и стал катализатором изменения мирового экономического баланса. Относительный спад развитых экономик и подъем развивающихся рынков переопределили глобальную экономическую динамику, заложив основу для усиления тенденции к многополярности мира.

Коронакризис, в отличие от предыдущих кризисов, вызвал оперативную реакцию правительств по всему миру, принявших экономические меры для смягчения серьезных последствий и уменьшения человеческих потерь. Однако такие меры привели и к возникновению новых вызовов.

В 2020–2021 гг. пандемия COVID-19 существенно повлияла на мировую торговлю. В частности, пострадали услуги, предоставляемые по 2-му и 4-му способам ГАТС (General Agreement on Trade in Services), где предполагается физическое присутствие исполнителя или потребителя.

Пандемия вызвала дисбаланс на рынке контейнерных перевозок, что привело к резкому росту фрахтовых ставок. Этот кризис в транспортной логистике только усугубил ранее существующую тенденцию к фрагментации мировой экономики. Многие страны ввели дополнительные меры по защите своих национальных рынков, что усилило торговый протекционизм. В результате произошло не только экономическое, но и физическое разделение мира, выразившееся в формировании новых, более локализованных и компактных цепочек поставок, которые приблизились к конечным потребителям [6].

Сильнее всего от COVID-19 пострадали экономики с высокой долей экспортной продукции и сферы туризма. В 2020 г. мировой ВВП сократился на 2,7%. Страны с большой долей туристского сектора в экономике, такие как Испания и Италия, понесли наибольшие убытки. ВВП Испании и Италии снизились на 11,2% и 9% соответственно. Туристский сектор, который составлял значительную часть экономик этих стран, оказался практически парализован из-за закрытия границ и ограничений на передвижение.

Страны, зависящие от экспорта нефти, такие как Россия и Саудовская Аравия, пострадали от резкого падения цен на нефть на фоне снижения глобального спроса. Так, например, в апреле 2020 г. цена на

⁵ Real GDP growth. https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/MAE (дата обращения: 01.08.2024).

нефть сорта Brent снизилась на 13,55% – до \$16,71 за баррель⁶. Ситуацию усугубили безуспешные переговоры между Россией и ОПЕК по вопросу сокращения добычи нефти⁷ в марте 2020 г.

Пандемия COVID-19 оказала неоднородное влияние на мировую экономику: развивающиеся страны демонстрировали большую устойчивость по сравнению с развитыми экономиками [6]. Также меньше всего пострадали страны с высокоразвитым цифровым сегментом экономики и сильным внутренним рынком. ВВП Китая в 2020 г. вырос на 2,2%, несмотря на значительный ущерб в первые месяцы пандемии, и Китай стал одной из немногих крупных экономик, показавших положительный рост. Быстрому восстановлению экономики Китая способствовали предпринятые его правительством срочные неординарные меры, в том числе по оперативному контролированию распространения вируса, активным инвестициям в цифровые технологии, а также по стимулированию спроса в рамках внутреннего рынка. Китай значительно увеличил свою долю в мировом экспорте, что позволило ему укрепить позиции в глобальной торговле. Экспорт Китая также вырос в 2020 г. на 4%, несмотря на глобальный спад⁸.

Условия, движущие силы и особенности формирования мегарегиональных торговых соглашений с участием ведущих мировых экономик

Мегарегиональные торговые соглашения (МРТС) стали ключевым элементом международной торговой системы в XXI в., отражая как глобальные изменения в экономической архитектуре, так и реакцию ведущих мировых экономик на новые вызовы. В докладе Всемирного экономического форума 2014 г., посвященном МРТС, они определяются как «глубокие интеграционные партнерства между странами или регионами, обладающие большим весом в международной торговле и прямых иностранных инвестициях, в которых два или более участников находятся в преимущественной лидерской позиции (paramount driver position) или выступают в качестве хабов в глобальных цепочках

⁶ Цена на нефть марки Brent упала ниже \$17 за баррель // Ведомости. 2020. 20 апреля. <https://www.vedomosti.ru/business/news/2020/04/22/828651-brent> (дата обращения: 01.08.2024).

⁷ Нефтяная сделка России и ОПЕК развалилась. Почему Москва отказалась от нового сокращения добычи // РБК. 2020. 6 марта. <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2020/5e621c139a7947397c940a99> (дата обращения: 01.08.2024).

⁸ Внешняя торговля Китая в 2020 году показала блестящие результаты // Eurasian Rail Alliance Index. 2021. 15 марта. <https://index1520.com/news/vneshnyaya-torgovlya-kitaya-v-2020-godu-pokazala-blestyashchie-rezultaty/> (дата обращения: 01.08.2024).

стоимости»⁹. Помимо доступа на рынки, акцент в такой интеграции сделан на достижении регуляторной совместимости и своде правил, нацеленных на сглаживание различий в инвестиционном и предпринимательском климате.

Политический фактор и френдшоринг сегодня играют определяющую роль в формировании МРТС. Дружественность стран и схожесть политических режимов становятся залогом успешной интеграции, особенно в условиях нарастающей геополитической напряженности. Политическая совместимость облегчает процесс согласования регуляторных норм и стандартов, что является одним из ключевых аспектов глубоких торговых соглашений.

Вместе с тем выгоды международной специализации и разделения труда остаются основным драйвером торговой интеграции. Глобальные цепочки создания стоимости, которые стали основой современной мировой экономики, требуют дальнейшей минимизации барьеров. Мегарегиональные соглашения создают благоприятные условия для такого рода специализации, упрощая доступ к рынкам и снижая транзакционные издержки.

Кроме того, угроза барьеров преференций, обусловленных наличием более мелких региональных соглашений, стимулирует страны к интеграции на опережение. Для ведущих экономик критически важно не остаться за пределами новых экономических блоков и избежать негативного воздействия от эксклюзивных торговых режимов. В этом контексте формирование МРТС рассматривается как стратегический шаг по упреждению создания таких барьеров и сохранению доступа к ключевым мировым рынкам.

Среди особенностей формирования МРТС следует выделить конкуренцию мегарегиональных блоков за потенциальных участников. Так, при принятии каждого соглашения его инициаторы стараются привлечь как можно больше стран для увеличения своего экономического веса и усиления влияния в международной торговле.

Другой важной особенностью является объединение рынков и экономик, значительно различающихся по масштабу и уровню развития. МРТС включают как развитые, так и развивающиеся страны, что требует особого подхода к разработке условий соглашений. В таких ситуациях неизбежно возникает необходимость в инклюзивном подходе, который позволяет сглаживать неравенство через специальные изъятия и переходные периоды для менее развитых экономик. Эта мера

⁹ Mega-regional Trade Agreements Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? // World Economic Forum. – P. 6. https://www3.weforum.org/docs/GAC/2014/WEF_GAC_TradeFDI_MegaRegionalTradeAgreements_Report_2014.pdf (дата обращения: 07.04.2025).

направлена на минимизацию потенциальных негативных последствий для стран с низким уровнем развития, обеспечивая более справедливое распределение выгод от интеграции.

Активизация мегарегиональных подходов в торговой политике ЕС

Европейский Союз является абсолютным лидером по количеству заключенных интеграционных соглашений в мире: в настоящее время в ЕС действуют 46 преференциальных торговых соглашений с 74 партнерами¹⁰. Соглашения о ЗСТ с такими крупными экономиками, как Япония, Канада и Корея, технически, с точки зрения ЕС, считаются двусторонними соглашениями, но де факто являются мегарегиональными, так как образуют паритет между несколькими экономическими полюсами.

ЕС, будучи сторонником многосторонней системы в рамках ВТО, сталкивается с дилеммой: как совмещать свои мегарегиональные амбиции с необходимостью поддержки многостороннего торгового порядка. Двусторонние и региональные соглашения ЕС, хотя и способствуют либерализации торговли, могут создавать сложности для стран, не участвующих в таких соглашениях, и ослаблять стимулы для многосторонних переговоров.

Переговоры между Европейским Союзом и МЕРКОСУР, объединяющим Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай, Боливию и Венесуэлу, начались более двадцати лет назад и на протяжении этого периода сопровождались сложным экономическим и политическим контекстом. К 2019 г. стороны вышли на итоговый текст Соглашения о ЗСТ, предусматривающий отмену тарифов на более чем 90% товаров. ЗСТ с МЕРКОСУР подразумевало значительные выгоды для европейских производителей, особенно в автомобильной, химической и фармацевтической отраслях. В свою очередь, МЕРКОСУР получил бы доступ к европейскому рынку для своих сельскохозяйственных продуктов, что особенно важно для таких стран, как Бразилия и Аргентина, чьи экономики в значительной степени зависят от аграрного экспорта. Однако процесс ратификации затянулся на фоне многочисленных противоречий, главным образом связанных с экологическими и социальными стандартами, что делает соглашение одним из самых обсуждаемых и спорных в современной торговой политике ЕС.

Участие ЕС в Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), одной из самых амбициозных инициатив в мировой

¹⁰ WTO Regional Trade Agreements Database. <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTA-Home.aspx> (дата обращения: 26.03.2016).

торговле, направленной на создание зоны свободной торговли между двумя крупнейшими экономическими полюсами – ЕС и США, предполагало снятие тарифных барьеров и глубокую гармонизацию стандартов и регуляторных норм. Страны ЕС столкнулись с серьезными опасениями по поводу снижения стандартов защиты потребителей, а также значительным сопротивлением со стороны гражданского общества.

ЕС и США объявили о начале возобновленного Трансатлантического партнерства на своем двустороннем саммите 15 июня 2021 г. Укрепление торговли, инвестиций и технологического сотрудничества является ключевым приоритетом обеих сторон в многостороннем и двустороннем контексте. Дав старт этой позитивной повестке дня, ЕС и США договорились создать Совет по торговле и технологиям ЕС–США в качестве платформы для сотрудничества. Целью Совета является расширение торговли и инвестиций, укрепление технологического и промышленного лидерства и стимулирование инноваций путем продвижения новых технологий и инфраструктуры, а также поощрения совместимых стандартов и правил, основанных на общих демократических ценностях¹¹.

Стороны согласились с необходимостью продвижения перехода к экономике с низкими выбросами углерода на взаимовыгодной основе и начали реализацию Трансатлантической инициативы по устойчивой торговле. ЕС и США решили продолжить работу по содействию трансатлантической торговле, дав толчок расширению существующих соглашений о взаимном признании для морского оборудования и фармацевтического сектора, изучить отраслевую оценку соответствия, например, в области машиностроения, или содействовать использованию цифровых инструментов для содействия двусторонней торговле и инвестициям¹². В области технологий Совет представил совместную дорожную карту по разработке общих инструментов и стандартов для надежного ИИ, начал сотрудничество в области квантовых технологий для общественного блага, согласовал механизм раннего предупреждения и повышенные обязательства по прозрачности для государственной поддержки в секторе полупроводников.

Еще одной из важнейших инициатив в этом контексте является запуск переговоров о Глобальном соглашении по устойчивому производству стали и алюминия. Идея соглашения появилась в результате торгового конфликта времен первого срока администрации

¹¹ U.S.-E.U. Trade and Technology Council (TTC). <https://ustr.gov/useuttcc> (дата обращения: 01.08.2024).

¹² Trade Policy Review: European Union. WTO. 2024. 5 июня. – 198 с. https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s442_e.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

Д. Трамп. В 2018 г. США ввели 25-процентную пошлину на импорт стали и 10-процентную пошлину на импорт алюминия со ссылкой на Раздел 232 Закона о расширении торговли 1962 г.¹³ с целью поддержки американских производителей.

США и ЕС решили начать переговоры о новом торговом соглашении, чтобы избежать полномасштабного торгового конфликта.

Запуск переговоров о Глобальном соглашении по устойчивому производству стали и алюминия произошел в 2021 г. Соглашение ставит своей целью решение общих проблем в мировом секторе стали и алюминия, вытекающих из глобального нерыночного избыточного потенциала и углеродоемкости отраслей.

Однако к установленному сроку, 31 октября 2023 г., стороны не смогли достичь окончательного соглашения. Основными препятствиями стали разногласия по вопросам углеродных тарифов и механизмов контроля за избыточными мощностями. В результате переговоры были продлены до конца 2023 г., но и к этому времени консенсус не был достигнут.

Возвращение Трампа в Белый дом в 2025 г. означает, что переговоры могут окончательно зайти в тупик. Администрация Дж. Байдена активно поддерживала инициативы по зеленой экономике, но Трамп, напротив, известен своим скептицизмом в отношении экологической повестки: в частности, после инаугурации в январе 2025 г. Д. Трамп объявил о выходе США из Парижского соглашения по климату¹⁴.

Уже в феврале 2025 г. США вновь ужесточили торговую политику, введя 25%-ные пошлины на импорт всей стали и алюминия.

Трамп заявил, что не будет делать исключений для каких-либо стран, включая Европейский Союз. Он подчеркнул, что его администрация «упрощает» правила торговли, устраняя любые лазейки для импортеров [7].

Эти меры вступят в силу 12 марта 2025 г., что даст торговым партнерам США минимальное время для адаптации. Европейский Союз оперативно отреагировал на решение Трампа, назвав новые тарифы «незаконными» и «контрпродуктивными с экономической точки зрения» [8].

Политическая нестабильность и возможное возвращение к более протекционистским позициям со стороны США может замедлить

¹³ Раздел 232 Закона о расширении торговли 1962 г. уполномочивает президента Соединенных Штатов корректировать импорт товаров или материалов из других стран, если количество или обстоятельства, сопутствующие этому импорту, считаются угрожающими национальной безопасности.

¹⁴ США выйдут из Парижского соглашения по климату. Текст: электронный // РБК : [сайт]. <https://www.rbc.ru/politics/20/01/2025/678e8bf09a79475efc26e49a> (дата обращения: 11.02.2025).

развитие сотрудничества в долгосрочной перспективе. Активизация торговой политики в сфере мегарегионализма сегодня в большей степени касается значительного, но пока не реализованного торгового и инвестиционного потенциала между ЕС и Индией.

Создание в апреле 2022 г. Совета по торговле и технологиям между ЕС и Индией открыло новое измерение взаимодействия в области торговли, технологий и безопасности. ТТС обеспечит политическое управление и необходимую структуру для координации подходов и продвижения технической работы в таких критических областях, как связь, зеленые технологии и устойчивые цепочки поставок.

В июне 2022 г. ЕС возобновил переговоры с Индией по Соглашению о свободной торговле и начал отдельные переговоры по Соглашению о защите инвестиций и Соглашению о географических указаниях.

В условиях роста протекционизма и усиливающейся экономической конкуренции со стороны Китая и США, ЕС стремится позиционировать себя как глобального защитника открытых рынков и справедливой торговли. Одним из приоритетов является заключение соглашений с экономиками, разделяющими ценности устойчивого развития и многостороннего подхода. В этом контексте особое значение приобретает инициатива «Зеленого соглашения», предусматривающая интеграцию климатических и экологических стандартов в торговые соглашения ЕС, развитие которого, однако, встречает трудности на фоне политических изменений в США.

Мегарегиональные соглашения ЕС направлены на достижение нескольких ключевых целей: углубление экономической интеграции с партнерами, продвижение высоких стандартов в области экологии и труда, а также укрепление правил и норм многосторонней торговой системы.

Таким образом, мегарегионализм – стратегический сдвиг в сторону более широких, комплексных соглашений, которые затрагивают многочисленные экономические аспекты, включая торговлю, инвестиции, экологические стандарты и цифровую экономику, и охватывают большие географические регионы и объединяют интересы разных экономических полюсов.

На фоне углубляющегося глобального экономического и политического раскола мегарегиональные соглашения ЕС сталкиваются с рядом вызовов. Прежде всего, внутренняя координация и согласование интересов всех государств – членов ЕС являются сложной задачей, учитывая различия в экономических и политических приоритетах. Процесс ратификации Соглашения с МЕРКОСУР, затянувшийся из-за экологических и социальных вопросов, является ярким примером таких трудностей. Кроме того, внешнеэкономическая политика ЕС сталкивается с новыми вызовами в связи с усиливающейся конкурен-

цией со стороны Китая и США, а также с непредсказуемостью геополитической ситуации. В этом контексте ЕС необходимо выстраивать гибкие стратегии, учитывающие возможность эскалации торговых споров и необходимость адаптации к новым экономическим реалиям, включая переход к более экологически устойчивым моделям развития.

Инициатива «Один пояс – один путь» как элемент мегарегиональной политики Китая

Проект «Один пояс – один путь», инициированный Китаем в 2013 г., предполагает объединение сухопутного и морского торговых путей для более эффективной доставки товаров в страны Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего Востока и Европы. Для этого предлагается соединить два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути», трансконтинентальный коридор, и «Морской Шелковый путь XXI века».

Для КНР, торгующей почти со всеми странами мира, транспортная связанность – ключевой фактор дальнейшего развития торговли и укрепления лидерских позиций в мировой экономике. Восемь стратегических целей Инициативы Пекина, принятые Председателем Си Цзиньпином на форуме «Один пояс – один путь» в октябре 2023 г., служат достижению «качественного» роста в ближайшие годы.

Цель номер один – эффективное функционирование коридора через Европу и Азию, что подразумевает преодоление всех «узких мест», возникающих на маршрутах нового Пути, а также достижение единого видения всех ключевых участников, включая Россию. На европейской стороне Пути возможные форматы сотрудничества включают сопряжение части программы ЕС «Глобальные ворота» с маршрутами «Один пояс – один путь».

Для ускорения решения вопросов транзита, а также для повышения эффективности таможенных процедур на всех маршрутах необходима успешная цифровизация торговли пространства Шелкового Пути. Данная цель должна найти свое отражение во всех двусторонних соглашениях о свободной торговле, в соглашениях об избежании двойного налогообложения и в инвестиционных договорах.

Реализация большинства проектов Инициативы финансируется за счет кредитов китайских банков, включая Китайский экспортно-импортный банк и Китайский банк развития. За последнее десятилетие Китай уже выделил на эти цели более 1,1 трлн долл. США, в ближайшее время ожидаются дополнительные финансовые вложения в размере 47,8 млрд долл. США.

Задача новых инвестиций – дать импульсы устойчивому развитию на пространстве Шелкового Пути. Китай объявил о намерении про-

двигать зеленое развитие. Кроме того, Китай намерен продолжить продвижение научных и технологических инноваций, в частности в энергетическом секторе, а также предложить странам Глобальную инициативу по управлению ИИ – в целях его безопасного развития [9].

Другой актуальной задачей для КНР является создание институтов «Один пояс – один путь», включая Секретариат, платформы для сотрудничества в области энергетики, налогообложения, финансов, зеленого развития, сокращения масштабов стихийных бедствий, борьбы с коррупцией, а также предпосылок для сотрудничества аналитических центров, СМИ, обмена в сфере культуры и в других областях.

Выводы

Несмотря на схожие цели, различия в мегарегиональных подходах ЕС и Китая обусловлены ориентацией на разные механизмы сотрудничества.

Подход ЕС ориентирован на многосторонние механизмы: мегарегиональные соглашения, охватывающие не только торговлю, но и стандарты в области экологии, труда и цифровых технологий. В то же время в стратегии Китая, помимо торговых соглашений, большую роль играют инвестиционные проекты – строительство транспортных коридоров и других инфраструктурных объектов. Такой подход позволяет Китаю стимулировать экономический рост и укреплять свое влияние в развивающихся странах.

Что касается внутренних вызовов, то здесь Китай сталкивается с проблемами, связанными с территориальными спорами и возможной политической и экономической зависимостью стран от китайских кредитов. Это может ослабить эффективность реализации проекта «Один пояс – один путь» в долгосрочной перспективе, особенно в случае возрастания политических рисков в странах, вовлеченных в проекты. ЕС, в свою очередь, сталкивается с трудностями внутренней координации между государствами-членами, что затрудняет процесс ратификации соглашений, как это видно на примере соглашения с МЕРКОСУР. Большим вызовом для Трансатлантического партнерства являются разногласия с США по вопросам торговой и климатической политики на фоне внутривнутриполитических изменений. ЕС вынужден преодолевать протекционистские тенденции и адаптироваться к новым реалиям на фоне конкуренции между США и Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор круглого стола «Перспективы развития мировой экономики в условиях глобальной экономической фрагментации» // Современная мировая экономика. 2024. № 2 (1). С. 128–133. <https://cwejournal.hse.ru/article/view/21965> (дата обращения: 01.08.2024).
2. *Спартак А.Н.* Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37.
3. *Портанский А.П.* ВТО: накопившиеся проблемы и перспективы после МК-13 // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2. № 1 (5). С. 70–82. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-70-82.
4. *Кулагин В., Мишутин Г.* Китай в 2023 году потратил на НИОКР более \$458 млрд // Ведомости. 2024. 6 марта. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/06/1023890-kitai-potratil-na-niokr-bolee-458-mlrd> (дата обращения: 01.08.2024).
5. *Саламатов В.Ю.* Мегарегиональные торговые соглашения // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 9. С. 17–27. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-17-27.
6. *Спартак А.Н.* Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 7–29. DOI: 10.24412.2072-8042-2022-7-7-29.
7. *Natalie Sherman.* Trump says no exemptions with metal tariffs to start in March // BBC. <https://www.bbc.com/news/articles/c360dz384n5o> (дата обращения: 11.02.2025).
8. *Jon Henley.* What are the tariffs on steel and aluminum Trump announced? // The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2025/feb/10/eu-says-it-will-retaliate-immediately-if-trump-imposes-new-tariffs> (дата обращения: 11.02.2025).
9. Инициатива глобального управления искусственным интеллектом // Министерство иностранных дел КНР. 2023. 20 октября. https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html (дата обращения: 01.08.2024).

REFERENCES

1. Review of the Round Table “Prospects for the Development of the World Economy in the Context of Global Economic Fragmentation” // Modern World Economy. 2024. No. 2 (1). Pp. 128–133. Available at: <https://cwejournal.hse.ru/article/view/21965> (accessed: 01.08.2024). (In Russ.).
2. *Spartak A.N.* Metamorphosis of the Regionalization Process: From Regional Trade Agreements to Megaregional Projects // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2017. Vol. 10. No. 4. Pp. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37. (In Russ.).
3. *Portansky A.P.* WTO: Accumulated Problems and Prospects after MC-13 // Modern World Economy. 2024. Vol. 2. No. 1 (5). Pp. 70–82. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-70-82. (In Russ.).
4. *Kulagin V., Mishutin G.* China Spent Over \$458 Billion on R&D in 2023 // Vedomosti. 2024. March 6. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/06/1023890-kitai-potratil-na-niokr-bolee-458-mlrd> (accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

5. *Salamatov V. Yu.* Mega-Regional Trade Agreements // World Economy and International Relations. 2016. Vol. 60. No. 9. Pp. 17–27. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-17-27. (In Russ.).
6. *Spartak A.N.* The transition to a new world economic order: stages, key features, challenges, and solutions for Russia // Russian Foreign Economic Journal. 2022. №7. Pp. 7–29. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29 (In Russ.).
7. Trump Says No Exemptions with Metal Tariffs to Start in March // BBC. Available at: <https://www.bbc.com/news/articles/c360dz384n5o> (accessed: 11.02.2025).
8. What Are the Tariffs on Steel and Aluminum Trump Announced? // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2025/feb/10/eu-says-it-will-retaliate-immediately-if-trump-imposes-new-tariffs> (accessed: 11.02.2025).
9. Initiative on Global Governance of Artificial Intelligence // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2023. October 20. Available at: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html (accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 03.03.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Саламатов Владимир Юрьевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, директор Института международной торговли и устойчивого развития МГИМО МИД России, заведующий кафедрой «Торговое дело и торговое регулирование», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6430-640X
VYSalamatov@itandi.ru

Тангаева Анна Вячеславовна – начальник отдела тарифных барьеров и доступа на рынки исследовательского центра «Международная торговля и интеграция», Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3319-2283
tangaeva.anna@mail.ru

Жаркова Анна Алексеевна – специалист исследовательского центра «Международная торговля и интеграция», Москва, Россия
ORCID: 0009-0006-5860-8555
aazharkova@itandi.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Yu. Salamatov – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Tech.), Professor, Director at the Institute of International Trade and Sustainable Development, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Head of the Department of Commerce and Trade Regulation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6430-640X
VYSalamatov@itandi.ru

Anna V. Tangaeva – Head of the Tariff Barriers and Market Access Department at the Research Center “International Trade and Integration,” Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3319-2283

tangaeva.anna@mail.ru

Anna A. Zharkova – Specialist at the Research Center “International Trade and Integration”, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0006-5860-8555

aazharkova@itandi.ru

MEGA-REGIONAL AGREEMENTS IN THE CONTEXT OF WORLD ECONOMIC FRAGMENTATION: EU AND CHINA STRATEGIES

Amid the transformation of the international economic system, caused by the crisis of global institutions, the rise of regionalization and the politicization of economic relations, mega-regionalism has emerged as a crucial tool in international trade. The authors examine how the EU and China apply mega-regional approaches in their trade policies to enhance their positions in the global economy, using different integration models.

The article explores how the differing strategies of the EU and China reflect their geo-economic priorities, peculiarities and responses to the challenges posed by the fragmentation of the global economy.

Keywords: *megaregionalism, fragmentation of the global economy, European Union, China, Belt and Road Initiative (BRI), trade policy.*

JEL: F02.

А.Г. ПЫЛИН

кандидат экономических наук, доцент,
доцент Кафедры международного бизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
старший научный сотрудник
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

КОНТУРЫ ТОРГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В НОВОЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

В статье проводится исследование динамики и структуры российско-белорусских торговых связей за последние двенадцать лет. Рассматриваются различные подходы Беларуси к многовекторности своего внешнеэкономического курса и их эволюция под влиянием внешних факторов. Выделяются основные особенности торгового взаимодействия России и Беларуси в досанкционный и санкционный периоды. Проводится анализ принятых в 2021-2024 гг. межгосударственных документов в контексте их влияния на углубление экономической интеграции в рамках Союзного государства. Автором делается вывод о переходе двух стран на новый этап сотрудничества – от транзитно-энергетической к промышленно-технологической связанности. Предлагаются некоторые рекомендации по дальнейшему экономическому взаимодействию двух стран.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, Союзное государство, торговое взаимодействие, связанность, санкции, импортозамещение, фрагментация мировой экономики.

УДК: 339.5, 339.9

EDN: UWDDCL

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_185_200

Введение

Экспортная ориентированность экономики Беларуси и ее расположение в географическом центре Европы – между Россией и Евросоюзом, на пути из Китая в Европу – во многом предопределили стремление данной страны к многовекторности внешнеэкономических связей. Выступая за союз с Россией и евразийский вектор интеграции, Респу-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 23-78-10163 «Влияние межгосударственной интеграции на межотраслевую и внутриотраслевую торговлю регионов российско-белорусского приграничья».

блика Беларусь позиционировала себя как «точку сборки» Евразии². Однако на практическую реализацию такой стратегии влияли как внутривосточная ситуация в самой Беларуси, так и сложная динамика взаимоотношений в треугольнике ЕС – Беларусь – Россия [4]. Тем не менее Беларусь стремилась сбалансировать свои отношения с соседями путем развития связей с другими странами и регионами.

В последние годы на фоне роста глобальной напряженности, введения санкций Запада против Беларуси и России [6], а также усиления процессов геополитической фрагментации мировой экономики [8] стратегия многовекторности серьезно трансформировалась вследствие снижения торгового взаимодействия Беларуси со странами Евросоюза и значительного роста белорусско-российской торговли. При этом Беларусь стремится расширить торговые связи с азиатскими странами, прежде всего с Китаем, за счет использования транзитного потенциала России [2]. Обе страны, подвергшиеся масштабному санкционному воздействию, были вынуждены преодолевать имеющиеся проблемы двусторонних отношений [9] и укреплять экономическое взаимодействие, которое в нынешних условиях определяется как «две страны – две экономики – одно экономическое пространство»³.

Целью настоящей работы является исследование основных тенденций, проблем и перспектив белорусско-российского торгового взаимодействия в досанкционный и санкционный периоды в контексте меняющихся внешних факторов и приоритетов развития двух стран.

Беларусь в поиске сбалансированной модели внешнеторгового взаимодействия

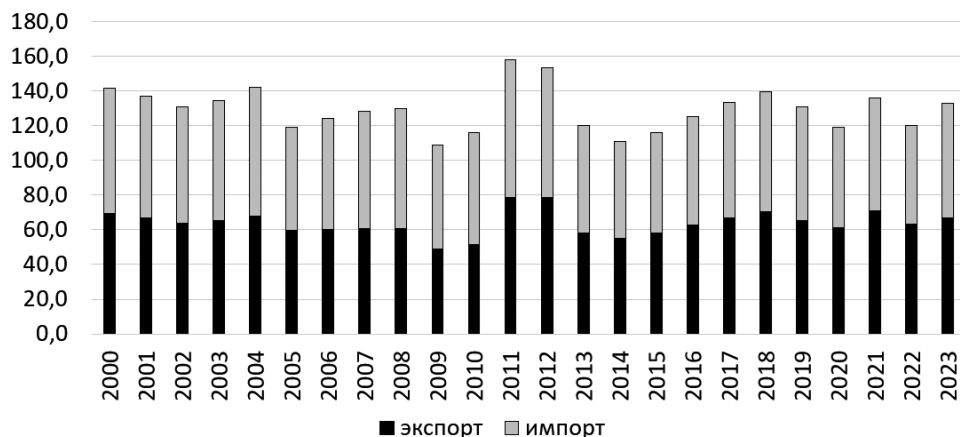
Беларусь традиционно характеризуется высокой торговой открытостью экономики (определяемой суммарной величиной объемов экспорта и импорта товаров и услуг в ВВП), что обуславливает ее сильную зависимость от динамики и характера торгового взаимодействия с внешним миром. При этом доли экспорта и импорта в белорусской экономике сопоставимы и в 2023 г. составляли 66-67% ВВП (см. рис. 1), что в 2,3 раза превышало среднемировые значения. По степени экспортоориентированности Беларусь соответствует таким странам, как Малайзия, Таиланд, Латвия, Чехия и Дания⁴, которые активно вклю-

² Дзермант А. Беларусь: особенности государственной идеологии и национальной идентичности. Центр Льва Гумилева. 2015, 18 июня // <https://www.gumilev-center.ru/belarus-osobennosti-gosudarstvennoj-ideologii-i-nacionalnoj-identichnosti/>.

³ Заседание Высшего Государственного Совета Союзного государства. Минск, 6 декабря 2024 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/75777>.

⁴ См. Exports of goods and services (% of GDP) // The World Bank. World Development Indicators. (Last Updated: 13.11.2024).

чены в региональные и глобальные цепочки добавленной стоимости. Такая высокая зависимость экономики от внешних рынков вынуждает диверсифицировать внешнеторговые связи для обеспечения их устойчивости к внешним шокам.

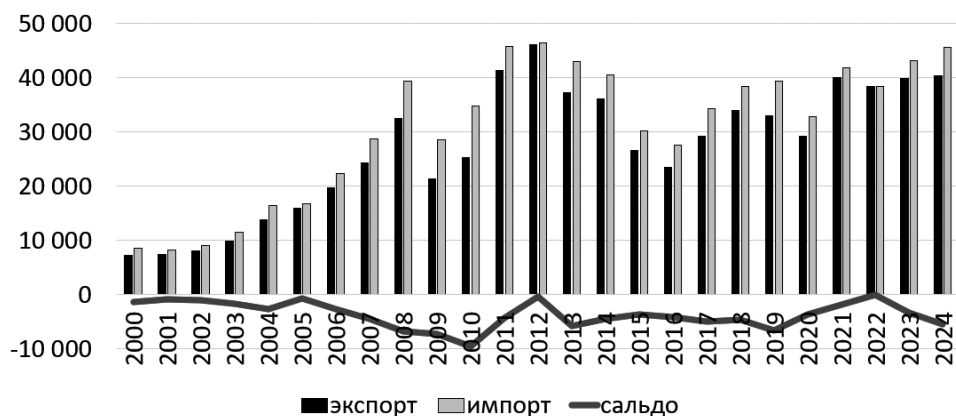
Источник: составлено по: данные The World Bank. World Development Indicators (Last Updated: 13.11.2024).

Рис. 1. Торговая открытость Беларуси в 2000-2023 гг., % ВВП

Другим фактором диверсификации внешней торговли товарами было стремление сократить отрицательное сальдо торгового баланса (см. рис. 2) из-за сложившихся ранее структурных особенностей взаимодействия Беларуси с Россией и странами ЕС. Так, в торговле с Россией вплоть до 2021 г. включительно Беларусь имела устойчивый дефицит торгового баланса, который составлял 3,4–11,2 млрд долл. в год, во многом из-за поставок российской сырой нефти, которая перерабатывалась на белорусских НПЗ для последующего экспорта нефтепродуктов в страны ЕС. Благодаря этому сальдо торговли товарами Беларуси со странами Евросоюза было более сбалансированным, хотя в большинстве случаев оставалось отрицательным⁵. В то же время Россия была крупнейшим рынком для сбыта белорусских машин и оборудования.

Руководство Беларуси всегда считало политику многовекторности единственно возможной для страны [4, с. 10], однако подходы к проведению такой политики менялись в соответствии с внутренними

⁵ Статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, ITC Trade Map и UNCTAD по взаимной торговле товарами Беларуси и стран ЕС значительно отличаются. По данным Белстата, сальдо в торговле товарами Беларуси со странами ЕС в 2020 г. было отрицательным и составляло -1,0 млрд долл., а в 2021 г. – положительным в размере 2,7 млрд долл.

Источник: составлено автором по: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Рис. 2. Динамика внешней торговли товарами Беларуси в 2000–2024 гг., млн долл.

и внешними факторами. Так, в соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. ставилась задача достижения планомерной диверсификации внешней торговли страны путем равного (треть – треть – треть) распределения экспорта белорусских товаров на рынках ЕАЭС – Европейского союза – стран «дальней дуги» и иных к 2020 г.⁶ Приоритетом на европейском направлении была интенсификация партнерства со странами ЕС в сферах торговли и высокотехнологичных инвестиций, транспорта, транзита, трансграничного и регионального сотрудничества, упрощения визового режима, охраны окружающей среды. При этом среди стран «дальней дуги» особое место отводилось Китаю с упором на инновационные и инвестиционные составляющие взаимоотношений⁷.

В 2018 г. в Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. был закреплен принцип многовекторности в международном сотрудничестве, который выражался в дальнейшей диверсификации внешней торговли страны, переориентации товарных потоков на новые, перспективные рынки при сохранении позиций на традиционных рынках с акцентом на развитии производственной кооперации⁸. В частности, ставилась задача сопряжения экономик в рамках ЕАЭС, евразийской «пятерки» со стра-

⁶ Указ Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы». С. 57.

⁷ Там же. С. 58.

⁸ Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года. Минск: Министерство экономики Республики Беларусь, 2018. С. 72–73.

тегией «Один пояс – один путь», а также европейских и евразийских интеграционных процессов. Планировалась полная нормализация отношений с ЕС и заключение базового соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Отмечалась необходимость продолжения системной работы по расширению дальней «внешнеполитической дуги» партнеров с целью диверсификации торговли.

Однако значительной диверсификации товарного экспорта Беларуси за счет укрепления позиций на европейских и азиатских рынках не произошло. Стоимостные объемы белорусского экспорта в страны ЕС были неравномерными и определялись преимущественно топливно-сырьевыми товарами – поставками нефтепродуктов, лесоматериалов, хлорида калия и удобрений. Европейский рынок для машинотехнической продукции из Беларуси оставался закрытым из-за тарифных и нетарифных барьеров, а также сильной конкуренции в рамках ЕС. Возможности переориентации на азиатские рынки ограничивались высокими транспортными издержками и нетарифными ограничениями. В итоге к 2021 г. на страны ЕС приходилось лишь 17,1% белорусского экспорта, на КНР – 2,7%⁹ (см. табл. 1).

Таблица 1

**Географическая структура внешней торговли товарами Беларуси
в 2012–2024 гг., %**

Страны	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт													
РФ	35,4	45,3	42,1	39,0	46,5	44,1	38,3	41,5	45,1	40,9	59,5	63,4	65,2
КНР	0,9	1,2	1,8	2,9	2,0	1,2	1,4	2,0	2,6	2,7	4,7	6,5	4,5
ЕС	36,8	25,2	21,3	20,7	19,0	18,3	20,7	18,1	18,5	17,1	9,1	3,9	3,5
прочие	26,9	28,3	34,8	37,4	32,5	36,4	39,6	38,4	33,8	39,3	26,7	26,2	26,8
Импорт													
РФ	59,4	53,2	54,8	56,6	55,4	57,2	58,8	55,8	50,4	56,6	60,0	55,2	54,8
КНР	5,1	6,6	5,9	7,9	7,7	8,0	8,2	9,6	11,3	6,5	8,5	13,5	14,4
ЕС	19,2	23,4	31,4	18,5	19,2	18,6	17,6	17,7	19,7	19,1	17,5	19,9	15,9
прочие	16,3	16,8	7,9	17,0	17,7	16,2	15,4	16,9	18,6	17,8	14,0	11,4	14,9

Источники: составлено и рассчитано автором по: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, МИД Беларуси, ITC Trade Map.

⁹ По данным Белстата, в 2021 г. на страны ЕС приходилось 23,7% белорусского экспорта товаров, на КНР – 2,1%.

В 2017–2021 гг. основу белорусского экспорта составляли среднетехнологические товары высокого уровня, на которые приходилось 28–30% всего экспорта, тогда как доля высокотехнологических товаров составляла лишь 2,7–3,6%. При этом именно крупные организации обеспечивали свыше половины стоимости белорусского экспорта¹⁰, что впоследствии предопределило санкционную уязвимость экономики Беларуси.

Под западные санкции подпали крупные белорусские предприятия – ООО «Беларуськалий», ОАО «Белорусская калийная компания», Минский автомобильный завод (МАЗ). Европейские страны отказались закупать продукцию Белорусского металлургического завода (БМЗ). ЕС ввел запрет на экспорт отдельных нефтепродуктов и калийных удобрений, шин, всей группы лесоматериалов, мебели, черных металлов, цементной и кабельной продукции. Евросоюз прекратил поставки по широкому перечню оборудования, машин и механизмов, иных товаров, способствующих индустриальному развитию Беларуси¹¹. По состоянию на август 2024 г., против Беларуси было введено 1,5 тыс. санкций (из которых почти половина – после февраля 2022 г.), и по этому показателю страна занимает 5-е место в мире¹². В результате за два года белорусский экспорт в страны ЕС упал в 4,4 раза – с 6,9 млрд долл. в 2021 г. до 1,6 млрд долл. в 2023 г.¹³ Отметим, что экспорт товаров в Беларусь начал снижаться с декабря 2021 г., импорта – с января 2022 г. [7], т. е. еще до введения масштабных санкций Запада против России и во многом под воздействием европейских санкций против самой белорусской экономики.

При этом, в отличие от белорусского экспорта в страны ЕС, импорт Беларуси из стран Евросоюза не испытал столь значительного падения. Наоборот, после некоторого снижения в 2022 г. европейский экспорт в Беларусь вырос с 6,8 млрд долл. до 8,6 млрд долл. в 2023 г. Столь значительный рост ввоза товаров из стран ЕС был обусловлен резким ростом поставок легковых автомобилей – с 375 млн долл. стоимостного объема в 2021 г. до 2,6 млрд долл. в 2023 г.¹⁴ – для их последующего реэкспорта в Россию. Заметно увеличился белорусский импорт из Германии, соседних Польши и Литвы, но в то же время сократились поставки товаров из Украины и Латвии.

¹⁰ Внешняя торговля Республики Беларусь. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022. С. 13, 17.

¹¹ Санкции ЕС в отношении Беларуси // Министерство иностранных дел Республики Беларусь // https://belgium.mfa.gov.by/ru/exportby/eu_sanctions/.

¹² Russia Sanctions Dashboard // <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>.

¹³ Расчеты по данным ITC Trade Map.

¹⁴ Расчеты по данным ITC Trade Map.

В условиях резко возросшей в последние годы глобальной напряженности, военного конфликта вокруг Украины и масштабной санкционной политики Запада против Беларуси и России в 2024 г. был подготовлен проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. В новом документе сохранилась многовекторность внешнеэкономического курса страны, но подходы к ее достижению были скорректированы. Ключевым стратегическим вектором развития было признано углубление двусторонней интеграции с Россией в рамках Союзного государства. Также стратегически важным определено углубление партнерства в рамках ЕАЭС и СНГ. Ставится задача по обеспечению участия Беларуси в ШОС и БРИКС как полноправного партнера. Ключевым направлением остается наращивание всестороннего сотрудничества с КНР, а также с перспективными, быстрорастущими экономиками и емкими рынками стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. В то же время отмечается заинтересованность в ведении диалога с западными странами с целью выхода на позитивную траекторию сотрудничества, в первую очередь в торгово-экономической и инвестиционной сферах¹⁵. Однако реальное укрепление экономического взаимодействия Беларуси с западными странами вряд ли возможно в обозримой перспективе.

На фоне ухудшения отношений с Евросоюзом происходит усиление институционального взаимодействия Беларуси с нейтральными странами и объединениями. В 2024 г. Республика Беларусь вступает в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), а также получает статус государства – партнера БРИКС. Это открывает новые возможности для наращивания совместных усилий по укреплению потенциала этих двух объединений, но не создает преференциальных торговых условий для белорусских товаров. В этой связи Беларуси совместно с Россией следует стремиться к дальнейшей гармонизации интеграционных процессов в рамках Большого Евразийского партнерства, в том числе за счет совместного развития транспортно-логистической инфраструктуры.

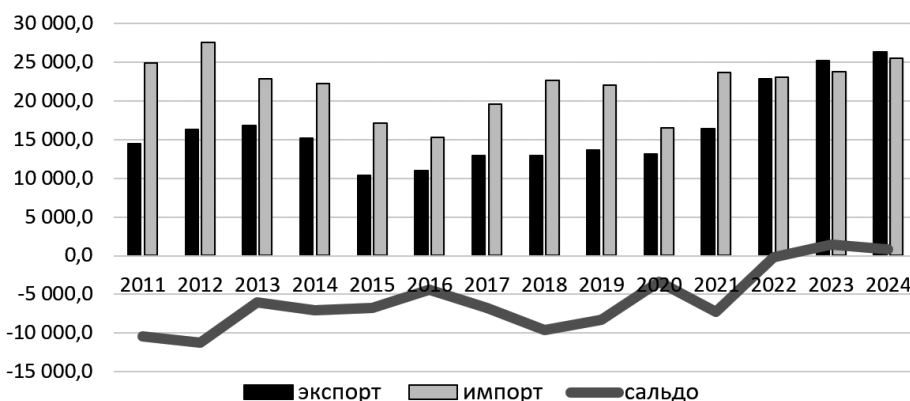
Новый этап в российско-белорусском взаимодействии: от транзитно-энергетической к промышленно- технологической связанности

Для анализа торгового взаимодействия России и Беларуси отдельно рассмотрим его основные тенденции в досанкционный (до 2020–2021 гг.) и санкционный (2022–2024 гг.) периоды.

¹⁵ Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. Минск: Министерство экономики Республики Беларусь, 2024. С. 106–109.

В *досанкционный период* российско-белорусское торговое взаимодействие носило неоднозначный характер и определялось преимущественно транзитно-энергетической связанностью двух стран. Так, в 2012–2021 гг. динамика взаимной торговли товарами Беларуси и России носила неравномерный характер и колебалась от 26,3 млрд долл. до 43,9 млрд долл., что во многом было обусловлено изменениями конъюнктуры на мировых топливно-сырьевых рынках, сохраняющимися двусторонними противоречиями и торговыми конфликтами, а также недостаточной скоординированностью их экономических политик. Иными словами, в течение десяти лет стоимостной объем российско-белорусской торговли товарами стагнировал, достигнув своего пика в 2012 г. на фоне позитивных торговых эффектов от запуска ТС – ЕЭП. Так, в 2021 г. белорусский экспорт в РФ оставался на уровне 2012 г. В то же время сохранялся хронический дефицит торгового баланса Беларуси в торговле с Россией (см. рис. 3), что отчасти было обусловлено трудностями белорусских государственных (или полугосударственных) предприятий [5].

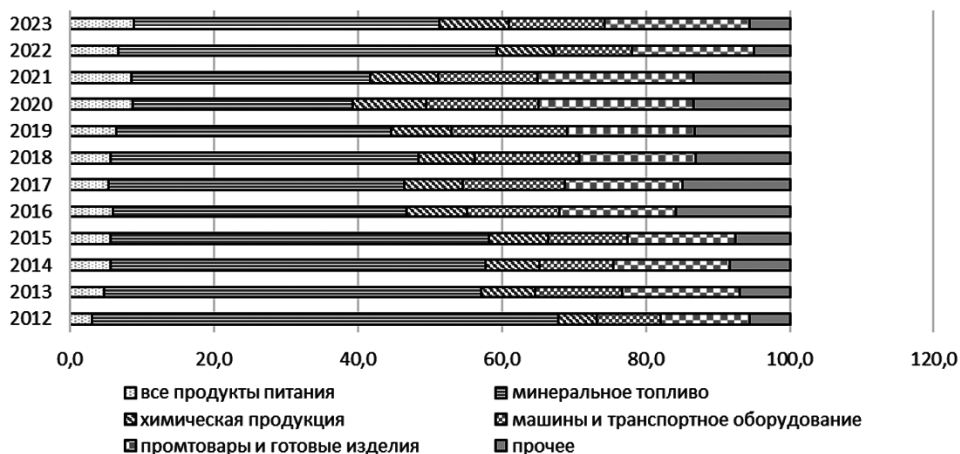
Основу российского экспорта в Беларусь составляли сырая нефть (30%) и природный газ (13%), а также легковые автомобили, отходы и лом черных металлов, каменный уголь, прокат из железа или нелегированной стали¹⁶. При этом Беларусь выполняла для России важную транзитную функцию по обеспечению ее торгового взаимодействия с Евросоюзом. Благодаря транзиту экспорт транспортных услуг Беларуси составлял до 4,0 млрд долл. в год, или около 6% ВВП. В условиях санкций против двух стран и изменения транспортно-логистических цепочек поставок белорусская экономика лишилась значительных транзитных доходов.

Источники: составлено и рассчитано автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, МИД Беларуси, ITC Trade Map.
Рис. 3. Внешняя торговля товарами Беларуси с Россией, млн долл.

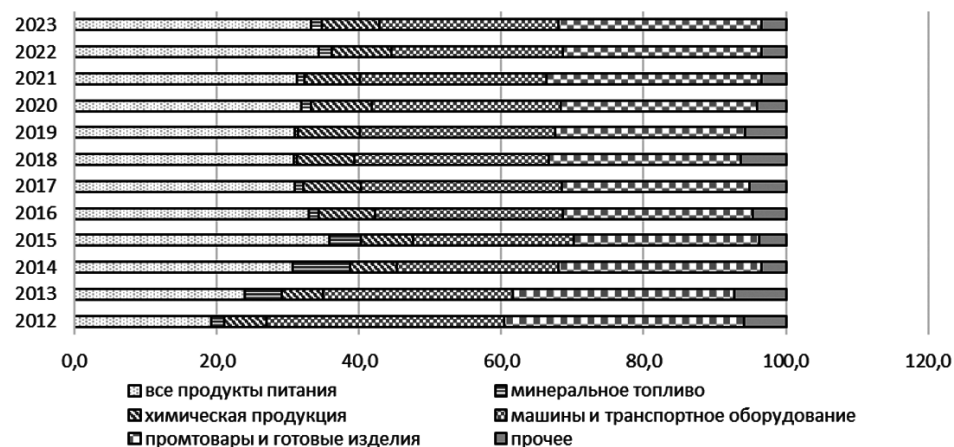
¹⁶ Расчеты автора по данным ITC. Trade Map на 2019 г.

За 2012–2021 гг. произошло значительное улучшение структуры российского экспорта в Беларусь: доля минерального топлива уменьшилась почти в 2 раза, на фоне роста удельного веса всех остальных крупных товарных групп, в том числе машин и транспортного оборудования с 8,8% до 13,8% (рис. 4). В то же время в белорусском экспорте в Россию заметно выросла доля продуктов питания (с 19,3% до 31,3%), но снизился вклад машин и транспортного оборудования (с 33,4% до 26,3%) (см. рис. 5), в том числе за счет уменьшения их стоимостных объемов (с 6,0 млрд долл. до 4,9 млрд долл.)¹⁷.

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Рис. 4. Товарная структура импорта Беларуси из РФ

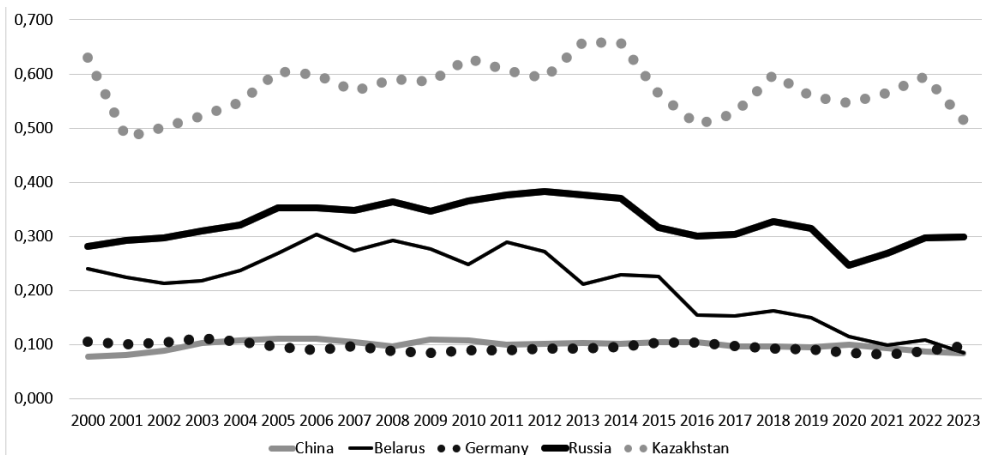

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Рис. 5. Товарная структура экспорта Беларуси в Россию

¹⁷ Расчеты автора по данным UNCTAD.

Вместе с тем сразу после запуска ТС – ЕЭП в белорусском экспорте с 2012 г. отмечалось устойчивое снижение товарной концентрации, что свидетельствует о более однородном распределении экспортных продуктов, т. е. об улучшении степени товарной диверсификации, которая соответствует показателям Китая и Германии, значительно опережая данные Казахстана и России (см. рис. 6).

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Рис. 6. Динамика индекса концентрации экспорта Беларуси, России и некоторых других стран в 2000–2023 гг.

В санкционный период произошли значительные изменения во взаимной торговле двух стран на фоне резкого сокращения их торговых связей со странами Евросоюза и усиления промышленно-технологической связанности Союзного государства.

С начала 2022 г. статистические службы России и Беларуси прекратили публикацию детализированной статистики по внешней и взаимной торговле, ограничившись лишь общими данными по всей внешней торговле страны и в разрезе крупных регионов и общих товарных групп, что затрудняет анализ произошедших за последние три года изменений. Для оценки стоимостных объемов взаимной торговли товарами воспользуемся комбинированным методом – общими данными по экспорту и импорту товаров Беларуси со странами СНГ и вычитанием из них соответствующих показателей импорта и экспорта восьми стран Содружества (без Грузии и Туркменистана) на основе базы данных ИТС Trade Map. По нашим расчетам, за 2022–2023 гг. белорусский экспорт товаров в Россию вырос на 54,1% – с 16,4 млрд долл. до 25,2 млрд долл., тогда как импорт Беларуси из РФ практически не изменился, увеличившись лишь на 0,5% – с 23,7 млрд долл. до 23,8 млрд долл.

Отметим, что столь значительный рост белорусского экспорта в Россию отчасти мог быть обусловлен реэкспортом европейских автомобилей на российский рынок. Так, экспорт легковых автомобилей из стран ЕС в Беларусь в 2021–2023 гг. вырос почти в 7 раз – с 375 млн долл. до 2,6 млрд долл.¹⁸ Однако после изменения правил взимания утилизационного сбора в РФ с октября 2024 г. возможности для такого реэкспорта будут существенно ограничены¹⁹.

По нашим оценкам, взаимный российско-белорусский товарооборот в 2023 г. составил 49,0 млрд долл. С учетом опережающего роста белорусского экспорта сальдо торгового баланса Беларуси в торговле товарами с Россией в 2023 г. впервые стало положительным и составило 1,5 млрд долл. (см. рис. 3). В 2024 г. взаимный товарооборот двух стран вырос на 6,3% и достиг 51,8 млрд долл., в том числе белорусский экспорт в РФ увеличился на 8,0% и составил 26,3 млрд долл. Тем самым Беларуси удалось сохранить положительное сальдо во внешней торговле с Россией в размере 796 млн долл. (против 1,5 млрд долл. в 2023 г.). В результате на долю России пришлось 60,2% стоимостного объема внешней торговли товарами Беларуси, в том числе 65,2% – экспорта и 54,8% – импорта²⁰.

Произошедший значительный рост российско-белорусской торговли стал следствием укрепления двустороннего сотрудничества в рамках Союзного государства (СГ) на фоне масштабных санкций Запада. Усиление промышленной кооперации двух стран было обусловлено отказом стран ЕС покупать традиционные товары их экспорта и необходимостью переориентации отраслей и предприятий на рынки друг друга²¹, уходом части западных компаний и высвобождением соответствующих рыночных ниш, транспортно-логистическими и валютно-финансовыми ограничениями во внешней торговле с недружественными государствами, а также активизацией инвестиционного взаимодействия и усилением межгосударственной координации промышленной политики и импортозамещения.

За 2021–2024 гг. были приняты ключевые межгосударственные документы, закладывающие прочную основу для углубления экономической интеграции России и Беларуси. В текущих геополитических

¹⁸ Расчеты автора по данным ИТС. Trade Map.

¹⁹ Болотова Н. Доедут ли иномарки через Беларусь до российского потребителя? Интервью с российским брокером об изменениях на авторынке РФ // https://av.by/news/povyuchenie_utilsbora_v_rf.

²⁰ Беларусь и сотрудничество с Россией в экономической сфере. МИД Беларуси // <https://mfa.gov.by/bilateral/russia/regions/economy/>.

²¹ Кулагин В. Как Белоруссия извлекает выгоду из Союзного государства / Ведомости. 25 ноября 2024 г. // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/11/25/1076990-kak-belorussiya-izvlekaet-vigodu-iz-soyuznogo-gosudarstva>.

условиях значительно возросла необходимость не только в гармонизации финансово-экономических систем двух стран, но и в разработке соответствующих механизмов компенсации негативного воздействия введенных Западом санкционных ограничений [1, с. 93]. В новых двусторонних соглашениях предусматривается не только тесная координация национальных экономических политик, но и совместные действия по реализации общих отраслевых проектов с обеспечением необходимых финансовых ресурсов.

Так, на фоне резкого ухудшения отношений Беларуси с Западом в ноябре 2021 г. были утверждены Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг., куда вошли 28 отраслевых союзных программ. В сентябре 2022 г. было подписано межправительственное соглашение о транзите белорусских грузов через территорию РФ, что впоследствии позволило обеспечить альтернативные маршруты их вывоза после закрытия портов Литвы и Латвии для калийных удобрений и нефтепродуктов из Беларуси. В ноябре 2022 г. было подписано соглашение о предоставлении Беларуси российского кредита в размере 105 млрд руб. на реализацию проектов в сфере импортозамещения. В феврале 2023 г. заключено межправительственное соглашение о единой промышленной политике, направленное на импортозамещение и ускорение процессов локализации производства в рамках СГ.

В январе 2024 г. были приняты обновленные Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг., которые нацелены на проведение согласованной структурной макроэкономической политики, создание общего финансового рынка, согласованную налоговую политику и сотрудничество в таможенной сфере, а также на активизацию сотрудничества в промышленности, сельском хозяйстве, энергетике, транспорте, информационной сфере²². Утверждена новая Стратегия научно-технологического развития Союзного государства до 2035 г., направленная на укрепление общего технологического суверенитета, включая запуск крупных совместных проектов по импортозамещению и созданию конкурентоспособных продуктов с высокой добавленной стоимостью. В декабре 2024 г. был подписан двусторонний договор о формировании объединенного рынка электрической энергии Союзного государства. Наконец, в марте 2025 г. заключено межправительственное Соглашение о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности.

Масштабные российские инвестиции под конкретные отраслевые проекты позволили активизировать общие усилия в сфере импорто-

²² Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг. // <https://посткомст.рф/docs/item/238636/>.

замещения. За 2021–2023 гг. российские инвестиции в реальный сектор белорусской экономики выросли с 3,7 млрд долл. до 5,1 млрд долл., а доля РФ в общем объеме поступивших иностранных инвестиций в Беларусь – с 42,6% до 66,7%²³. По официальным оценкам, на конец 2024 г. были отобраны 27 проектов в сфере микроэлектроники, химии, металлургии и машиностроения, из которых более 20 проектов уже запущены в реализацию²⁴. В частности, расширяется производство комплектующих для белорусских комбайнов, растет выпуск самосвалов и строительной техники, модернизируется Минский подшипниковый завод, а также ведется работа по обеспечению производства самолетов и деталей, сельскохозяйственной техники, проходят модернизацию предприятия станкостроения.

Таким образом, происходящее углубление сотрудничества в области промышленной кооперации, в энергетике и транспорте позволяет говорить об этапе «качественно новой связанности» [3, с. 87] российско-белорусского сотрудничества. В результате коэффициент торгово-экономической связанности (КТЭС)²⁵ двух стран увеличился с 2,094 в 2021 г. до рекордных 2,355 в 2023 г.²⁶, что является самым высоким значением для России среди ее торговых партнеров.

Заключение

В условиях сформировавшейся после 2020–2022 гг. новой геэкономической реальности экономическое взаимодействие с РФ стало ключевым и практически безальтернативным стратегическим направлением развития Республики Беларусь. До масштабных западных санкций и Беларусь, и Россия выступали, с одной стороны, в качестве поставщиков топливно-сырьевых товаров на рынок ЕС, а с другой – потребителями европейской высокотехнологичной продукции. Такая модель их двусторонних связей с Евросоюзом во многом тормозила экономическую интеграцию Беларуси и России, которая наткнулась на противоречивые интересы российских энергетических компаний, стремящихся к получению максимальной прибыли (в том числе от

²³ Статистический ежегодник Республики Беларусь. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. С. 274.

²⁴ Гайва Е. Дмитрий Вольвач: Предложения по бренду «товар Союзного государства» представят к середине 2025 года// Российская газета. 2024, 20 ноября // <https://rg.ru/2024/11/18/v-minekonomrazvitiia-rasskazali-o-podgotovke-brenda-tovar-soiuznogo-gosudarstva.html>.

²⁵ КТЭС исчисляется как отношение объема взаимного товарооборота двух стран к их суммарному ВВП (в текущих ценах) и умножения полученной величины на 100.

²⁶ Расчеты автора по данным ИТС. Trade Map; IMF. World Economic Outlook Database, October 2024.

Беларуси), а также на невозможность усиления присутствия на товарных рынках (прежде всего российском) друг друга из-за конкуренции с западными компаниями.

Украинский кризис во многом раскрыл взаимную геополитическую и геоэкономическую значимость двух стран. Санкции Запада и уход части западных компаний с российского рынка продемонстрировали важность сохранившегося промышленного потенциала Беларуси для России. В текущих условиях Беларусь оказалась более готовой к полноценной экономической интеграции с Россией. Усиление межгосударственной координации в рамках Союзного государства за счет принятия соответствующих двусторонних документов создали необходимую институциональную базу для углубления сотрудничества. Российские инвестиции в белорусскую экономику позволили запустить совместные отраслевые проекты в сфере импортозамещения и значительно увеличить экспорт Беларуси в Россию. В результате Республике Беларусь удалось достичь профицита в торговле с РФ. Однако резко возросла зависимость белорусской экономики от российского рынка сбыта, на который теперь приходится почти 2/3 товарного экспорта республики.

В то же время Беларуси пока не удастся заметно усилить свои позиции на рынках стран «дальней дуги». Опережающий рост импорта из стран вне СНГ (прежде всего из КНР) ведет к увеличению отрицательного общего сальдо внешней торговли Беларуси. Растущий импорт из стран дальнего зарубежья во многом обусловлен зависимостью белорусской экономики (и ее экспорта) от ввоза промежуточных (сырья и материалов) товаров. Нарастание экспорта из Беларуси в азиатские страны во многом сдерживается высокими транспортно-логистическими издержками. Одним из способов стабилизации внешнеторгового баланса Беларуси может стать выпуск новых товаров в кооперации с Россией (в том числе в рамках общих программ импортозамещения) с последующим совместным выходом на внешние рынки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова С. Белоруссия: отношения с Россией в условиях новых внешнеполитических реалий // Россия и новые государства Евразии. 2022. № IV (LVII). С. 89–98.
2. Вардомский Л. Вопросы сопряжения инициативы Китая «Пояс и Путь» и проекта Евразийского экономического союза // Общество и экономика. 2024. № 7–8. С. 112–126.
3. Вардомский Л. Союзное государство Беларусь – Россия за четверть века: от столкновения интересов к новой модели сотрудничества // Мир перемен. 2024. № 4. С. 75–90.
4. Кузьмина Е.М. Динамика внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь // ЭКО. 2022. № 5 (575). С. 8–28.

5. *Пылин А.Г.* Белорусский бизнес в ЕАЭС как фактор региональной интеграции // Инновации и инвестиции. 2019. № 10. С. 92–97.
6. *Пылин А.Г.* Ускоряют ли санкции Запада экономическую интеграцию России и Беларуси? // Мир перемен. 2022. № 4. С. 136–144.
7. *Сибирская А.* Итоги внешней торговли Республики Беларусь в условиях санкционного давления // Банкаўскі веснік. 2024. № 2/727. С. 43–51.
8. *Хейфец Б.А.* Станет ли современная геополитическая фрагментация одновременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства?: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2024. – 110 с.
9. *Шурубович А.В.* Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. М.: ИЭ РАН, 2018. – 96 с.

REFERENCES

1. *Astakhova S.* Belarus: Relations with Russia in the Context of New Foreign Policy Realities // *Russia and the New States of Eurasia*, 2022, No. IV (LVII). Pp. 89–98. (In Russ.).
2. *Vardomsky L.* Issues of Interfacing China's Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union Project // *Society and Economy*. 2024. No. 7–8. Pp. 112–126. (In Russ.).
3. *Vardomsky L.* The Union State of Belarus – Russia in a Quarter of a Century: From a Clash of Interests to a New Model of Cooperation // *The World of Change*. 2024. No. 4. Pp. 75–90. (In Russ.).
4. *Kuzmina E.M.* Dynamics of the Foreign Economic Strategy of the Republic of Belarus // *ECO*. 2022. No. 5 (575). Pp. 8–28. (In Russ.).
5. *Pylin A.G.* Belarusian Business in the EAEU as a Factor of Regional Integration // *Innovations and Investments*. 2019. No. 10. Pp. 92–97. (In Russ.).
6. *Pylin A.G.* Do Western Sanctions Accelerate the Economic Integration of Russia and Belarus? // *The World of Changes*. 2022. No. 4. Pp. 136–144. (In Russ.).
7. *Sibirskaya A.* Results of Foreign Trade of the Republic of Belarus under the Conditions of Sanctions Pressure // *Bankovski Vesnik*. 2024. No. 2/727. Pp. 43–51. (In Russ.).
8. *Kheifets B.A.* Will Modern Geopolitical Fragmentation Become a Long-Term Trend of New Regionalization of the Global Economic Space?: Scientific Report. M.: IE RAS, 2024. – 110 p. (In Russ.).
9. *Shurubovich A.V.* Economic Interaction between Russia and Belarus: Integration Projects and National Interests. M.: IE RAS, 2018. – 96 p. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 10.03.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пылин Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент Кафедры международного бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия

ORCID: 0000-0002-1979-3624

artem-pylin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Artem G. Pylin – Cand. Sci. (Econ.), Docent, Associate Professor of the Department of International Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; Senior Research Fellow, Smolensk State University, Smolensk, Russia

ORCID: 0000-0002-1979-3624

artem-pylin@yandex.ru

CONTOURS OF TRADE INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND BELARUS IN THE NEW GEOECONOMIC REALITY

The article studies the dynamics and structure of Russian-Belarusian trade relations over the past twelve years. It considers Belarus' approaches to the multi-vector nature of its foreign economic course and their evolution under the influence of external factors. The main features of trade interaction between Russia and Belarus in the pre-sanctions and sanctions periods are highlighted. An analysis of interstate documents adopted in 2021-2024 years is carried out from the point of view of their impact on deepening economic integration within the Union State. The author concludes that the two countries are moving to a new stage of cooperation, namely from transit and energy to industrial and technological connectivity. Some recommendations for further economic interaction between the two countries are offered.

Keywords: *Belarus, Russia, Union State, trade interaction, connectivity, sanctions, import substitution, fragmentation of the world economy.*

JEL: F02, F14, F15.